

К.А. Абульханова-Славская

***СТРАТЕГИЯ
ЖИЗНИ***

Издательство «Мысль», 1991

ОГЛАВЛЕНИЕ

	стр.
<i>ВВЕДЕНИЕ</i>	2
<i>Глава I. ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ</i>	6
1. <i>Личная жизнь как проблема</i>	-
2. <i>Жизненный путь в понимании психолога</i>	12
3. <i>Особенности жизненного пути</i>	20
<i>Глава II. АКТИВНОСТЬ И ЖИЗНЕННАЯ СТРАТЕГИЯ ЛИЧНОСТИ</i>	40
1. <i>Особенности активности личности</i>	-
2. <i>Самовыражение и самолюбие как проявления индивидуальности</i>	50
3. <i>Инициатива и ответственность как формы активности и стратегии личности</i>	57
<i>Глава III. ЧЕЛОВЕК — ОРГАНИЗАТОР СВОЕГО ВРЕМЕНИ</i>	66
1. <i>Время в жизни человека</i>	-
2. <i>Организация людьми времени своей жизни</i>	71
3. <i>Жизненные перспективы личности и организация времени</i>	75
<i>Глава IV. ЛИЧНОСТЬ В ПРОЦЕССЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ОБЩЕНИЯ</i>	79
1. <i>Личность как субъект деятельности</i>	-
2. <i>Совместная деятельность и ее субъект</i>	85
3. <i>Личность в процессе общения</i>	87
<i>Глава V. СОЦИАЛЬНОЕ МЫШЛЕНИЕ — ОСНОВА ЖИЗНЕННЫХ СТРАТЕГИЙ</i> ...	96
1. <i>Общественное сознание и социальное мышление</i>	-
2. <i>Основные процедуры и типы социального мышления</i>	105
<i>Глава VI. ЖИЗНЕННАЯ СТРАТЕГИЯ: КАК ЕЕ СТРОИТЬ?</i>	118
1. <i>Притязание, саморегуляция и удовлетворенность личности</i>	-
2. <i>Жизненные стратегии</i>	127
3. <i>Типология личности и стратегия жизни</i>	138
<i>ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ</i>	151
<i>СПИСОК ЦИТИРУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ</i>	155

ВВЕДЕНИЕ

Человеческая жизнь, особенно жизнь личная, индивидуальная, является чрезвычайно сложной. Воспринимая свою жизнь как нечто глубоко личное, каждый человек меньше всего хочет, чтобы его «учили жить». Поступая и действуя во всем остальном «как надо», он хочет сохранить за собой право в личной жизни быть самим собой. С этих позиций и написана данная книга, в которой отстаивается и обосновывается это право.

Интенсивность жизни современного человека такова, что часто ему даже некогда задуматься, чего он хочет от жизни, так ли он живет. Власть над жизнью приобретают дела, а сам человек незаметно оказывается только ответчиком за то, сколько он успел сделать. Его жизнь как бы начинает распадаться на две неравные части: большая часть — служба, общественные дела, труд, за вычетом которых остается скромный отрезок времени, именуемый нами личной жизнью (когда мы действительно принадлежим себе, своим близким, своему дому, своим мыслям и мечтам). Конечно, служба, работа — это наша служба, наша работа, даже наше любимое дело. Но как сильно изменили нас «годы застоя», как сильно взяли над нами власть звонки и бумаги, как превратили нас в безмолвных «присутствующих» бесконечные заседания, и мы незаметно стали лишь исполнителями этой жизни. Именно поэтому право на личную жизнь нуждается в защите.

От кого же мы защищаем это право? Прежде всего, от общественного сознания, которое складывалось и владело умами не один год. Оно декларировало тезис о человеке — строителе общества, покорителе природы. Отдельный человек рассматривался как безликая единица общества, его безымянный, слившийся с массой и растворившийся в ней индивид. Особенности развития нашего общества привели к анонимности отдельной личности. Бюрократические отношения уравнили всех как «сотрудников», «работников», «участников» и т.д. Долгие годы ценность каждой личности, ее неповторимой личной жизни не только не была осознана, но и активно нивелировалась.

Среди фундаментальных знаний, даваемых современному человеку в школе и вузе, не было, и нет знаний психологии человека. Люди со школьной скамьи детально изучают пестики и тычинки, кости скелета и расположение мускулатуры, но не получают знаний о роли и значении для жизни человека воли и разума, не знают законов формирования группы, общности и тем более жизни человека. Молодежь вступает во взрослую жизнь, умея поставить физический опыт, но не подозревают, что и психология людей имеет свои закономерности, что поступки и характер другого человека можно и понять, и объяснить. Между тем знание психологии может помочь каждому человеку понять себя, увидеть свою индивидуальность, изучить свой характер, прояснить свои проблемы, помочь разобраться в трудностях. Психология может помочь человеку осознать его личную жизнь как индивидуальную, неповторимую.

В недавние годы в общественном сознании господствовала установка, в соответствии с которой личная жизнь каждого была под контролем: предписывалось, кого ненавидеть, кого любить, с кем дружить. Общество узурпировало право суда над личной, семейной жизнью человека. Наличие двух «ответственных» (человека и общества) за личную жизнь, т.е. внешний контроль, не усиливало, а подтачивало внутренний самоконтроль личности, ее чувство ответственности за свою и своих близких жизнь, за свои поступки и поведение. При этом личная жизнь не становилась более «правильной» с позиций требований социальных норм, а ее «хозяин» переставал распоряжаться собственной жизнью, подчиняясь внешним требованиям, текущим делам, текущим событиям и т.д., оказываясь во власти времени или бессмысленных бюрократических форм.

Наивно думать, что, например, бессмысленное отсиживание часами на работе без дела, которое воспринималось как социально осмысленное явление, не разрушало структуры сознания людей. Люди либо привыкали лгать сами себе, либо защищали свой внутренний мир цинизмом, равнодушием. Мы не «замечали», что, присутствуя

«физически» на своем рабочем месте или на заседании, люди «внутренне» отсутствовали. Одни стали вести антиобщественную, противоправную жизнь, другие, уклонившись от внешнего контроля, потеряли и контроль внутренний (алкоголизм, вещизм), третьи «укрылись» в своих житейских радостях и проблемах.

Сложность описания проблем личной жизни, прежде всего, в том, что нужно писать не о том, что от нее осталось, а о том, какой она должна бы быть, чтобы человек имел чувство собственного достоинства и был уверенным в себе, принципиальным, активным. Только сегодня мы начали осознать, как много мы потеряли именно в личностном плане. Самым трудным для каждого человека является признаться в этом самому себе. Однако невозможность довести самокритику до принципиальных внутренних рубежей является и сильной стороной человека, потому что перестает быть личностью тот, кто отказывается от себя. Но побеждает тот, кто верит в свои лучшие, сильные стороны, кто всегда убежден, что они у него есть.

Важно осознать, что кроме превращенных форм жизни существуют превращенные формы психики, сознания, определенные психологические потери, восполнить которые бывает очень трудно, а порой просто невозможно. Например, существует особый личностный механизм «возложения ответственности», когда человек, снимая ее с себя, в своих неудачах, просчетах, ошибках стремится обвинить других: родителей, окружающих, обстоятельства, общество («не дали», «не создали», «не обеспечили»). Другой механизм: человек во всем подражает окружающим (в одежде, в образе жизни, в привычках и т.д.), и при этом он глубоко убежден в своей индивидуальности, неповторимости, самостоятельности, даже оригинальности. Это механизмы самообмана, помогающие человеку вести активную жизнь, достигать внешних успехов и удовлетворенности, но постепенно ведущие к утрате своего истинного «я».

Психологи выявили ряд механизмов так называемой защиты, когда, не желая обострять отношения, подросток старается казаться хуже, чем он есть, чтобы защитить свой внутренний, еще неустойчивый, не окрепший для критики, для компромиссов, для разочарований мир от грубости окружающих. Однако такие поначалу нарочитые проявления психологической защиты незаметно могут перейти в грубость, стать чертой характера, линией поведения, позицией в жизни, и избавиться от этого уже бывает очень трудно. Цинизм, скептицизм могут быть, как доказывают психологи, «страусиной» политикой, с помощью которой человек, не определивший смысла своей жизни, внутренне слабый, незрелый уходит от столкновения с действительностью, от противоречий жизни.

Особенность психологии людей и суть их личной жизни состоят в преодолении противоречий внешнего и внутреннего мира, в поисках разнообразных подходов и способов их разрешения. Одни люди, уклоняясь от разрешения внешних противоречий, оказываются во власти противоречий внутренних, противоречий своей совести, своего сознания. Другие, напротив, легко покончив с противоречиями своего внутреннего мира, активно берутся за разрешение внешних трудностей. Иными словами, в жизни людей оказываются преобладающими разного рода противоречия, которые достигают разной степени остроты, способствуют развитию или регрессу личности, открывают или закрывают путь для ее нормального психического развития и далее функционирования. О личной жизни сложно писать, поскольку она строится людьми разного типа, представляет собой индивидуальное решение каждой жизненной судьбы, индивидуальное определение своего места в обществе, особое отношение к его ценностям, особый способ их реализации или отрицания.

Можно ли говорить об общих для всех людей закономерностях их жизненного пути, если каждый путь индивидуален, представляет собой индивидуальную «историю» личности?

Психолог ищет личную жизнь не в сфере убывающего (по мере возрастания трудностей быта) свободного времени, не в сфере семьи и ее проблем и не в сфере досуга.

Психолог не может исследовать внутренний мир человека по тому числу книг, которые он успевает читать, по количеству посещения театров, в которые ему удастся попасть, по той информации, которую он осваивает, и т.д. Для психолога личная жизнь начинается с постановки таких вопросов, как: живет ли человек в соответствии со своими потребностями, мирится ли со своей неудовлетворенностью жизнью, имеет ли жизненные перспективы, как он соединяет в своей жизни то, что он хочет, что он может и что он должен? Иными словами, жизненный путь личности, который интересует психолога, имеет единые для всех людей «измерения», аспекты, проблемы, но способ их решения глубоко индивидуален, а потому индивидуален и жизненный путь каждого человека.

Поэтому проблема жизненного пути может стоять только так: каждый, кто хочет сознательно строить свой жизненный путь, должен познакомиться с психологическими механизмами, присущими личности, чтобы лучше узнать себя, свои особенности. От стихийного способа жизни человек может перейти к такому, который он будет определять сам. Но суть этого определения в выборе условий, направления жизни, в выборе того образования, той профессии, которые максимально отвечали бы особенностям его личности, его желаниям, его способностям, в построении соответствующей стратегии жизни.

В книге предлагаются некоторые сведения о типах активности личности, о характере ее притязаний, о тех способах, которыми люди выражают себя в жизни, об организации времени разными людьми, об особенных типах мышления, о некоторых если не типах, то стратегиях построения общения, наконец, о некоторых типичных структурах сознания людей. Типология дает возможность показать, насколько люди по ряду оснований отличаются друг от друга, почему нельзя подходить ко всем с единой меркой, судить о другом по себе, а нужно стремиться понять другого человека, увидеть его особенности, постараться разобраться в его позиции. Между тем именно эти простейшие, элементарные правила до сих пор не были объектом пристального внимания.

По нашему мнению, стратегия жизни человека имеет три основных признака. Первый — выбор основного для человека направления, способа жизни, определение ее главных целей, этапов их достижения и соподчинение этих этапов. Стратегия, возникая сначала как замысел жизни, как ее смысл, идеальный план, затем требует реализации на практике. А на практике люди сталкиваются и с тем, что открывает дорогу для реализации их замысла, и с тем, что ему противоречит, что может увести в сторону.

Намерения человека и встречные требования жизни часто образуют противоречия между тем, чего хочет человек, и тем, что предлагает ему жизнь. Поэтому второй признак стратегии жизни — это решение противоречий жизни, достижение своих жизненных целей и планов. Способы решения противоречий, желание их решать (или уход от них) есть особые жизненные качества личности, которые вырабатываются в процессе жизни и отличаются, скажем, от ее способностей и даже характера. Жизненная задача человека не только в том, чтобы выбрать, где применить свои силы, как проявить себя. Он должен решать возникающие противоречия, определять пути самореализации, создавая для этого условия, которых нет в наличии.

В основном люди живут жизнью, как будто не имеющей никаких примечательных черт, но, тем не менее, она интересна и увлекательна, поскольку люди ведут свой жизненный поиск, открывают для себя постоянно нечто новое. Каждая находка на этом пути добывается с трудом, но приносит несказанную радость, наводит на новые мысли, предположения, догадки. Это третий признак стратегии жизни, который состоит в творчестве, в созидании ценности своей жизни, в соединении своих потребностей со своей жизнью в виде ее особых ценностей. Ценность жизни, состоящая в интересе, увлеченности, удовлетворенности и новом поиске, и есть продукт определенного способа жизни, индивидуальной стратегии жизни, когда они определяются самим человеком.

Между психологами несколько лет назад возникла дискуссия на тему: все ли люди являются личностями? В ходе дискуссии один из авторитетных советских психологов

высказал точку зрения, согласно которой далеко не всякого человека можно назвать личностью, поскольку личностью является только творческий человек. Другие психологи без особых аргументов пытались доказать, что только в некоторых людях проявляется ярко выраженная личность. Однако мы не разделяем эти точки зрения по целому ряду причин. Не раскрывая эти причины детально, отметим, что в первую очередь психологу нельзя ставить на человеке точку, отрицая в нем личность, даже если это не развитый, ограниченный или запутавшийся в жизненных противоречиях человек. У человека всегда должна быть возможность осознавать себя личностью, перспектива стать лучше, разрешить свои противоречия, найти в себе силы, чтобы изменить свою жизнь, сделать ее другой.

В данной книге изложены некоторые психологические проблемы, которые являются предметом изучения психологической науки и связаны со стратегией жизни. Выделив тем самым особый аспект этих проблем, мы хотели привлечь внимание читателей именно к этому набору проблем, поскольку с их помощью осуществляется жизненная практика, вырабатывается самостоятельная жизненная стратегия. Это круг проблем активности личности, средств и способов ее самовыражения, саморегуляции, организации ее времени жизни. Стратегия является некоторым универсальным законом, способом самоосуществления человека в различных сферах его жизни. Поскольку каждый строит свою жизнь сам, стратегия жизни является индивидуальным достоянием, индивидуальным открытием каждого. В итоге каждый человек имеет такую жизнь, которую он построил сам. Принципиальное различие состоит в том, что один действительно строит свою жизнь, и даже достаточно сознательно, другой только использует то, что есть в наличии (и в жизни, и в нем самом). Поэтому, признавая каждого личностью, мы предполагаем, что далеко не каждый способен стать субъектом, строителем, творцом своей жизни. И книгу эту посвящаем анализу тех особых качеств, которые формируются у личности как субъекта жизни.

Глава I

ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ

1. *Личная жизнь как проблема*

Может ли человек построить собственную жизнь изначально по плану, замыслу; может ли он на каком-то этапе действительно круто ее изменить, как часто он обещает себе начать «жить заново»? Нужно ли специально вырабатывать идеи, принципы, в которых воплотился бы смысл того самого главного и сокровенного, к чему стремится, чего желает достигнуть человек? Или эти принципы возникают только в результате жизни как ее обобщенный и осмысленный опыт? Как руководствоваться ими в повседневных обыденных заботах, делах? Нужно ли вырабатывать отношение к собственной жизни — к своему прошлому и будущему — или нужно жить, как живется, учиться, лишь использовать каждый ее момент, случай? Эти и многие другие вопросы встают перед людьми, перед каждым в разной мере и в разные периоды жизни — или когда жизнь только начинается и обещает так много, или когда, разочаровавшись, человек спрашивает себя, могло ли быть иначе, так ли я жил.

В отличие от жизни социальной в личной жизни человека нет тех критериев, норм и стандартов, как нет и инстанций, которые могли бы судить и оценивать, хорошо ли сложилась его жизнь, благополучна ли, правильна ли она. Жизненные достижения, успехи, как правило, оцениваются лишь по социальным меркам и критериям — стал хорошим специалистом, добился славы, успехов, постов, материальных благ. Однако трудно себе представить, что именно эти достижения при всей их социальной значимости могут быть критериями для тех, кто их не достиг, не получил, не заработал. Простой человек не просыпается с горькой мыслью, что он не министр, а мать троих детей не начинает день с сожаления, что она не доктор наук, не академик. И как ни свойственна людям подражательность, все же каждый может легко утешить себя, сказав, что у него есть свое, а другого ему и не нужно.

В таком случае возникают вопросы: возможна ли постановка проблемы личной жизни; можно ли в ее осмыслении пойти по пути сравнения судеб людей, если эти судьбы так различны? Одна мать расскажет другой, что ее сын до сих пор не определился профессионально, меняет один институт на другой, раздумывает, имеет ли смысл получать высшее образование. Но другая мать вряд ли ее поймет, потому что ее сын увлекся физикой еще в школе, она вообще не заметила, как он поступил в институт: все шло легко и как бы само собой. Сейчас сын уже с увлечением разрабатывает сложную научную проблему. И т. д. Она вряд ли сумеет дать своей подруге полезный совет, потому что в свое время не обсуждала с сыном проблем выбора профессии, не прилагала каких-то специальных усилий для его благополучного профессионального становления.

Подобных личных проблем можно привести множество, причем в жизни одних людей их оказывается больше и они сложнее, запутаннее, в жизни других они разрешаются как бы сами собой. Личные проблемы включают множество конкретных проблем: воспитание детей, взаимоотношения с мужем (женой), с родителями, выбор профессии. Сложность их в том, что никто не имеет универсального правила, как разрешать тот или иной конфликт, как поправить семейную ситуацию, как изменить свою профессионально неудавшуюся судьбу. Тем более сложно разрешить такие внутренние проблемы, которые проявляются в ощущении пустоты и скуки жизни, в недовольстве собой и людьми.

И, тем не менее, говоря об отсутствии каких-то критериев и норм, по которым можно было бы оценивать жизнь человека извне, он сам имеет главный и безошибочный критерий, который, хотя и не поддается логическому объяснению, но вряд ли может быть истолкован произвольно. Этот критерий — удовлетворенность или неудовлетворенность

жизнью. Он имеет множество оттенков в зависимости от типов людей. Один человек недоволен жизнью, но винит в этом окружающих. Он говорит, что ему не дали, не создали условий, не открыли дорогу. Его нельзя переубедить тем, что рядом с ним такой же человек в тех же условиях живет полной, увлекательной, интересной жизнью. Другой человек несет в себе глубокое недовольство собой, он полон сожалений, что многое в свое время упустил, но не замечает, что продолжает жить по раз и навсегда выбранному стандарту, не пытается что-то изменить в своей жизни, хотя его жизнь еще далеко не окончена.

Удовлетворенность или неудовлетворенность жизнью — сложное, но всегда обобщенное чувство состоявшейся или несостоявшейся, удачной или неудачной жизни. Не в последнюю очередь оно сложно и потому, что мы сами иногда ведем с ним двойную игру. Испытывая разочарование в одном, мы утешаем себя победой в другом, подводим все к какому-то балансу. Но при этом не замечаем, что лишь успокаиваем себя, загоняя вглубь чувство недовольства, вместо того чтобы раскрыть его причины и реально изменить жизнь. Удовлетворенность — чувство верности, подлинности своей жизни — это порой едва ли не единственный источник наших жизненных сил, жизненной стойкости, жизненной инициативы, нашей способности идти вперед. В свою очередь неудовлетворенность, доходящая порой до полного отчаяния, также способна толкнуть нас на решительный и единственно правильный шаг — попытаться изменить свою жизнь.

Так можно ли и нужно ли обсуждать проблему личной жизни, можно ли делать это в каких-то общих терминах, понятиях, аспектах? Чтобы ответить на этот сложный вопрос, нужно сначала обрисовать тот социальный контекст, в котором, как нам, кажется, сегодня возникла проблема личной жизни.

Мы являемся участниками в известном смысле уникального этапа общественной жизни. В последние десятилетия в сознании каждого утвердился приоритет общественных ценностей, общественных дел, общественных идеалов, своеобразная модель коллективной, массовой, безличной жизни. Каждый в своей жизни был готов терпеть любые лишения, невзгоды. Перспективы личной жизни человека отождествились с радужными перспективами жизни общества, что привело к представлению о второстепенном характере собственной жизни. Наверное, трудно найти другой такой народ, в котором вера в общественный идеал настолько заслонила бы реальные жизненные проблемы, трудности и недостатки жизни. Когда в стране началась перестройка, от каждого потребовалось его собственное мнение, которое до сих пор однозначно должно было совпадать с общим, исходить из него и приводить к нему. Откуда же мог возникнуть особый, индивидуальный, тем более новый взгляд на вещи, события, ситуации, социальные процессы, если многие годы даже по поводу собственной жизни люди размышлять не умели и по-своему не жили?

Не только страх, но и вера в общее дело, особенно присущая нашему народу, способствовали формированию общества, в котором была сведена к минимуму индивидуальность, в котором личность отрицалась как реальная общественная единица, в котором действовали лишь центробежные силы. Понятие «личность» наполнялось только социально типичными характеристиками советского человека, определялось по отношению к благу общества, общественным целям, ценностям, критериям. Если личность как-то выделялась, то только по этим критериям (как герой труда и т. д.).

Достаточно обратиться к истории, чтобы увидеть в ней принципиально разные модели структурирования обществ: в одних общество складывалось из почти тождественных индивидов, в других — из различных, а потому взаимодополняющих друг друга. Можно привести в пример исторически ранние типы обществ, где индивидуальная жизнь не выделялась ни в социальном, ни в правовом, ни в экономическом, ни тем более в психологическом отношении: община существовала лишь на основе идентичности всех людей, а не как общность различных индивидов. По работам К. Маркса можно проследить, на каких этапах с разделением труда появляются другие способы общественной

жизни, предполагающие различия индивидов.

Общество, складывающееся из индивидуальностей, не обязательно должно быть обществом только индивидуалистов, которые используют общественные интересы в личных целях и тем самым разрушают целое. Модель общества, складывающегося из взаимодополняющего многообразия индивидуальностей, а не унифицированных индивидов, является по сравнению с безличным, отрицающим индивидуальность обществом прогрессивной и продуктивной. Принцип демократизации предполагает такую модель, а она в свою очередь предполагает личную жизнь.

Такое уточнение необходимо, прежде всего, для ответа на поставленные выше вопросы. В течение многих лет общественной жизнью и сознанием стандартизировалась, нивелировалась не только индивидуальность, но даже личность, а декларируемый индивидуальный подход на практике рассматривался, чуть ли не как потакание личным причудам, поскольку не существовало никаких социальных критериев индивидуальности, квалификации высшего уровня развития и индивидуальности профессионала, не говоря уже о личности.

Сегодня, когда представилась возможность сопоставлять идеал и реальное развитие (в экономической, идеологической и других сферах), принцип идентичности личности и общества, стандартизации всех людей обнаружил свою несостоятельность. Означает ли это, что в качестве новой ценности на первый план выдвигаются ценности данной, реальной личной жизни, что общественные перспективы уходят на задний план? Наблюдая сегодняшнюю действительность, можно сказать, что некоторые люди использовали возможности перестройки, ее экономические реформы, открывшие путь индивидуальной деятельности, а с ней и частным инициативам. Их жизнь действительно стала особенной... но только по своей материальной обеспеченности. Но означает ли это, что стала более индивидуальной, интересной их личная жизнь, что они стали как личности представлять для общества большую ценность? Сегодня сплошь и рядом представление о личной жизни связывается с инициативой, ведущей к материальному обогащению. И хотя это продуктивно в социально-экономическом смысле, но нельзя и преувеличивать этот аспект.

Конечно, в обсуждение начинают вовлекаться очень сложные вопросы о соотношении личной и общественной жизни (в плане экономическом и ценностном). К сожалению, критика мещанства, соответствующих потребительских тенденций часто велась с альтернативных позиций «честной бедности», а не с позиций, отстаивавших ценность личной жизни как индивидуального способа жизни человека, как творчества жизни.

Эти планы нельзя противопоставлять, но одним из проявлений зрелости личности является способность установить тот свой «порог», при котором она считает удовлетворенными свои материальные потребности и начинает рассматривать их лишь как одно из условий жизни, направляя свои жизненные силы на другие цели. Эта способность личности «переключить» свои жизненные стремления с материальных на другие ценности и является, собственно, показателем того, что она начала жить личной жизнью.

К сожалению, в силу тенденций стандартизации реальность личной жизни была сведена к минимуму и неодобительно оценивалась общественным сознанием как стремление уйти от общественной жизни, как противопоставление личных интересов общественным и т.д.

Демократия предполагает активное участие масс в общественных процессах, что подразумевает плюрализм, разнообразие, множество точек зрения. Но если иметь в виду не только различие мнений, но и индивидуальность личности, т. е. разнообразие ее жизненных качеств, то на какой почве оно может возникнуть? Мы предполагаем, что особенность взглядов, разнообразие убеждений связаны с особенностью жизненной позиции, с индивидуальностью способа жизни.

Первый подход к проблеме личной жизни предполагает освобождение от тех бесчисленных стереотипов, в которых мы привыкли ее осмыслять. Либо личная жизнь — это быт, домашнее хозяйство, семья, те крохи свободного времени, которые остаются на чтение, хобби, здоровье, либо личная жизнь — это альтернатива общественной жизни, т.е. эгоизм, предпочтение личных интересов общественным, и т.д. Для восстановления полноты реалий и понятия личной жизни необходимо, по-видимому, освободиться и от тех стандартов понимания общественной жизни и тех безличных форм, к которым свелась общественная жизнь личности. Последняя стала формальным присутствием в общественном месте в течение общественно необходимого времени: чем больше времени сидеть на собрании, присутствовать в стенах учреждения, не производя ни мысли, ни продукта, тем больше значило быть человеком общественным, жить общественной жизнью.

Создание, осмысление, наконец, построение личной жизни отнюдь не являются альтернативой общественной жизни, а, прежде всего, есть условие полноценного включения в последнюю. Однако такое включение может произойти только на основе собственного индивидуального отношения к общественной жизни и ее формам. Таким образом, личная жизнь это не частная жизнь, которая противопоставлена общественной. Она предполагает и общественное, и познавательное, и эстетическое, и этическое отношения к миру и людям¹.

Один из европейских психологов начала века провел следующий эксперимент. Он попросил двух молодых женщин описать свою работу. Одна из них начала с описания того, что она непосредственно делает, описала те бумаги, которые заполняет, затем куда их относит, ход их движения к начальству и таким образом, отправляясь от себя как центра, дала некоторое описание учреждения, где работает. Другая начала со структуры учреждения и, обрисовав всю иерархию, нашла в ней свое место и функции.

Отсюда видно, что в сознании разных людей строится собственное представление о той или иной структуре общественных учреждений и этот образ всегда структурирован по-своему. Но если обратиться к студентам-старшекурсникам, смогут ли они дать описание если не структур профессиональных учреждений (которые им могут быть неизвестны), то хотя бы своих представлений о структурах их будущей профессии, о ее разных функциях и вариантах и т.д.? На что же опирается их профессиональный выбор, если такие представления отсутствуют? О каком отношении к социальным проблемам может идти речь, если нет этих представлений?

Речь идет не только о конкретных знаниях социальных институтов, но и о том, что на их основе человек должен формировать свое отношение к тому, во что на каждом этапе своей жизни он включается, входит, к чему приобщается. При этом он должен решать, насколько он адекватен в данном, а не в другом месте, насколько его способности, знания, наконец, личность соответствуют тем социальным требованиям, условиям, структурам, в которые он попадает. Исходным для этого является наличие у него представления и мнения о них. Иными словами, человек соотносит себя с множеством социальных условий, форм и структур жизни (прежде всего, конечно, профессиональных), ее явных и скрытых принципов и механизмов, определяя свою траекторию движения в них. В этом и состоит первая и основная проблема его личной жизни.

Соотнести себя с формами социальной жизни, в которых предстоит жить и действовать, выявив свои возможности, особенности, и на этом основании определить свое место в этих формах, структурах — такова одна из главных задач индивидуальной жизни. Но эта задача может быть и поставлена и решаться по-разному. В течение многих лет она решалась в нашей стране путем социализации, т.е. адаптации человека ко всем социальным условиям, путем его полного приспособления к универсальным требованиям, а потому путем нивелирования его индивидуальности.

Авторитетный французский социальный психолог С. Московичи считает, что решение этой задачи возможно путем индивидуализации, который обеспечивается

обществом. Сравнивая традиции семейного воспитания и способа образования во Франции и США, он отмечает, что американцы стремятся как можно раньше снять опеку над ребенком в семье, тогда как французская семья продолжает опеку и в студенческом возрасте. Формирование индивидуальности, самостоятельности является достижением личности, но его поддерживают и образовательные институты. Но здесь речь идет об обеспечении индивидуализации обществом.

Задачу выработки своей индивидуальной «траектории» внутри социальной жизни должен решать каждый человек независимо от ее решения обществом и даже от того, насколько оно (общество) способно обеспечить развитие и использование индивидуальностей, а не усредненных индивидов. Таким образом, личная жизнь вопреки тому, как мы привыкли ее понимать,— это, прежде всего, личное, индивидуальное участие и особенный способ осуществления жизни общественной, профессиональной и т. д.

В силу того что до сих пор личная жизнь была принципиально отделена от социальной (профессиональной и т. д.), а последняя осуществлялась внеличностным образом, между личной и общественной жизнью человека возникало много противоречий. Личность сталкивалась с социальными трудностями или оказывалась внутренне раздвоенной. Противоречия эти касались, прежде всего, общественных идеалов и реальной практики жизни, далеко от них отставшей.

Нередко такое противоречие оборачивалось для одного человека тем, что он активно реализовал общественные ценности и цели в своей социальной жизни, профессии, труде, но уже в личной жизни считал себя вправе не придерживаться социальных норм. Другой лишь формально жил гражданской профессиональной жизнью, сосредоточивая все свои способности и интересы в сфере личной жизни. Третий, строго говоря, не умел интересно и полноценно жить профессиональной жизнью и... не успевал жить личной жизнью.

Не всегда осознается тот факт, что целостность личности достигается только при целостностном способе ее жизни (а целостность жизни исключает ее ограничение одним планом, скажем только жизни бытовой или даже узкопрофессиональной, ее раздвоение на жизнь показную, внешнюю и подлинную, внутреннюю). Целостность жизни личности в свою очередь является предпосылкой ее активности, инициативы, ее индивидуальных проявлений, которые невозможны при внутренней раздвоенности.

В «Записках писателя» Н. Телешов описывает литературно-общественную жизнь, которая складывалась вокруг известных писательских «Сред» (объединения, в которое входили Чехов, Горький, Андреев и другие известные русские писатели). Участники «Сред» не только читали и обсуждали литературные произведения, но и создали книгоиздательство писателей, которое не только публиковало произведения этих авторов, но и боролось против эксплуатации частными издателями писательского труда (например, А. П. Чехова). Оно материально помогало начинающим и бедным писателям, имело суд чести, который брал под свою защиту людей, оказавшихся в самых сложных социально-нравственных ситуациях, и т. д. Эта же организация оказывала материальную помощь пострадавшему во время войны населению: армянскому, польскому, грузинскому и т. д. «Члены «Среды»,— писал Телешов,— имели возможность влиять на самые разнообразные стороны жизни. Через Литературно-художественный кружок они помогали писателям, артистам, художникам и просто людям труда, впавшим в беду или крайность; через Общество периодической печати и литературы с его судом чести защищали права и достоинство отдельных деятелей науки и литературы, через кассу взаимопомощи литераторов и ученых собирались ими по трудовым грошам товарищеские средства»². Средства от издания первой книги сборника «Знание» были отчислены в распоряжение Литературного фонда, Высшим женским курсам, Женскому медицинскому институту, Обществу учителей и учительниц на общежитие для детей, Обществу охранения народного здоровья на постройку детского дома, на Народную читальню в Кеми³.

Этот пример довольно типичен для русской дореволюционной жизни. Он показывает, что люди, истинно озабоченные общественными делами, не отделяли свою

профессиональную жизнь от жизни общественной (под которой сегодня часто понимают «общественную работу»), а последнюю — от жизни личной, осуществляли свою общественную деятельность как глубоко личное дело. Это характерно для всех известных ученых — Менделеева, Пирогова (именем которого было названо крупнейшее общество), участвовавших в суде присяжных, и т.д. Можно много рассказывать о жизни Толстого, сыгравшего огромную роль в общественной жизни России, в судьбах сотен людей, в организации образования и т.д. Не существовало профессиональных барьеров, рамок, которые бы извне предписывали тому или иному человеку — ученому, писателю — род его обязанностей. Общественная жизнь впитывала в себя глубоко личные инициативы передовых людей, которые проводились в действительность вопреки запретам царской цензуры и т.д.

Речь идет, однако, не об отдельных примерах (и сегодня живут и активно действуют в общественной жизни люди, подобные упомянутым выше, и в нашем обществе много людей талантливых, инициативных). Речь идет о тех принципах, которые до сих пор у нас пронизывали структуры общественной жизни и определенным образом деформировали личную жизнь и саму личность, о том, насколько принципиально отличен способ жизни людей, которые своими индивидуальными усилиями могут интегрировать разные сферы общественной жизни, реализуя в них единые гуманистические принципы, от такого, при котором люди, напротив, едва успевают решать отдельные частные жизненные задачи.

Цельность, полнокровность, интенсивность жизни личности не имеют ничего общего с тем, когда активность человека идет в разных направлениях и разрывается между ними на отдельные, раздробленные дела, звонки, визиты, неотступной волной захлестывающие жизнь, превращающиеся в самоцель, когда одни собрания сменяют другие, парализуя собственные инициативы и начинания человека, лишая его активность необходимой целостности, смысла. Соотношение желаемого и требуемого оказывается противоречивым, иногда несовместимым, и постепенно человек начинает уступать необходимости, часто сугубо формальной, внешней, второстепенной. Структура личности постепенно перестраивается, хотя часто человек этого и не замечает: он делает все, что «нужно», без учета своих желаний, а затем и самого себя. Тем самым его активность деформируется, его воля и инициативы исчезают, индивидуальность стирается.

В качестве второго шага к решению проблемы личной жизни может служить четкое разделение, с одной стороны, заинтересованности общества в индивидуальном вкладе каждого человека в общественную жизнь, в направленности на использование его способностей и, с другой стороны, создания самой личностью условий для развития своей индивидуальности. Психологи могут ставить и изучать только последний вопрос и именно в этом контексте обсуждать проблему индивидуальной жизни, или жизненной стратегии.

Самая большая сложность в постановке проблемы личной жизни в том, чтобы именно осознать ее как проблему, представить ее себе не такой, как она стихийно складывается, а какой она могла бы быть при наличии разума и усилий. Ее сложность в том, что за жизненными фактами, событиями и явлениями не всегда «проглядывает» их сущность, их смысл для человека, что и придает им характер его собственной жизни и связывает воедино. Трудность обсуждения проблемы жизни в том, что мы всегда имеем как бы два ее ряда: это внешние дела, события, поступки и стоящие за ними цели, намерения, которые человеку далеко не всегда удается реализовать в объективном ходе жизни, а потому жизнь нельзя оценивать ни по одним фактам, ни по одним намерениям.

Сложность обсуждения проблемы личной жизни связана с огромной разницей судеб людей, сравнивая которые мы убеждаемся в том, что один в итоге жизни теряет то многое, что имел вначале, а другой все приобретает собственными силами, один удовлетворен, а другой не удовлетворен жизнью, один полон оптимизма, а другой опускает руки. Можно ли найти единый подход ко всему многообразию индивидуальных историй жизни, тем более что именно эти различия часто считаются «личным делом» каждого человека? Чтобы ответить на эти непростые вопросы, можно обратиться к философским и

психологическим традициям, в рамках которых развивалось представление о жизни отдельного человека, концепция жизни.

2. *Жизненный путь в понимании психолога*

Определить, что такое жизнь, на протяжении веков стремились философы и писатели. Философское понимание бытия, существования являлось основным определением жизни. Жизнь телесная и стремление к ее сохранению, материальному поддержанию, жизнь нравственная как стремление к благу и счастью, жизнь духовная как возвышающаяся над обыденной — все эти стороны жизни неизменно оказывались в центре внимания философской мысли различных эпох. Конечно, эти аспекты интерпретировались по-разному, им приписывалась разная ценность. Например, эпикурейцы видели смысл жизни в наслаждении ее благами, в достижении счастья; сторонники аскетизма выступали за подавление плоти, чувств; стоики переносили цель жизни в область логических построений, оторванных от жизненных страстей. Таковы самые ранние философские толкования жизни, ее смысла, цели, которые весьма разнообразны и подчас противоположны.

Особенность этих философских интерпретаций жизни состоит в том, что при обсуждении позиций человека в жизни (пассивной — как слияния с природой, активной — как стремления к благу, аскетизма — как отказа от жизненных благ и т.д.) роль человека как строящего и определяющего свою жизнь существа не осознается, не учитывается.

Долгое время в философских воззрениях личность растворялась либо в обществе, к осмыслению особенностей которого философия постепенно подступала, либо в природе, с которой фактически личность сливалась в силу недифференцированного понимания природы. Даже тогда, когда речь шла о страстях, влечениях, благе, они мыслились абстрактно. Мудрость, умеренность, красота и даже поступки, которые, казалось бы, неотрывны от личности, рассматривались безлично. Поэтому чем глубже философски анализировалась человеческая жизнь, ее цели, смысл и средства, тем дальше это осмысление отстояло от реальной жизни и осуществляющих ее людей.

Осознание того, что жизнь может быть определена соотносительно с человеком, а конкретнее — с личностью, пришло в конце XIX — начале XX в. Это осознание в известной степени связано с капитализмом, породившим дух и философию индивидуализма. Именно капитализм впервые в истории вывел личность как действующее лицо на сцену и социальной действительности, и художественной литературы, и философско-психологической теории, породил и юридически закрепил понятие частной жизни.

В художественной литературе этого периода пристально и тонко осмысливались новые явления частной жизни. Форсайты провозглашают свое право на частную жизнь во всех формах, начиная с вывески: «Сегодня мы не принимаем» и, кончая объявлением в газете: «Просьба венков не возлагать». Рождения, браки, разводы и даже смерти — глубоко и принципиально частное дело этой семьи, клана, подчеркнуто отделяемое от жизни «других», общества, света*.

Буржуазное общество, породив на определенном этапе частную жизнь, провозгласив ее независимость от общества и самостоятельность, тем не менее незримо, но жесткими материальными и другими нитями связало ее с жизнью общества, с его нормами, нравами, условностями. Глубоко личные поступки и отношения, родственные связи, как это блестяще показал Л. Н. Толстой в романе «Анна Каренина», люди рассматривают уже как независимые от их воли и желания. Они начинают совершаться, оцениваться, интерпретироваться только под углом зрения оценок, суждений, традиций и запретов света, общества, а не как личное дело. Трагедия Анны — это трагедия лишения права на личную жизнь, права распорядиться собой, своими чувствами, своим сыном.

* Речь идет о романе Голсуорси «Сага о Форсайтах»

Так на определенном этапе общественного развития возникают форма личной жизни и соответствующие понятия частной и личной жизни. Однако это не означает, что личность получает право распоряжаться этой жизнью. Трагизм ситуации нашел отражение в литературе XX в. Так, герои Хемингуэя стремятся каждый по-своему справиться со своей жизнью, подчинить ее себе. Один, осознавая полную независимость своей жизни от его воли и усилки, пытается создать систему правил, ежедневного распорядка — иллюзию своей власти над ней и спасение от отчаяния. Другой, не видя иного пути взять над ней верх, вступает в смертельную схватку с жизнью.

Один из героев романа Стейнбека затевает со своей судьбой детективную игру. Будучи слабым и добропорядочным человеком, он понимает, что никогда не сможет построить свою жизнь в соответствии со своими желаниями, и тогда он совершает кражу. Крайние формы отчуждения от человека его собственной жизни, бессмысленности и неподлинности его существования изображает К. Абэ в образе женщины, ежедневно борющейся с засыпающими ее песками.

Когда войны угрожали судьбе европейской цивилизации, обрекли на смерть миллионы людей, угроза массовой смерти высветила смысл и придала ценность жизни, существованию как таковому, его сохранению. Так осмыслила понятие существования философия экзистенциализма, которое она раскрыла через противоречие бытия и небытия, жизни и смерти. Конечно, это понятие получило и свою социально окрашенную интерпретацию. Индивид предстал перед обществом только в своем праве существовать, лишенным своей сущности, каких бы то ни было качеств, содержательных характеристик своего бытия, лишенным всего, кроме самого факта существования. Позднее и философия, и художественная литература поставили под сомнение подлинность этого существования, ввели понятие неподлинности бытия. Однако понятие «неподлинность» должно иметь свою альтернативу, противоположность: подлинность. Подлинность же, истинность жизни нельзя определить без выявления ее существенных характеристик через ее осуществляющего и живущего ею человека.

Попытку дать научное, а потому более конкретное и содержательное определение жизни предприняли психологи. Первой из них была Ш. Бюлер, которой пришлось преодолевать барьеры и обыденного, житейского понимания жизни, и, в известной мере, философского. Она провела аналогию между процессом жизни и процессом истории и объявила жизнь личности индивидуальной историей. Понять жизнь не как цепь случайностей, а через ее закономерные этапы и вместе с тем не только понять личность через ее внутренний мир, но и раскрыть особенности ее реального жизненного мира — таковы были задачи, поставленные Бюлер перед психологами, рискнувшими последовать за ней в область изучения этой сложнейшей проблемы.

Индивидуальную, или личную, жизнь в ее динамике она назвала жизненным путем личности. Бюлер выделила ряд сторон, или аспектов, жизни, чтобы проследить их в динамике. Первый ряд, составляющий как бы объективную логику жизни, Бюлер рассматривала как последовательность внешних событий; второй — как смену переживаний, ценностей, как эволюцию внутреннего мира человека, как логику его внутренних событий; третий — как результаты его деятельности. Бюлер считала, что в жизни личностью движет стремление к самоосуществлению и творчеству. Она пыталась взять в качестве основы объяснения жизни понятие «события», которые четко разделила на внешние и внутренние, но оказывалось, что линии внешних и внутренних событий тянулись параллельно, так и не пересекаясь, и не удавалось найти их связь. В свою очередь последовательность событий никак не связывалась с этапами достижений личности — продуктами ее творчества.

Независимо от собственно научных проблем и трудностей, с которыми столкнулась Бюлер и которые она не смогла решить, ее понимание жизненного пути содержало главное: жизнь конкретной личности не случайна, а закономерна, она поддается не только описанию, но и объяснению. Конечно, правильность такого объяснения зависит от тех

единиц, структур, понятий, в которых его пытались дать. Почти одновременно с Бюлер П. Жане стремился определить жизненный путь как эволюцию самой личности, как последовательность возрастных этапов ее развития, этапов ее биографии.

К идее жизненного пути личности вслед за Бюлер в советской психологии обратился крупнейший советский психолог С. Л. Рубинштейн. В книге «Основы психологии» (1935), анализируя работу Бюлер, он пришел к выводу, что жизненный путь нельзя понять только как сумму жизненных событий, отдельных действий, продуктов творчества. Его необходимо представлять как целое, хотя в каждый данный момент человек включен в отдельные ситуации, связан с отдельными людьми, совершает отдельные поступки. Для раскрытия целостности, непрерывности жизненного пути Рубинштейн предложил не просто выделить его отдельные этапы (например, разные возрастные этапы — детство, юность, зрелость и т.д., как это делал П. Жане), но и выяснить, как каждый этап подготавливает и влияет на следующий. Если в детстве ребенок максимально развивает свои природные данные, свои способности и максимум получает от взрослых, то в юности он уже способен самостоятельно искать направления, формы их реального применения в жизни, в профессии. Если же в детстве в силу тех или иных причин не происходит развития личности, ее способностей, то это (но уже более медленно, сложно и противоречиво) происходит в период юности и т.д.

Бюлер, как и многие другие психологи, абсолютизировала роль детства в жизненном пути личности, считая, что на этой стадии развития закладывается проект всей жизни. В этом ее позиция близка к фрейдизму, искавшему корни всех жизненных противоречий в детстве. Рубинштейн считал, что каждый этап жизни играет важную роль в жизненном пути, но не предопределяет его с фатальной неизбежностью.

Если Бюлер стремилась выделить в качестве структур жизни и единиц анализа жизненного пути события, то Рубинштейн предложил в качестве основного понятие жизненных отношений личности, назвав среди них три: отношение к предметному миру, к другим людям, к самому себе. События неизбежно распадаются на внешние и внутренние; отношения же — это всегда внутреннее отношение к внешнему, к самому себе, в них внешнее и внутреннее связаны неразрывно.

Наиболее интересна мысль Рубинштейна о поворотных этапах в жизни человека. «В ходе этой индивидуальной истории,— писал Рубинштейн, имея в виду историю жизни,— бывают и свои «события» — узловые моменты и поворотные этапы жизненного пути индивида, когда с принятием того или иного решения на более или менее длительный период определяется дальнейший жизненный путь человека»⁴. Здесь выявлена основная зависимость последующего хода жизни от тех или иных решений человека. Поворотные этапы жизни определяются личностью, она может перевести свою жизнь в совсем другое русло, круто изменить ее направление. «Линия, ведущая от того, чем человек был на одном этапе своей истории, к тому, чем он стал на следующем, проходит через то, что он сделал»⁵.

Рубинштейном намечается концепция личности как субъекта жизни. Он нашел такой подход к пониманию жизненного пути, который связывал все аспекты его рассмотрения, потому что он нашел того, кто связывает в самой жизни ее линии своим собственным «узлом». Он назвал его субъектом, потому что человек связывает их сам, а потому по-своему и тем самым иначе, чем другие. Он нашел того, кто определяет, как их связать. Это — личность как субъект жизни.

Личность иногда рассматривается как «частное лицо» или как некто безликий, скрытый за маской исполняемой роли. Не случайно слово «личность» обозначало «сначала у этрусков маску, которую надевал актер, затем этого последнего и его *роль*»⁶. Как осуществляются деятельность, общение, жизнь, как строятся поступки, линии поведения на основе желаний и реальных возможностей — вот проявления субъекта, вот его «личностное обличье».

Понятие субъекта жизни дало возможность Рубинштейну раскрыть деятельную

сущность личности, преодолеть созерцательный подход и к личности, и к ее жизни. Условия жизни человека, ее «обстоятельства» традиционно представлялись как некие «данности», как нечто постоянное, наличное, покоящееся, изначально присущее жизни, как определенный способ или уклад жизни людей. Даже социальные потрясения, порождая представление об изменчивости общества, не вели к осознанию возможности изменения отдельным человеком своей жизни, он был лишь «одним из» участников истории. Концепция субъекта, предложенная Рубинштейном, несла, прежде всего, идею об индивидуально активном человеке, т.е. о человеке, строящем условия жизни и свое отношение к ней. В идее изменения жизни, в понимании ее условий как задач, требующих от человека определенных решений, — вот в чем и состояла новизна его подхода.

Действительность в ее «первозданном» виде, которую человек «застает», появляясь на свет, не задана ему изначально как некая директива. То, что действительность, условия жизни, жизненные ситуации, в которых оказывается человек, предъявляют к нему свои требования, ставят свои ограничения, не означает, что он в свою очередь не может предъявить своих требований к жизни. Опираясь на известный тезис К. Маркса «какова жизнедеятельность индивидов, таковы и они сами»⁷, С. Л. Рубинштейн подчеркивал не только зависимость личности от жизни, от различных обстоятельств, но и зависимость жизни от личности. Этапы жизни, их содержание, жизненные события рассматриваются им как зависимые от человека. Он определяет последовательность жизненных этапов. Каждый в известной мере знает, когда ему еще рано или уже поздно обзаводиться детьми, когда еще можно успеть переменить профессию, если выбранная его не удовлетворяет, и т.д. Личность организует свою жизнь, регулирует ее ход, выбирает и осуществляет избранное направление. Высшие личностные образования — сознание, активность, зрелость и т.д.— выполняют функции организации, регуляции, обеспечения целостности жизненного пути, субъектом которого человек становится по мере своего развития.

Раскрывая возможность организации жизни субъектом, Рубинштейн ни на миг не отрицал ее собственной логики, ее противоречий, порой трагизма, и вместе с тем боролся за полноту человеческого бытия. В его представлении жизнь сохраняется во всей ее палитре — в этических, эстетических, душевных и интеллектуальных чувствах, в связях человека с другими людьми. Личная жизнь, по Рубинштейну, — «это самое богатое, самое конкретное, включающее в себя как единичное многообразие, так и иерархию все более абстрактных отношений... личная жизнь выступает не как частная жизнь... из которой все общественное отчуждено, но как жизнь, включающая общественное, но не только его, а и познавательное отношение к бытию, и эстетическое отношение к бытию, и отношение к другому человеку как человеческому существу, как утверждение его существования»⁸. Она вместе с тем перестает быть лишь обыденным, эмпирическим процессом, как часто считают. Субъект своим ответственным отношением к жизни придает ей направление и движение; преодолевая обстоятельства, ситуации, борясь, он отстаивает ее высший смысл, не давая растворить себя в потоке ситуаций, мелких чувств, ежесекундных желаний. Способность возвыситься, самоопределиться по отношению к ее целостному ходу и есть проявление субъекта жизни.

Сможет или не сможет личность стать субъектом собственной жизни — такова одна из центральных проблем личной жизни. Рубинштейн наметил эту проблему философии жизни еще в 20-х годах в одной из первых своих работ, говоря о соотношении масштабности личности, ее творческих возможностей и ее реальной жизни: «Среди людей, которые не только живут, изживая себя в процессе жизни, но и творят, воплощая и объективируя себя в каком-либо произведении, не многим удастся установить такую счастливую гармонию между своим произведением и собственной личностью, чтобы можно было по уровню и масштабам творения составить себе истинное представление о значительности и истинных масштабах личности их творца. Бывают люди, внесшие значительный вклад в науку или какую-либо другую область духовного творчества, в жизни которых их произведения были высочайшими вершинами, на которые они сами

поднимались лишь в редкие минуты наибольшего напряжения всех своих творческих сил; вся остальная их жизнь, в которой складывалась и проявлялась их личность, протекала на значительно более низком уровне»⁹.

Понимание противоречивости жизни и необходимости разрешения противоречий делает жизнь проблемой для человека. Становясь субъектом жизни, человек научается разрешать жизненные противоречия, изменять соотношение добра и зла и даже соотношение жизни и смерти, которое экзистенциалистам представлялось фатальным. Споря с экзистенциалистами, считавшими смерть единственной антитезой бытия и утверждавшими, что жизнь имеет смысл только благодаря смерти, Рубинштейн предложил совершенно иную концепцию жизни. Только та жизнь есть жизнь подлинная, которая осуществляется, строится самим человеком, утверждал он. Во всех других случаях, даже если жизнь продолжается только физически, она не является подлинной жизнью. А потому не трагична и смерть, уносящая такую жизнь. С. Л. Рубинштейн пытался точнее определить, при каком соотношении сил и при какой позиции человека в жизни его смерть становится действительно трагичной. «...Смерть в постели, смерть, наступающая потому, что жизнь, жизненные силы человека себя уже исчерпали, что он увял, и началось умирание еще при жизни,— трагична ли?..» — спрашивал он. Жизнь — трагедия, комедия или драма — это объективно зависит от соотношения сил в ней и от позиции человека. Со свойственной ему откровенностью Рубинштейн описывал свое собственное отношение к смерти: «Смерть есть также конец моих возможностей дать еще что-то людям, позаботиться о них... наличие смерти превращает жизнь в нечто серьезное, ответственное, в срочное обязательство, в обязательство, срок выполнения которого может истечь в любой момент... Мое отношение к собственной смерти сейчас вообще не трагично. Оно могло бы стать трагичным только в силу особой ситуации, при особых условиях — в момент, когда она оборвала бы какое-то важное дело, какой-то замысел...»¹⁰. Таким образом, свое понимание человека как субъекта жизни Рубинштейн дает через анализ его отношения к жизни. Конечно, это отношение включает множество различных аспектов и составляющих, которые он назвал особыми мировоззренческими, или жизненными, чувствами. Одни ситуации и аспекты жизни порождают чувство комического, или юмористическое отношение к жизни, другие — трагическое.

Комическое, юмористическое восприятие тех или иных жизненных ситуаций выступает как определенный способ разрешения ее противоречий, а не просто как восприятие смешных и забавных сторон жизни. Сам Рубинштейн, когда трагично сложилась его собственная жизнь, когда он подвергся обвинениям в космополитизме, был снят со всех постов, когда была рассыпана верстка его книги, вырабатывал именно такое отношение к происходящему, чтобы не сломиться, как это произошло со множеством людей. И тогда оружием его борьбы с происходящим стал юмор, который он назвал юмором с позиций силы, юмором как выражением победы добра над злом. Усилия людей, стремившихся опорочить его, представились ему ничтожными и смешными.

Что же помогает человеку встать над ходом жизни и даже переломить его? Именно то, что его жизненные чувства разнообразны, выражают не только трагическое, но и юмористическое, а более высоко — оптимистическое отношение к жизни. Чувства не только следуют за ходом жизни, но и в какой-то момент дают возможность человеку «выйти за пределы» трагического поворота жизни и своего трагического отношения к ней, скажем отнестись к ней с позиции добра, с оптимистических позиций. Тогда человек выступает в новом качестве — субъекта жизни. Преодолевая обиду, страдания, несправедливость, человек реально изменяет расстановку сил, соотношение добра и зла в жизни.

Проблемой жизнь оказывается для человека в силу конкретности противоречий между правдой и неправдой, между нравственностью и беспринципностью, в силу того, что в ней нет абстрактных правил и рецептов для принятия решений. Человек становится субъектом и в том смысле, что он вырабатывает способ решения жизненных противоречий, осознавая свою ответственность перед собой и людьми за последствия

такого решения.

Ответственность, с точки зрения Рубинштейна, является воплощением истинного, самого глубокого и принципиального отношения к жизни. Под ответственностью он понимал не только осознание всех последствий уже содеянного, но и ответственность за все... упущенное. Ответственность возникает в связи с тем, что каждое совершающееся сейчас действие необратимо. Поэтому ответственность — это способность человека детерминировать события, действия в момент их осуществления, по ходу их свершения, вплоть до радикального изменения всей жизни. Он должен всегда спрашивать себя: а нельзя ли поступить иначе? Существует ответственность как своего рода самоограничение («как бы чего не вышло»). Но ответственность может проявляться и в свободе своего выбора, в осознании права на него и в способности его отстоять.

Истоки такого понимания ответственности мы находим в «Основах общей психологии», где Рубинштейн писал: «...последний завершающий вопрос, который встает перед нами в плане психологического изучения личности, это вопрос о ее самосознании, о личности как «я», которое в качестве субъекта сознательно присваивает себе все, что делает человек, относит к себе все исходящие от него дела и поступки и сознательно принимает на себя за них ответственность в качестве их автора и творца»¹¹. Здесь уже самосознание рассматривается как отношение к себе в качестве субъекта всего содеянного, т.е. намечена линия понимания субъекта во всем многообразии его проявлений, линия на возвышение субъекта как творца своей жизни.

Однако мысль о неиспользованных, упущенных возможностях в жизни, о нереализованных способностях человека для психолога является принципиальной. Она направляет внимание на то, как человек может построить жизнь, чтобы более полно реализовать свои возможности, способности в данных реальных жизненных условиях. Эта проблема прямо выводит к проблеме построения жизненной стратегии. Кто задумывался о том, сколько невыявленных талантов остались неизвестны людям, не вошли в культуру, сколько способностей не нашли своего применения в силу отсутствия соответствующих условий или беспечности, пассивности самого человека? Кто задумывался о том, сколько добрых дел, умных мыслей остались лишь добрыми намерениями, мимолетными идеями, которые так и не воплотились в жизнь? Многие в таких случаях списываются на жизненные обстоятельства. Но Рубинштейн призывал к ответственности человека не только за его поступки, дела и их результаты, но и за судьбу его способностей и таланта, в соответствии с которыми он сумел или не сумел построить свою жизнь.

Особенно остро проблема реализации возможностей человека встает в связи с необратимостью жизни. Существуют предположения физиологов, что огромное число нейронов, составляющих потенциал человеческого мозга, с возрастом постепенно уменьшается (например, известно, что с возрастом во много раз труднее становится выучить иностранный язык). Во взаимоотношениях людей бывает упущен момент, когда еще можно сказать правду, но если такой момент отодвигается, то это часто оборачивается ложью другому и самому себе.

Необратимость жизни требует особого отношения человека к времени жизни, особенно настоящему, требует от него своевременности. Что же такое своевременность? Значит ли это, что все в жизни нужно делать вовремя, везде успевать? В том ли секрет успеха, чтобы вовремя направить свою жизнь относительно каких-то заданных временем, но еще незримых факторов? Своевременность, равно как и ответственность, многим кажется чем-то скучным и необходимым, чему нужно следовать как букве закона, чтобы избежать неприятных последствий. Где же активность желания, стремление добиться цели, высокие мотивы и притязания? Почему не выделяются в отдельный, самый важный фактор желания, почему «свобода — это осознанная необходимость», а не «осознанные желания»?

Своевременность — это способность человека определить момент наибольшего соответствия логики событий и своих внутренних возможностей и желаний для

решительного действия. Это способность определить момент готовности начать то или иное дело (и уже не только в смысле настроения, желания и т.д., но и в смысле трезвой оценки своих «шансов», умений, учета возможных трудностей и т.д.). Своевременность — это качественная и индивидуальная характеристика отношения человека к жизни во времени.

Все эти вопросы не являются риторическими, а требуют своего осмысления каждым человеком. Каждый «решает» вопрос о соотношении инициативы и ответственности, притязаний и достижений, желаний и обязанностей по-своему. Однако оказывается, что трудность не в том, чтобы решить этот вопрос, а в том, чтобы правильно его поставить, сформулировать, выявить для самого себя. Бывает, что объектом самого пристального внимания того или иного человека становятся те вопросы и проблемы, которые при «зрелом» размышлении этого не «стоят». Часто мы приступаем к решению таких «жизненно необходимых» задач, которые на деле оказываются не только не необходимыми, но даже вовсе и не жизненными, причем нередко это обнаруживается слишком поздно. Жизненно ли значимо наше желание или поступок, умеем ли мы отделять случайное для других и для самих себя от жизненно важного — ответ на эти вопросы имеет принципиальное значение.

Ответственность (или безответственность) незримо присутствует везде и проявляется во всем, причем если ее присутствие часто незаметно, то отсутствие сразу дает о себе знать. Рубинштейн понимал ответственность не как верность формальному долгу, догме, не как следование раз и навсегда принятым правилам, а как способность по ходу жизни видеть, выделять, ставить проблемы, вовремя их осознавать и принимать ответственные решения. И потому таким не связанным абстрактными догмами, абстрактными правилами, абстрактной моралью предстает субъект в реальной диалектике жизни в понимании Рубинштейна. Ответственность — это и верность самому себе, доверие к нравственному содержанию собственных чувств, уверенность в своей правоте. Ответственность — это способность отвечать не только за себя, но и за других людей, за их судьбы, за характер своих с ними взаимоотношений. Берем ли мы на себя ответственность за каждый шаг человека, за его личность (каким он может быть) или за его судьбу в целом — это жизненное решение ставит нас перед сложнейшим выбором.

Субъектом своей жизни личность становится не только в силу способности решать свои проблемы, отвечать за свои поступки. Личная жизнь включает отношение к другому человеку и разные характеристики отношений к другим. Другой как условие моего существования и «я» как условие бытия другого — такова реальность человеческой жизни.

Каковы причины, обуславливающие стремление Рубинштейна раскрыть закономерность жизни как закономерности взаимоотношений людей? Показать взаимную зависимость, взаимовлияние способов жизни и поступков людей друг на друга — таков способ раскрытия этичности жизни. Нравственность в данном случае является не только «формой общественного сознания», но и одним из способов жизни, который предполагает реальное этическое отношение человека к человеку, реальные нравственные поступки.

В течение многих веков формировалось представление о нравственном субъекте, который часто определялся как субъект свободного нравственного выбора, нравственного самоопределения. Но не ограничивалось ли такое определение нравственного субъекта лишь критериями и пределами данного субъекта? Не проявлялся ли в этом своего рода этический индивидуализм? Нравственное воздействие одного человека на другого, причем воздействие не словом, а поступком, нравственной жизнью, — таков рубинштейновский выход за пределы нравственного индивидуализма. Помочь другому в разрешении его собственных трудностей, помочь ему даже вопреки его отрицательному отношению ко мне — вот черты новой этики. Раскрыть человеку глаза на все богатство жизни — значит укрепить его душевно, помочь жить полной жизнью даже в трудных условиях. В этом заключается основная задача новой этики. «Основная этическая задача,

— писал Рубинштейн,— выступает, прежде всего, как основная онтологическая задача: учет и реализация всех возможностей, которые создаются жизнью и деятельностью человека,— значит, борьба за высший уровень человеческого существования, за вершину человеческого бытия. Строительство высших уровней человеческой жизни есть борьба против всего, что снижает уровень человека»¹².

С этих позиций Рубинштейн относился и к проблеме социальной детерминации личной жизни, к соотношению материального и духовного, нравственного в жизни человека. Он боролся против уничтожения внутреннего уникального, неповторимого мира человека, против уничтожения возвышенного плана его жизни: «жизнь — не кухня и мастерская, а природа — не сырье для производства, общество — не фабрика и контора, а люди — не только служащие»¹³. Никакой общественный строй не устранил всех горестей человеческого сердца, не решит всех проблем индивидуальной жизни. Он выявлял те принципиальные проблемы индивидуальной жизни, которые могут создаваться, но не могут решаться обществом.

Если для А. П. Чехова основной жизненной проблемой являлась проблема вытравливания из себя раба, если для А. Грина свобода выступала как защита своей индивидуальности, уносящая все жизненные силы, то для Рубинштейна задача личности состоит не только и не столько в борьбе с несвободой внешней. Устоять внутренне, справиться внутренне с тем, что не удалось преодолеть в процессе борьбы за достойную жизнь,— такова главная проблема жизни субъекта. «Смысл этики состоит в том, чтобы не закрывать глаза на все трудности, тяготы, беды и передряги жизни, а открыть глаза человеку на богатство его душевного содержания, на все, что он может мобилизовать, чтобы устоять, чтобы внутренне справиться с теми трудностями, которые еще не удалось устранить в процессе борьбы за достойную жизнь»¹⁴.

В отличие от многих психологов Рубинштейн, с одной стороны, не только видел психологический аспект проблемы жизненного пути, выделял не только ее восприятие, переживание, т. е. субъективную картину жизни, но и подчеркивал необходимость учета объективных проявлений субъекта, его способность реально изменять жизнь. В тех конкретных социальных обстоятельствах, в которых он создавал свою концепцию субъекта жизни, когда личность испытывала на себе огромное социальное давление, которое лишало ее всякой индивидуальности, свободы, права иметь свой внутренний мир, он боролся за сохранение и поддержание внутреннего мира человека, как нравственного, так и душевно-психологического. Тем самым Рубинштейн дал ключ к анализу как типичных, общих для всех людей аспектов личной судьбы, так и сугубо индивидуальных.

Субъект жизни в его понимании — это своеобразный идеал, оптимальный способ осуществления жизни. Путь к этому идеалу, который предполагает реализацию ценностей жизни, нравственных ценностей, доступен всем. Но чем менее нравственна окружающая жизнь, тем больше жизненной стойкости, личного мужества требуется от человека. Поэтому часто жизнь конкретных людей есть лишь стремление и движение к этому идеалу. Условия жизни данного общества, обстоятельства жизни данного человека вступают в противоречия с возможностями, способностями личности, научаясь решать которые личность и становится субъектом своей жизни. Как субъект собственной жизни, человек сам видит, понимает и решает (оптимально или нет) свои проблемы, сам перестраивает ее, поднимая на все более высокие уровни.

Таким образом, для Рубинштейна жизненный путь — это не только движение человека вперед, но и движение вверх, к высшим, более совершенным формам, к лучшим проявлениям человеческой сущности. И если движение вперед по жизни многими понималось лишь как движение от расцвета к закату, от рождения к смерти, то рубинштейновское понимание жизненного пути как движения вверх, к человеческому — этическому, социальному, психологическому — совершенству позволяло по-иному понять завершение жизни: достижение не старости, упадка и смерти, а достижение личностного совершенства.

3. Особенности жизненного пути

Можно отметить, что эволюция научных представлений о жизненном пути человека в известной мере отражала социальную ситуацию в нашем обществе. Понятие жизненного пути и идея субъекта жизни были предложены Рубинштейном в середине 30-х годов, но затем они надолго исчезли с горизонта психологической науки. Они не развивались далее в советской психологии из-за той социальной атмосферы, которая составляла особенности нашего общества и влияла на развитие гуманитарных наук: отрицание какой бы то ни было роли отдельного человека. К решению этих проблем Рубинштейн обратился в 50-х годах — в самый тяжелый период своей жизни и жизни общества, когда эти научные проблемы стали остросоциальными.

В 60-х годах конкретными исследованиями жизненного пути занялся советский психолог Б. Г. Ананьев¹⁵. Для него основным в характеристике жизни является возраст человека. Возраст, по Ананьеву, соединяет социальное и биологическое в особые «кванты» — периоды жизненного пути. В жизненном пути он выделяет познание, деятельность и общение, через которые проявляется и изучается личность. Ананьев ввел понятие социальных достижений личности и выделил несколько периодов ее жизни: детство (воспитание, обучение и развитие), юность (обучение, образование и общение), зрелость (профессиональное и социальное самоопределение личности, создание семьи и осуществление общественно полезной деятельности). На период зрелости приходится «пик» карьеры. Последний период — старость, т.е. уход из общественно полезной и профессиональной деятельности при сохранении активности в сфере семьи.

Но поскольку в общественном сознании тех лет в силу тенденции к стандартизации, к унификации людей господствовало представление о типичности жизни всех людей, оно отразилось и на концепции Ананьева, который, с одной стороны, стремился подчеркнуть индивидуальность человека, но с другой — все же не смог отойти от тенденции унификации, стандартизации жизни. Концепция жизненного пути, по Ананьеву, учитывала скорее социальную и возрастную периодизацию жизни, чем собственно личностную. Ему не удалось раскрыть индивидуальный аспект жизни потому, что он не обратился к изучению активности самой личности, которая и формирует собственную, неповторимую жизненную линию. Вместе с тем концепция Ананьева была необходимой предпосылкой для последующего обсуждения вопроса о типичном и индивидуальном в жизненном пути личности.

Сегодня мы имеем возможность раскрыть индивидуальные особенности жизненного пути человека. Но для этого нужно не просто установить соответствие тех или иных этапов, событий и обстоятельств жизни тем или иным особенностям и чертам личности, а раскрыть причинную связь активности, развития личности и изменений ее жизни. Мы не можем погрузиться в описание индивидуальной истории жизни каждого человека, потому что каждая история неповторима. Кроме того, исходной остается зависимость личности от объективных характеристик жизнедеятельности как общественного процесса. Но личность включается в совокупность причин и следствий своей жизни не только как зависимая от внешних обстоятельств, но и как активно их преобразующая, более того, как формирующая в определенных пределах позицию и линию своей жизни.

Личность не просто изменяется на протяжении жизненного пути, не только проходит разные возрастные этапы. В качестве субъекта жизни она выступает как ее организатор, в чем и проявляется, прежде всего, индивидуальный характер жизни. Индивидуальность — это не только неповторимость жизни, которая обычно подчеркивается понятием судьбы как якобы независимой от человека. Индивидуальность жизни состоит в способности личности организовать ее по своему замыслу, в соответствии со своими склонностями, устремлениями (они отражаются в понятии «стиль жизни»¹⁶). Чем меньше человек продумывает, осмысливает свою жизнь, чем меньше он стремится организовать ее ход, определить ее основное направление, тем больше, как правило, его жизнь

становится подражательной, а потому похожей на жизнь других людей, стандартной.

Разные люди в разной мере являются субъектами жизни, поскольку они в разной мере стремятся и могут реально организовать свою жизнь как целое, соединить ее отдельные планы, сферы, выделить главное направление. Организацию жизни иногда связывают с планированием, с осмыслением жизненных перспектив, будущего. Конечно, планирование является одной из важных составляющих организации жизни, но она не сводится к одному планированию, предвидению. Как уже отмечалось, современная общественная жизнь предъявляет человеку множество не связанных друг с другом требований, он все время оказывается в разных ситуациях, которые, так или иначе, требуют от него если не участия, то присутствия. Способность к организации жизни и заключается в том, чтобы не поддаться этому жизненному потоку, не раствориться и не захлебнуться в нем, забыв о собственных целях, задачах. Поэтому организация жизни — это и способность так связать и осуществить дела, ситуации, чтобы они подчинились единому замыслу, сконцентрировались на главном направлении, придать им желательный определенный ход.

Люди различаются как раз по степени влияния на ход собственной жизни, овладения многочисленными жизненными ситуациями, которые могут «раздробить» человека на не связанные друг с другом части. В свое время советский психолог Л. С. Выготский для обозначения высших психических функций ввел понятие «овладение» низшими психическими функциями. Для нас понятие субъекта жизни предполагает всевозрастающую степень и расширяющееся пространство таких «овладений», присвоений. Сначала у ребенка происходит овладение своими действиями для придания им нужного направления, затем посредством действий — овладение ситуациями, далее на этой основе — построение отношений, и через их регуляцию все более возрастает возможность организации жизни как целостного процесса, учитывая ее изменчивость и сопротивляемость.

Способность личности регулировать, организовывать свой жизненный путь как целое, подчиненное ее целям, ценностям, есть высший уровень и подлинное оптимальное качество субъекта жизни. Оно одновременно позволяет человеку стать относительно независимым, свободным по отношению к внешним требованиям, давлению, внешним «соблазнам». Но это лишь идеал, а реально у разных людей обнаруживается разная мера целостности жизненного пути, разная степень соответствия действий личности ее ценностям, намерениям¹⁷.

Одни люди зависят от хода жизненных событий, едва успевая за ними, другие — предвидят, организуют, направляют их. Некоторые попадают под власть внешних событий, их удается вовлечь в чуждое их характеру общение, а то и в дела. Они легко забывают о собственных целях, планах, совершая неожиданные для себя поступки. Иные, напротив, живут только планами, мечтами, создают собственную логику внутреннего мира, уходят в него, так что внешние события не имеют для них никакого значения. Они также не способны организовать свою реальную жизнь. Столь разный характер способностей к организации жизни позволяет выделить определенные типы личностей с точки зрения способа их жизни. При таком подходе мы увидим уже не бесконечное множество различных характеров и бесконечное множество отдельных проявлений настроений каждого человека, а различия по существенному основанию — способности к организации жизни, умению сконцентрировать свои силы и действия в решающий момент, скоординировать ситуации и события в главном направлении. Поэтому разные способы организации жизни мы рассматриваем как способности разных типов личностей стихийно или сознательно строить свои жизненные стратегии.

Типы активности человека — это характерные для него способы соединения личностью внешних и внутренних тенденций жизни, превращения их в движущие силы своей жизни. Можно проследить, как у одних эти тенденции совпадают (целиком или частично), поддерживают друг друга, у других оказываются разобщенными. Одни

преимущественно опираются на социально-психологические тенденции, т.е. окружающих людей, используя социальные ситуации; другие — на внутренние возможности, рассчитывают на свои силы в жизни, действуют самостоятельно; третьи оптимальным образом соединяют внешние обстоятельства и внутренние тенденции; четвертые постоянно решают противоречия между ними. При всех условиях эта типология раскрывает не просто свойства каждого характера, психические особенности личности. Она в первую очередь позволяет сопоставить особенности, способ жизненного движения личности, выявить способность к решению жизненных противоречий. Совпадение внешних и внутренних тенденций в жизни личности или их столкновение, противодействие характеризуют способ организации жизни и тип личности.

Жизненные цели и задачи личности одного типа оказываются целиком сосредоточены на том, чтобы разрешить жизненные противоречия, которые она, строго говоря, сама создает непоследовательностью своих действий или, напротив, чрезмерной активностью, подавляя инициативы окружающих. Она не может их решить, поскольку не в силах изменить свой способ жизни и понять, что сама является их причиной. Другой тип личности оказывается вовлеченным в конфликты, которые, хотя и развертываются в конкретной группе (в семье, в производственном коллективе), являются выражением более глубоких общественных противоречий. В таком случае личность либо обретает опыт и социальную зрелость, которые затем способствуют организации личной жизни, отстаиванию ее ценностей, либо «перемалывается» неразрешимым конфликтом и затем старается отделить свою личную жизнь от общественной.

Высшие личностные качества, такие, как сознание, активность, психологическая зрелость, интегративность, проявляются и формируются в жизненном пути личности, в специфическом процессе ее изменения, движения, развития. Активность личности проявляется в том, как она преобразует обстоятельства, направляет ход жизни, формирует жизненную позицию. Динамика жизни человека перестает быть случайным чередованием событий, она начинает зависеть от его активности, от способности организовать и придать событиям желаемое направление.

Жизненный путь подлежит периодизации не только возрастной (детство, юность, зрелость, старость), но и личностной, которая, начиная с юности, уже перестает совпадать с возрастной. Один человек проходит один социальный этап в более раннем, другой — в более позднем возрасте; юноша оказывается по-стариковски мудрым, а старик — по-юношески незрелым. Личность выступает как движущая сила жизненной динамики, интенсивности, содержательности своей жизни.

Ее качество как субъекта жизни проявляется не в произвольных поступках, действиях (делаю, что хочу), а в действиях, учитывающих сопротивление обстоятельств, их несовпадение с желательным для личности направлением, их противодействие. Поэтому внутренние намерения, цели испытываются на прочность в жизни, а личность должна отдавать себе отчет в их прочности.

Эти общие соображения грузинская школа психологов конкретизировала на таком примере. У группы молодых людей сформировалось определенное представление о будущей профессии, они сделали свой выбор, возникла установка на поступление в институт. У другой группы такая установка отсутствовала, поскольку они слабо представляли себе профессию, свои способности, возможности. Но насколько сильна эта установка, насколько она не только существует в сознании, но и определяет характер жизненных действий, насколько противостоит внешним неблагоприятным событиям, оказалось возможным выявить только тогда, когда молодые люди стали сдавать экзамены в институт. Действительно упорными, настойчивыми организаторами своей жизни можно назвать тех молодых людей, кто несколько лет подряд поступал в этот институт, несмотря на предыдущие неудачи, и, в конце концов реализовал свою установку.

Психологи выявили много личностных характеристик, которые как будто подтверждают наличие у человека активности: это побуждения к действию, притязания,

способности, намерения, направленность, интересы и т.д. Но трудности психологов в изучении личности были до сих пор связаны с тем, что эти характеристики и черты личности изучались сами по себе, вне жизненного применения, часто в искусственных условиях или искусственными методами. Нельзя сказать, что эти методы не давали знания о личности. Однако реальным критерием активности личности (мотивов, желаний, намерений) является ее способность (или неспособность) реализовать эти устремления в действиях, в поступках, жизненном пути.

Необходимо постоянно выявлять, как намерения, притязания, склад личности выражаются в жизненных проявлениях личности и какие последствия те или иные способы жизни имеют для внутреннего мира и личностного склада, как изменяют ее мотивы, характер, как развивают способности. Например, закаляют ли неудачи характер или ослабляют, ломают его? Иными словами, необходимо знать, насколько жизненная практика личности (а не отдельные ее поступки) соответствует ее намерениям, замыслам, ценностным установкам. Степень совпадения или расхождения жизненной практики и ценностей своего «я», способностей, устремлений человека может служить показателем цельности или разобщенности, противоречивости личностных структур, перспективности или регрессивности их развития. Именно поэтому изучение личности и ее жизненного пути имеет значение и для психологической науки, и для людей, которые реализуют, применяют, проверяют свои способности, характер, склонности в реальных жизненных достижениях¹⁸.

Все перечисленные способности к организации жизни, к решению ее противоречий, к построению ценностных отношений мы называем жизненной позицией, которая является особым жизненным и личностным образованием. Способ самоопределения личности в жизни, обобщенный на основе ее жизненных ценностей и отвечающий основным потребностям личности, можно назвать жизненной позицией. Она представляет собой результат взаимодействия личности с ее собственной жизнью, ее личностное достижение. Будучи таким результатом, жизненная позиция начинает определять и все последующие жизненные направленности личности. Она становится потенциалом ее развития, совокупностью ее объективных и субъективных возможностей, открывающихся именно на основе занятой человеком позиции, своеобразной опорой, крепостью.

В 70-е годы в общественно-политической литературе появилось понятие активной жизненной позиции. Социологи попытались определить это понятие через совокупность ролей, которые осуществляет личность в жизни, но этим обозначением не раскрывается, как личность реализует свои жизненные роли (важно не только то, что женщина — мать, но какая она мать; важно не то, что человек — педагог, но какой он педагог и т.д.¹⁹). На наш взгляд, жизненная позиция личности — это совокупность ее отношений к жизни. (Психолог В. Н. Мясищев разработал теорию личности, в которой она определяется через совокупность отношений.) Но отношения личности — это не только ее субъективные мнения и взгляды, это способы ее взаимоотношений с окружающими людьми и действительностью. В. Н. Мясищев понимал под отношениями совокупность субъективно значимого для личности, а жизненная позиция предполагает не только наличие субъективных отношений, но и их действительную, практическую реализацию личностью в жизни.

Выше речь шла об одном из главных отношений к жизни — об ответственности. Кроме этого отношения, которое можно назвать своеобразным жизненным принципом, существует множество других отношений: отношения к другим людям (в том числе к близким), отличающиеся или равнодушием, или заботой; отношения к труду, к своей профессии, к самому себе (более конкретно — к тому месту, которое удалось занять в обществе, в профессиональной сфере) и т. д. Испытывая страх перед жизненными трудностями, человек может занять созерцательную жизненную позицию, отстраниться от проблем близких людей, уклоняться от помощи им, заботы о них. Аналогичной может оказаться и его профессиональная позиция: работать в меру сил, не ставить никаких задач, делать только то, что требуют. К сожалению, подобные жизненные позиции были

наиболее типичными в недавнее время.

Позиция другого типа личности заключается, например, в четком отделении своего собственного жизненного мира, интересных для него задач, важных для него дел от дел и интересов (служебных, семейных и т.д.) окружающих. Значимые для него отношения (связи, контакты) он последовательно и активно реализует, незначимые поддерживает «для вида». С такой позицией молодого мужчины иногда сталкивается женщина; она напрасно стремится укрепить, завоевать его отношение к себе, не догадываясь, что он может иметь такие же отношения с любой другой на ее месте. Этот человек легко сменит одну работу на другую, одних друзей на других, если новая обстановка поможет ему достичь своих целей. Это эгоцентрическая (если не эгоистическая) жизненная позиция.

Долго и упорно психологи и даже социологи (например, Морено) пытались в качестве главного фактора выделить и исследовать субъективные отношения, т.е. симпатии и антипатии людей. Однако при таком подходе реальные отношения людей из поля зрения выпали, а ученые оказались в плену субъективизма, поскольку симпатии и антипатии часто бывают необоснованными и даже неосознаваемыми. Хотя они и сказываются в жизненных отношениях, но не могут заменить реальных объективных отношений людей (деловые отношения людей, как правило, не строятся на симпатии или антипатии). «Жизнь,— писал Рубинштейн,— это процесс, в котором объективно участвует сам человек. Основной критерий его отношения к жизни — строительство в себе и в других новых, все более совершенных, внутренних, а не только внешних форм человеческой жизни и человеческих отношений»²⁰.

Жизненная позиция личности может быть определена и через ее активность, но тогда важно не только раскрыть активность как психологическую особенность самой личности и ее сознания, но и показать, как она реализовала свои возможности, способности, свое сознание в своей жизненной позиции. Речь идет о том, насколько она применила свои способности, в какой мере сознательно она живет.

Выше были приведены примеры достаточно последовательных позиций. Однако возможны и их раздвоенные, противоречивые варианты. Человек считает себя принципиальным, любит поговорить о своих принципах, однако реально использует свое профессиональное положение для своей выгоды, может обмануть, подвести, сделать назло. Его «двойная игра» в конечном счете кроме материальных приобретений приводит к одним потерям (теряется уважение близких, коллег, прочность профессионального статуса, профессиональное мастерство, авторитет и т.д.).

Другой тип противоречивой позиции проявляется в своеобразных жизненных «метаниях»: человек то принимает решения продвигать свои дела (защиту диссертации, «карьеру»), то замыкается в семейном кругу, откладывая первые до «лучших времен», потом бросает и то и другое, решив начать жизнь «заново», меняет семью, работу. Позиция такого человека (и он сам) ненадежна, неустойчива, хаотична, хотя в каждом начинании он берется все «наладить», «устроить», «организовать». Он до конца так и не узнает, чего хотел и чего достиг в жизни.

Жизненная позиция имеет исходную объективную характеристику — участие личности в сферах, где социальная жизнь наиболее интенсивна, перспективна, где сконцентрировано множество возможностей. Одни люди начинают жизнь с того, чего другие добиваются только к концу жизни. Это и культурная среда, и возможности образования, и более или менее благоприятная социальная ситуация, в которой они оказываются независимо от своей воли и усилий. Но существует и «бедная социальная среда», или обстановка, лишенная значительных возможностей, событий. Попадая в такие условия, личность оказывается в бесперспективной жизненной позиции, которая объективно не способствует ее развитию. Но и от человека как субъекта зависит, достигнет ли он более высоких успехов, добьется ли более оптимальных условий. Личность как субъекта жизни характеризует стремление, направленность на развивающиеся, более оптимальные сферы жизни, потребность в собственном развитии.

Когда мы говорим о роли социальных условий в жизни отдельного человека (при равенстве принципов труда, прав, свобод и т.д.), то они также могут оказаться более или менее благоприятными для его развития (вовремя и в лучшем учебном заведении полученное образование, благоприятные возможности для освоения профессии и т.д.)²¹. Более благоприятные условия в свою очередь могут повышать активность личности, которая более интенсивно (чем другая при тех же условиях) реализует их в профессиональной деятельности, дополняя их своими личными усилиями, способностями, что в совокупности и образует активную жизненную позицию.

Однако можно привести много примеров из жизни семей крупных ученых, художников, т. е. людей, предоставивших своим детям исходные оптимальные условия для развития, из которых видно, как протекция родителей при поступлении в институт, на работу и т. д. парализуют собственную мотивацию, потребности молодого человека. Эти благоприятные условия еще должны «согласоваться», совпасть с внутренними потребностями, возможностями, активностью детей. Иногда молодой человек получает так много, что это закрывает для него перспективу собственного развития и движения, лишает мотивации достижения, потребности жить на свой страх и риск. Именно поэтому нужно говорить о пропорциональности объективных и субъективных моментов в жизненных отношениях и позиции личности.

И при отсутствии благоприятных социальных условий личность может благодаря своей активности добиться перспективной жизненной позиции (вырваться из провинции, из профессиональных традиций семьи, поступить в лучшее учебное заведение страны, в совершенстве овладеть профессией, сочетать учебу и работу и т.д.).

Жизненная позиция — это не только жизненные отношения, но и способ их реализации, отвечающий (или не отвечающий) потребностям, ценностям личности. Человек может иметь активные жизненные устремления, высокие нравственные ценности, но способ организации жизни (иногда неумение, иногда страх, иногда пассивность в реализации) может противоречить этим исходным «добрым намерениям», его жизненная позиция оказывается не соответствующей этим стремлениям, потребностям. Тогда он или начинает оправдывать себя в своих же глазах, или пытается изменить такую позицию.

Анализ своей жизненной позиции дает в своих дневниках С. Л. Рубинштейн. В связи с внезапной болезнью отца, который лишился адвокатской практики и возможности материально обеспечивать семью, он очень рано (вначале нравственно-психологически, а затем и жизненно-практически) стал старшим в семье, опорой родителей и братьев. Позиция старшинства и связанная с ней ответственность стала его ведущей позицией на всю жизнь, определила его отношения и с близкими, и с «дальними», проявилась и в его личной, и в научной жизни.

Жизненная позиция — это выработанный личностью при данных условиях способ своей общественной жизни, место в профессии, способ самовыражения. В отличие от субъективных отношений (смысла, картины и даже концепции жизни) жизненная позиция — это совокупность реализованных жизненных отношений, ценностей, идеалов и найденный характер их реализации, который и определяет дальнейший ход жизни.

Если основные жизненные отношения личности интегрированы, отвечают ее исходным намерениям, то ее позиция характеризуется целостностью, целенаправленностью и даже гармоничностью. Если основные отношения не связаны между собой, а способ их осуществления не соответствует им, то такую жизненную позицию можно назвать неустойчивой, неопределенной, а личность — неуверенной. Такая личность не готова к жизненным переменам, неожиданностям, жизненным трудностям.

Бывают такие варианты жизненной позиции, когда она оказывается оторванной от реальной жизни. Это происходит с творческими личностями, когда они не могут реализовать себя в науке или искусстве, или с людьми, которые сугубо внешне, поверхностно участвуют в практической жизни и фактически занимают позицию неучастия. Их жизненные отношения случайны, но это замаскировано их собственными иллюзиями.

Жизненная позиция — это определенное сложившееся образование, имеющее свою относительно фиксированную структуру, что не исключает ее изменчивости, возможности развития. Жизненная позиция может быть охарактеризована на разном уровне конкретности, начиная от эмпирически-описательного и кончая сущностно-абстрактным. Важную ее характеристику составляют жизненные противоречия, которые в результате такой или иной позиции или обостряются, или сглаживаются. Например, личность максимально активна, но не может данным способом реализовать ее, и, наоборот, у личности отсутствуют готовность, активность, зрелость, казалось бы, в самой оптимальной жизненной обстановке. Легко получаемые материальные блага возвращают личность, вырабатывают опасную иллюзию вседоступности и вседозволенности, формируют установку на легкую жизнь. Жизненная позиция характеризуется и противоречиями, и способом их решения (конструктивным, пассивным, поверхностным и т.д.), который показывает, умеет ли личность соединить свои индивидуально-психологические, статусные, возрастные возможности и притязания с условиями жизни, умеет ли непротиворечиво скомпоновать эти условия.

В эпоху застоя жизненные позиции многих людей, как это ни парадоксально, не вступали в противоречие с общественными требованиями в силу внутренних компромиссов, на которые (сознательно или бессознательно) шли люди. Однако личностная цена, которую им приходилось платить за этот компромисс, состояла в глубоких личностных потерях и в деградации личности. Занимая позицию «лишь бы уцелеть», «перебиться», люди, сохраняя жизненное благополучие, теряли собственные цели, идеалы, смелость и широту натуры, становились мелкими обывателями. Желая сохранить возможность творчества и самореализации в искусстве, человек попадал в зависимость от чуждых искусству людей, верил некомпетентным оценкам, оказывался связанным круговой порукой со спекулировавшими его талантом и постепенно терял свое творческое вдохновение, превращался в ремесленника.

Реализацию жизненной позиции во времени и в обстоятельствах жизни, соответствующую динамическим характеристикам жизненного пути, можно назвать жизненной линией. Такая линия — типичный для данной личности способ изменения во времени, в изменяющихся жизненных обстоятельствах. Жизненная линия — это определенная последовательность (или непоследовательность) личности в проведении, реализации своей жизненной позиции, верность себе, своим принципам и отношениям в изменяющихся обстоятельствах. Она также имеет свои типологические характеристики. У одних жизненная линия последовательна, она укрепляет, выверяет жизненную позицию, у других она непоследовательна, хаотична, у третьих — застойна, ведет к регрессу личности. В жизненной линии сказывается, прежде всего, потенциал возможностей, присущих жизненной позиции, которые разворачиваются, обнаруживают себя в дальнейшем ходе жизни.

Жизненная линия — это не только линейное, но и иерархическое образование, т. е. каждый более высокий, достигнутый личностью уровень жизни открывает более далекую перспективу, более широкие возможности (верер возможностей), жизнь приобретает большую структурированность. Однако это зависит не только от того, предвидит ли личность будущее, а именно от того, насколько конструктивна была ее исходная позиция. Здесь имеет место жизненное продвижение личности (подобно интеллектуальному продвижению), подъем на более высокий уровень, что характеризуется все новыми жизненными достижениями. «Моя жизнь всегда шла по восходящей, несмотря на жизненные потери, ее сопровождавшие, несмотря на то, что порой она принимала трагический оборот», — писал в своих дневниках С. Л. Рубинштейн²². Основной характеристикой прогрессивной жизненной линии является непрерывное обратное влияние результатов предшествующего этапа (решений, поступков и т.д.) на последующий. Это обратное воздействие достижений жизни на личность, умножение достижений жизни на ее собственные возрастающие возможности мы называем

вторичными условиями ее развития.

Занятая личностью позиция «сидеть сложа руки» приводит к непоправимым изменениям в ее жизни: она испытывает разочарование, в ней накапливаются злоба к людям, мстительность, которые и проявляются в ее последующих жизненных отношениях (таковы вторичные последствия жизненной позиции личности, которые ведут к ее деградации). Однако иногда человек, заняв активную позицию, может растратить себя на «переделку мира», включиться в решение социально тупиковой ситуации, но потом изменяет себе, занимает пассивную, отстраненную позицию. Ему не хватает жизненного разума, чтобы отделить бесплодность своих личных усилий, связанных с тупиковой социальной ситуацией, от собственных личностных возможностей, он переживает поражение и принимает его как судьбу. Траектория жизненной линии здесь прерывается.

На протяжении жизни изменяются основные жизненные отношения личности, которые иногда наталкиваются на внутреннюю инерцию: способ жизни и отношение (например, с детьми, с мужем) коренным образом изменились, а человек пытается жить по-прежнему. Жизненную линию определяет жизненная зрелость (или незрелость). Последняя иногда и в пожилом возрасте проявляется в инфантилизме — переоценке своей значимости, своих возможностей, неадекватной «размашистости» (новая семья, новое дело закладываются без учета жизненных сил). Напротив, жизненная зрелость проявляется в равнодушии к «соблазнам», в преодолении препятствий, в отстаивании своей линии жизни. Человек осознает необходимость решать жизненные противоречия или сдать жизненные позиции.

Некоторые противоречия возникают в процессе самой жизни, ее объективного хода, закономерного или случайного, но их общая черта в том, что они не могут быть разрешены личностью, даже если она проявляет активность, изобретательность, все свои способности. Другие противоречия, будучи объективны по своей природе, не зависят от хода жизни конкретной личности и требуют для своего разрешения активного участия целых групп людей, а не только усилий отдельной личности. Третьи разрешаются самой личностью, ее усилиями и активностью, четвертые — только данной отдельной личностью. Такова в целом первая группа объективных по происхождению и определенных по степени возможности их разрешения личностью противоречий.

Другая большая группа противоречий обусловлена особенностями самой личности, организующей жизнь. Вмешательство личности в ход жизни, композиция ею своих жизненных отношений (противоречивая или гармоничная по отношению друг к другу) порождают внутриличностные и социально-психологические противоречия. В качестве основания для классификации противоречий жизненного пути необходимо определить способ организации личностью жизни, т. е. жизненную позицию личности, и способ проведения этой позиции во времени и в обстоятельствах жизни — жизненную линию. Для характеристики личности как субъекта жизнедеятельности чрезвычайно важен выбираемый ею способ разрешения противоречий.

Классификации жизненных противоречий, таким образом, основаны на разных моделях организации жизни личностью. Одной из наиболее распространенных является модель резких перемен в жизни вследствие изменения жизненной позиции. Например, уход большого спортсмена, достигшего славы, на другую, гораздо более скромную работу — тренера и т.д., обнаруживает или прочность внутренней личностной позиции, или ведет к внутреннему кризису. Сохранение активности при изменении жизненной позиции позволяет отделить подлинно личностную активность от тех социально-психологических опор (славы и т.д.), которые поддерживали личность прежде. Другой моделью, в известном смысле противоположной первой, является модель возникновения внутренних противоречий и кризиса как результата отсутствия каких-либо желательных для личности жизненных перемен, жизненных достижений.

Иногда позиция внешне, казалось бы, непротиворечивая, изменяясь и развиваясь, выливается в такие отношения, которые личность не может удержать или

непротиворечиво соединить. Когда отношения в семье исходно являются компромиссными, неподлинными, подрастающие дети и новые отношения с ними обнаруживают несостоятельность позиции жены (мужа) или их взаимоотношений.

Наиболее яркой иллюстрацией неспособности решать жизненные противоречия являются два феномена — уход и возложение ответственности. Уход личности проявляется в самых разнообразных формах: уход из семьи, в другую профессию, в другую возрастную группу и т. д. Однако этот феномен при разнообразии его жизненных форм является симптомом того, что личность хочет избежать трудностей. Любая форма ухода, как правило, связана с противоречивой ситуацией, в которой оказалась личность, с ее неспособностью продуктивно разрешать противоречия или их длительно выдерживать. На первый взгляд некоторые формы ухода могут восприниматься как проявление активности личности — поиски новой жизненной позиции, перемена направления жизни, жизненной линии (новой семьи, новой профессии). Однако «уходившие» люди указывали на отсутствие сил для продолжения прежней жизни, выполнения прежней роли.

Другой феномен ухода личности от противоречий — возложение ответственности — также проявляется в самых разнообразных формах, в которых фактически занижается роль «я», роль личной активности, имеет место отсутствие инициативы или избежание ответственности. «Возложение ответственности» определяется нами как стремление личности переложить ответственность на других. Переход от нравственной регуляции к юридической (обвинения, порицание окружающих, начальство и т. д.), религиозность как возложение ответственности на внеличностные силы (судьбу и т. д.) — все это формы падения активности, неспособности отстоять собственную позицию.

Негибкость жизненной позиции проявляется в стремлении сохранять свои взгляды на жизнь, «принципы», привычки, круг общения и т. д. неизменными. Это часто присуще старческому возрасту и выражается в нежелании перемен (путешествий, встреч и т. д.). Однако такое состояние довольно часто проявляется и у молодых, и в зрелом возрасте как нежелание что-либо изменять в жизни, что-то «сдвигать со своих привычных мест», проявлять активность, идти навстречу трудностям. Такие люди во всех отношениях придерживаются ритуальных правил, твердого распорядка. Для них важна не мудрость, которая свойственна возрасту, а форма субординации старших и младших, мужа и жены, педагога и учеников. Они скорее согласятся разрушить сложившиеся отношения, по существу сломать свою жизненную позицию, чем изменить привычный для них стиль жизни.

Возрастные противоречия обостряются противоречиями, связанными со сменой жизненной позиции, с изменением жизненной линии, жизненной направленности. Наиболее сложным этапом жизни трудновоспитуемых подростков является их переход от этапа жизни в колонии к этапу новой трудовой жизни. Предполагается, что в колонии они прошли перевоспитание и, попадая в хорошие, передовые коллективы, сразу должны успешно включиться в трудовую жизнь. Однако часто они уходят с работы, бросают «благополучную» жизнь и даже уезжают в другие города в поисках близкой себе группы. Чем объяснить это возвращение к прошлому? Неэффективностью перевоспитания?

В этих и аналогичных случаях сама личность до поры до времени не разрешает противоречий: происходит чисто внешняя перемена жизни, пусть даже и радикальная. Новый образ жизни не присваивается личностью: она должна перейти от принудительного к добровольному способу жизни, что требует не только времени, но и внутренней перестройки. Противоречия, связанные с изменением (потерей, удержанием, «переосмыслением») жизненной позиции, являются наиболее трудными для жизни личности. Жизненная позиция может меняться или оставаться неизменной в зависимости от характера и способа решения противоречий, конфликтных ситуаций, причем для изменения жизненной позиции как таковой необходимо разрешение жизненно значимых противоречий, ситуаций и т. д. Жизненно значимыми, жизненно важными являются только те противоречия, которые служат средством, способом изменения взглядов, привычек, от-

ношений личности с обществом, с самим собой и т.д. Противоречия, разрешаемые только на «словах», приводят к демагогии, к нежеланию на деле отказаться от своих установок, «принципов», к «изобразительной деятельности».

В период застоя за декларациями, правильными словами не стояли правильные действия. Неправильно было бы думать, что постоянное разрушение связи слова и реального дела не разрывало естественной психологической связи намерения и действия, а сама личность не утрачивала своего волеизъявления. В личной жизни это зачастую приводило не только к потере личностью истинных мотивов, но и к утрате ею чувства, что это ее собственная жизненная позиция, что отчуждало личность от ее жизни.

Наступившая эпоха гласности дала возможность многим людям открыто признать не только свои достижения, но и потери, трудности, причем как на общественном, так и на личном уровне. Гласность в постановке жизненно значимых проблем позволила выявить их важность, прежде всего, для самого человека, а не только для общества, как это практиковалось в предыдущие периоды. Индивид получил право на признание своей личной свободы, независимости как право на собственную жизненную позицию, мнение, даже на свою личную трагедию. Плюрализм мнений открыл возможность не только самостоятельно выбирать позицию, но и последовательно отстаивать (изменять, перестраивать) ее на всех этапах жизни.

Личность получила право на решение своих сугубо личных проблем без привлечения «официальных» инстанций. Таким образом, социалистический плюрализм становится гарантом того, что личные проблемы каждого перестают быть под общественным контролем, что и является гарантом права на личную жизнь. Признание каких бы то ни было личных противоречий не является признаком ни идеологической неустойчивости, ни низкой производительности труда, а лишь правом личности решать их по своему усмотрению. Мнение коллектива теряет общественно-нормативную функцию «добровольного принуждения» и приобретает другие — совета, порицания, одобрения.

Разрешение жизненных противоречий осуществляется человеком на уровне повседневных, бытовых проблем, ситуаций. Контроль за «жизненным раскладом» (в семье, на службе) необходим для поддержания нравственного здоровья не только человека, но и общества в целом. Исследования венгерскими социальными психологами причин самоубийств свидетельствуют о важности своевременного самоконтроля, об опасности утраты чувства ценности собственной жизни, ответственного отношения к будущему своих детей²³.

Преобладание внутренних противоречий личности над общественными — не нарушение социалистической морали, а показатель того, насколько личность в состоянии справиться с их решением самостоятельно. Анализируя направленность личности на решение внешних проблем, надо, прежде всего, выявить истинные мотивы этой направленности, источники недовольства личности своим положением в обществе: имеется ли оно в действительности или является показателем неспособности личности занять это положение, пустоты ее жизни и т.д.

Интересные примеры можно привести из прошлого. В России существовал суд присяжных, и, как отмечает известный советский историк психологии Е. А. Будилова, и судьи, и присяжные прекрасно знали психологию людей, что помогало им выявлять противоречия, сложные ситуации, связанные с преступлениями и нарушениями законов. Поэтому они могли отделить личные мотивы преступления от тех, которые, скажем, были типичны и даже популярны в определенных слоях общества, группах населения, отделить глубоко личный конфликт от традиционного и т.д.²⁴

В подходе к противоречиям внутреннего мира личности, часто выплескивающимся наружу, принимающим социально типичные и даже массовые формы, важно учитывать связь ее внутренних проблем и жизненных социальных обстоятельств. Связь эта обнаруживается только при рассмотрении целостного жизненного пути личности. Нельзя абсолютизировать только внешние, социальные или только внутренние причины

противоречий. Например, при изучении проблемы самоубийств в Венгрии, число которых в последние годы катастрофически росло, вначале отдельно рассматривались только личные или только социальные их причины и традиционные формы их разрешения. Когда же к проблеме подошли комплексно, т.е. стали анализировать и экономические, исторические и собственно личные причины, то выяснилось, что при общем довольно высоком жизненном уровне реальный уровень жизни людей из разных слоев населения сильно различается, более того, есть группы, живущие за чертой бедности. Однако не бедность сама по себе является причиной преждевременного ухода из жизни, а бедность на фоне сознания того, что в социалистическом обществе все должны быть равны. Бедность рассматривается личностью как социальная несправедливость. Венгерский психолог К. Яро считает, что противоречия социалистического общества наиболее концентрированно и остро проявляются и сосредоточиваются в сфере семьи, личной жизни, в малой группе.

Плюрализм подразумевает богатство, всю палитру оттенков человеческой жизни со всеми ее трудностями, противоречиями, «разрешимыми» и «неразрешимыми». При оценке человеком своей жизни всегда присутствует момент субъективности, и именно он в первую очередь заслуживает самого пристального рассмотрения и всестороннего анализа²⁵. Именно он выступает результирующей и движущей силой реальной жизни человека, ее достижений и потерь. Поэтому, как говорилось выше, удовлетворенность (или неудовлетворенность) жизнью является серьезным показателем ее реальной проблемности. В любом сложном положении, в любой жизненной ситуации помимо ее «диагноза» должно присутствовать осознание ее проблемности, а в этом осознании на первом месте должно стоять понимание самоценности жизни для самого человека. Какие бы противоречия ни разрывали человека, он должен решать их с позиций ценности своей жизни и для самого себя, и для общества.

Однако можно разрешить любую ситуацию, переменяя свою жизненную позицию (уйти из семьи, с работы, бросить любимое дело, изменить жизненным принципам). Но это будет внешнее решение, внешнее изменение, которое, если противоречие носит принципиальный характер, возобновится в новой форме и в новой ситуации. Поэтому стратегия жизни должна, по-видимому, заключаться в раскрытии и разрешении подлинных причин противоречий, а не в уходе от них путем жизненных перемен. Когда, обсуждая проблемы роста числа разводов, обратились к психологу с вопросом, где же выход, он ответил так: если нельзя устранить все причины конфликтов и противоречий в семье, то можно сделать только одно — научить людей их разрешать.

Конечно, не нужно создавать проблемы искусственно и раздувать конфликты там, где их нет. Но нельзя закрывать глаза и оттягивать решение наболевших проблем, назревших конфликтов. Некоторые люди, желая сохранить устоявшуюся жизненную позицию, сложившиеся отношения, оттягивают решение внутренних конфликтов. Это можно понять. Но незаметно серьезный конфликт разрушает личность, отнимает душевные силы, выводит из состояния душевного равновесия, оборачивается внутренним оцепенением, падением активности, интереса к жизни.

Нередко думают, что внутренние противоречия — это только разлад с самим собой, борьба разных побуждений. Однако это не так. Например, такое, казалось бы, внешнее несоответствие размера оклада статусу или способностям, большому объему выполняемой работы, отсутствие условий для профессионального роста являются причинами глубоких внутренних переживаний. Сорокалетний мужчина начинает считать себя социально несостоятельным, не способным прокормить семью и т.д. Его переживания, как кажется на первый взгляд, не принимают формы противоречий. В силу отсутствия условий для полноценной реализации своих способностей возникает озлобление, появляется чувство скуки, неудовлетворенность. Именно эти переживания приводят к внутренней ломке личности: к отказу от профессиональных интересов, к появлению ориентации на карьеру, «денежную должность» и т.д. Создается как бы

иерархия противоречий, когда к внешним противоречиям надстраиваются внутренние, образуя противоречия второго порядка. Иногда исчезает желание бороться за жизнь, соответствующую возможностям человека. В подобных ситуациях человек нередко обращается к алкоголю, под действием которого его поведение изменяется так, что он сам лишает себя «прав» на улучшение своей социальной ситуации. Лечение такого человека — это забота не только медиков, но и психологов, которые помогли бы ему решить его жизненные противоречия.

Долгие годы из общественного сознания исключалась проблема противоречий, хотя в теории утверждалось, что противоречия — основа развития. Они чаще всего отождествлялись с недостатками, с негативными явлениями. Между тем противоречия приносят личности не только «вред», но и «пользу», поскольку их разрешение, как правило, способствует ее развитию. Важно только, чтобы человек мог найти их правильное решение, чтобы он имел силы и потребность их преодолевать. Польские психотерапевты, сталкиваясь с больными, находящимися в так называемых пограничных состояниях, критических для душевного здоровья, утверждают, что часто таким людям бывает полезно испытать сильное потрясение, пережить и разрешить конфликт.

Подлинное разрешение противоречия вызывает у человека удовлетворенность, внутреннее облегчение, которое, однако, часто игнорируется окружающими, да и самим человеком. А между тем, даже если жизненная ситуация продолжает оставаться трудной, противоречивой, найденное решение придает человеку новые силы для построения новой жизненной стратегии. Не надо бояться таких «пересмотров», считая их изменой самому себе, своей позиции, не следует упорно держаться за то, что сохранилось только в нашем воображении или памяти, тогда как в реальной жизни уже давно разрушилось.

В зарубежной психологии, особенно возрастной, существует ряд теорий так называемых жизненных кризисов, которые связываются с определенными возрастными периодами. Но нельзя рассматривать кризис как фатальный для каждого возраста и каждого человека. Это не соответствует реальности, поскольку сплошь и рядом противоречия и кризисы обусловлены другими причинами и не привязаны к возрастным особенностям. Кризис может заключаться в реальном несоответствии между, например, взаимоотношениями подростка со взрослыми, для которых он по-прежнему остается маленьким. В этом случае его жизненная позиция (как опекаемого материально и духовно, постоянно призываемого к нормативному поведению) приходит в противоречие с его возможностями, стремлениями, потребностью быть самостоятельным.

В целом причины возникновения противоречий и их характер чрезвычайно многообразны. Это отмечают все психологи, пытавшиеся построить их классификацию. Однако все их многообразие в конечном счете приводит к субъекту (человеку или группе), который является эпицентром этих противоречий. Долгое время считалось, что противоречия объективны, т. е. существуют независимо от воли и желаний человека и подчиняют его. Между тем как раз активные действия людей, их вмешательство в ход тех или иных событий и порождают противоречия, особенно тогда, когда люди выступают с новых позиций, когда они ломают старые традиции. Иначе говоря, само качество личности как субъекта жизни порождает противоречия, а способность разрешить их делает личность в еще большей мере субъектом.

Общие требования, нормы, устои ни в одном обществе не совпадают полностью с позицией каждого человека, не отвечают потребностям индивидуальности. Поэтому одним из основных противоречий в жизни людей является противоречие между индивидуальным и общественным. Но именно поэтому так важно осознание каждым человеком собственной жизни как свободного пространства для выбора собственного направления развития.

Личность должна изначально формировать в себе установку на трудности, готовность к их преодолению, а не только установку на успех и поддержку. Жизненная стратегия личности предполагает в своей основе принцип опоры на собственные силы,

выявление того, хватит ли у нее сил для резких изменений в своей жизни, которые могут обернуться неудачей. В психологии сложилось понятие толерантности как устойчивости личности к трудностям. Устойчивость к трудностям, противоречиям может превратиться в своеобразную личностную потребность.

Такая потребность в трудностях, риске обнаруживается у части подростков при выборе ими профессии: они хотят быть там, где есть трудности, риск. Эта потребность часто подавляется взрослыми, которые «пристраивают» своих детей туда, где безопасно, комфортно, где от них не потребуется больших усилий, выдержки. Можно обратить внимание на такую, казалось бы, несущественную деталь, как подростковые игры. Еще несколько десятилетий назад для таких игр были характерны испытание на смелость, выработка воли, чувства локтя, способности преодолевать препятствия. К сожалению, с нарастанием стремления старшего поколения к опеке подростков игры с подобным содержанием исчезли.

Особенно сложны и трудноразрешимы противоречия в общении людей. Основой для таких противоречий может стать расхождение, начиная с разных точек зрения на любое явление жизни и кончая несходством характеров. Плюрализм мнений открыл совершенно новую плоскость видения этой проблемы, поскольку стало возможным сосуществование различных мнений, точек зрения. Необходимое условие плюрализма — уважение к человеку, придерживающемуся противоположной точки зрения, признание права на существование иной позиции. В течение нескольких десятилетий общественное сознание стандартизировало людей, стирало индивидуальности. На уровне личного общения это приводило к неприятию инакомыслящего, формировало психологию нетерпимости к любому разнообразию, несовпадению мнений. Принцип «стричь под одну гребенку» проявлялся и на уровне личных отношений людей, формировал убеждение, что все должны думать, как я, хотеть, как я, и быть, как я. Люди внутренне привыкли идти на сделку со своей совестью, пренебрегать своими убеждениями; постепенно отпадала и потребность их иметь.

В личной жизни отношения, постоянно проверяемые на прочность, должны выдерживать и временные несовпадения, и полное расхождение мнений, настроений, желаний. Иногда оказываются гладкими и беспроблемными случайные отношения именно в силу отсутствия за ними какого бы то ни было глубокого личностного содержания. Они совпадают лишь чисто внешне, как это имеет место в молодежных объединениях, группировках, связанных внешней атрибутикой. Здесь до поры до времени противоречия носят скрытый характер, они потенциально заключены в поверхностном согласии. При таких случайных, поверхностных совпадениях обнаружение своей позиции одним из участников такой группировки приводит к его полному отторжению остальными. Яркая внешняя атрибутика, декларация групповых ценностей — своеобразные формы защиты каждого от малейшего признака личных проблем.

Подлинными же отношения между людьми допускают перемену «ролей» — когда более сильный в одном выступает в качестве более слабого, ведомого в другом, более сильный и мужественный в один период жизни может позволить себе слабость в другой и т. д. Созданное людьми отношение в разное время имеет для них разную ценность. Умение сохранить это отношение вопреки изменениям позиций каждого из его членов и есть особая способность личности к общению. Это способность зрелой личности, которая не просто так или иначе относится к людям, а умеет ценить в другом человека, умеет беречь и отстаивать отношения с ним. Это не просто общительность, а высокая способность личности поддерживать отношения вопреки неизбежным противоречиям, изменившимся обстоятельствам.

Вместе с тем способность личности сохранить отношения не предполагает необходимости растворяться в них. Напротив, это умение непротиворечивым образом найти место данным отношениям в широком контексте собственной жизни. Отношение оказывается «просторным», свободным, если оно органически соединено со всеми

другими жизненными потребностями личности, когда оно не приходит с ними в противоречие. Одновременно оно дает простор развитию обеих личностей, а они в свою очередь выступают как его активные строители. Напротив, если отношение представляет лишь сценарий поведения, задача его совершенствования перед участниками этого отношения не возникает.

Функциональные отношения, при которых другой выступает в качестве объекта, а не равноправного субъекта, непрочны и чреваты противоречиями. Поскольку они строятся в целях, которые лежат за пределами собственно личностных качеств общающихся людей, постольку эти качества не «вмещаются» в функциональные отношения и часто не способствуют их укреплению. Эти отношения требуют, как правило, тонкой тактики и стратегии, так как предполагают использование человека в целях, не совпадающих с его интересами, или ограничивают общение лишь сферой совпадения интересов. Поэтому, как правило, здесь необходимы особые средства упрочения союза, набор которых свидетельствует о низкой нравственной пробе как отношений, так и их инициатора.

Умолчание, ложь, лесть и т.д.— это средства общения, которые порождаются таким неподлинным характером отношений. Судьба таких отношений различна. Их следствием иногда является раздвоение личности, цинизм, несовпадение внутренних ценностей и реальных поступков. Эти же качества определяют и выбор средств общения и поведения: возникает разрыв между словом и делом, между действительными поступками и демонстрируемым «хорошим» отношением, хотя внешне здесь нет никакого противоречия, потому что человек свыкается с таким раздвоением, принимает его как свою жизненную позицию. Возникает потребность в специальной «обработке» партнера, в маскировке своего поведения и т.д.

Из этого видно, насколько важно для личности найти, сохранить и укрепить в общении свою целостность, полноту своего «я», его подлинность, непротиворечивость, избежать разрыва между мотивами общения и ценностями²⁶. Отступление от принципов в угоду ситуативным мотивам общения, выгоде временного союза ведет к распаду ценностно-мотивационной сферы личности.

В разрешении неизбежных в общении противоречий между своими личными интересами и желаниями других людей с точки зрения и этики, и психологии решающую роль играет способность личности говорить и отстаивать правду. Позиция правды предполагает доверие к другому — исходное условие человеческого общения. Это есть не что иное, как этический эквивалент признания личности в другом, а значит, его «права» на собственный путь, на собственное решение и т. д. Позиция каждого из участников общения должна давать простор для личного выбора, а потому исключать ложь во имя сглаживания расхождений. Правда в отношениях, в общении — это отсутствие притворства, готовность разрешать противоречия и мужество поисков выхода из них.

Двойственность личности приводит к лжи и замазыванию противоречий, к стремлению выдать свою позицию за общую, к маскировке истинных целей и намерений и к неизбежно связанной с этим двойственности поведения. Такой способ устанавливать и сохранять отношения при его внешней гладкости оборачивается моральными издержками, раздвоением или деградацией личности. Поэтому отстаивание правдивых отношений есть утверждение личностью этического в жизни, в способе общения с людьми. Здесь речь идет не просто о «соблюдении» этических норм и идеалов в поведении, а о способности к построению подлинно нравственных отношений.

Развитие личностей через отношение и развитие самих отношений любого типа осуществляется в ходе разрешения противоречий. Само исходное субъективное отношение одного человека к другому, кроме чувства любви, является противоречивым. Противоречивость в общении неизбежна для человека, который судит обо всех по себе, не умея оценить своеобразие и непохожесть на себя другого. Она тем более неизбежна для эгоиста, руководствующегося только своими желаниями, своими целями, своим «я». Она неизбежна для личности, которая типизирует людей по общим стандартам. Такие

противоречия исходят из невозможности понять другого. Другого рода противоречия возможны между людьми, способными и стремящимися понять друг друга, когда сталкиваются люди, скажем, с разным уровнем нравственного развития или разными характерами. Причины противоречивости отношений часто лежат и в самом жизненном контексте, в системе обстоятельств, в которых они строятся.

Способность личности разрешать противоречия и является мерилем ее человеческой зрелости, мужества, стойкости и принципиальности. Если в силу множества действующих на уровне личной жизни социальных причин невозможно построение отношений, отвечающих подлинно человеческой сущности, то возможна борьба за такие отношения через разрешение противоречий.

В этой сложнейшей проблеме пока что можно отметить одно: отношения людей выступают как некая «идеализированная», но все же действительность, и это дает возможность выверить способ построения отношений, разрешить противоречие. Другой человек и отношение к нему создают совершенно особого рода «субъективное пространство», в котором противоречия разрешаются не ситуативно, не под влиянием одномоментного чувства, а разумно-личностным образом.

Особое значение в разрешении противоречий (в понимании их характера и способа разрешения) имеет то, что любая «диада», «триада» и т.д. существует в сети других отношений. Так, отстаивание «права» на дружбу, на любовь, на выбор того, а не другого человека часто осуществляется через противодействие мнению окружающих. Характер отношений двух людей иногда оказывается не соответствующим традициям, правилам и т.д. Среди таких препятствий внешнего плана наиболее трудноразрешимым является противоречие между одновременно существующими отношениями человека к близким людям. Таковым (например, для мужчин) часто оказывается несоотнесенность отношений к матери и жене. Причина их противоречивого характера не в самом человеке, а во встречных притязаниях на близость к нему этих двух людей. Только мудрость, бесконечное терпение и доброта позволяют человеку, который невольно становится «ответчиком» за взаимоотношения всех, разрешить противоречия с позиций «доброты воли».

На этом примере можно проследить диалектику «позиций» людей и их отношений. Исходно отношения как будто бы заданы определенной «расстановкой сил» (позиции детей по отношению к родителям, мужа и жены и т.д.). На самом деле субъекты общения, строя свои отношения при заданных «позициях», наполняют их тем или иным личностным содержанием. Здесь и выступает их особое качество как субъектов общения, не выводимое из ролевых предписаний. Отношение строится и сохраняется разной ценой и этически, и личностно (психологически), потому что оба субъекта строят его совместно. Способ решения жизненных противоречий (конструктивный, смелый, пассивный) характеризует социально-психологическую и личностную зрелость человека. Последняя проявляется в умении соединять свои индивидуальные особенности, свои статусные, возрастные возможности, собственные притязания с требованиями общества, окружающих. Способность осуществлять это соединение мы определяем как жизненную стратегию.

Такая стратегия, прежде всего, может строиться на основе представления о целостности, поэтапности, перспективности своего жизненного пути. Как уже говорилось, жизненный путь представляет собой не только раз и навсегда зафиксированную позицию, но и определенную жизненную линию, т.е. реализацию своей позиции во времени, ее постепенное развертывание, расширение, укрепление. Стратегия жизни разных людей состоит в том, что одному удается сразу определить свою основную жизненную линию, свою профессиональную перспективу, другой первоначально может видеть несколько перспектив, направлений своей самореализации и хочет сначала попробовать себя в разных сферах, а затем уж выбрать главное направление. Один считает, что надо как можно раньше создать семью, обеспечив свой «тыл», другой — напротив, сохранив

личную свободу, сначала утвердить себя, посмотреть мир и т.д.

Уже в жизненных планах подростков четко выявляются подобные различия: одни видят свое будущее в сфере социальных достижений (звания, должности, карьера), другие — в личном способе самовыражения (дружба, интересное общение, семья), третьи — в творчестве (мечты стать писателем, художником, композитором). В данном возрасте видно и умение некоторых подростков с юмором оценить свои невысокие притязания сравнительно с высокими притязаниями других.

Жизненная стратегия в самом общем виде — это постоянное приведение в соответствие своей личности (ее особенностей) и характера и способа своей жизни, построение жизни сначала исходя из своих индивидуальных возможностей и данных, а затем с теми, которые вырабатываются в жизни. Стратегия жизни состоит в способах изменения, преобразования условий, ситуаций жизни в соответствии с ценностями личности, в отстаивании главного ценой уступок в частном, в преодолении своей боязни потерь и в нахождении самого себя.

Почему для каждого человека необходима своя стратегия? Прежде всего, потому, что исходно люди обладают различными характерами, различными способностями, различными притязаниями (т.е. желанием проявить себя в большом деле, многое успеть или ограничиться более скромными достижениями). Люди имеют глубокий внутренний мир и хотят прожить так, чтобы сохранить его. Другие претендуют на интересную, богатую событиями жизнь, для чего используют свою стратегию.

Способности даются человеку независимо от его воли и усилий, но нужно так построить жизнь, чтобы найти место их достойному применению, не дать им погибнуть, на их основе выработать определенные профессиональные и лично ценные качества. Стратегия жизни и есть индивидуальная организация, постоянная регуляция хода жизни по мере ее осуществления в соответствующем ценностям данной личности и ее индивидуальности направлении. Например, стратегия одних талантливых людей состоит в наиболее полном применении своего таланта, стратегия других — в получении максимума благ за свой талант.

Чтобы научиться жить соответственно своим возможностям, способностям, характеру, необходимо знание, понимание самого себя. Искусство жизни состоит не только в том, чтобы учитывать свою индивидуальность, но и в том, чтобы соотносить свои жизненные цели, планы и желания со своими особенностями, чтобы раскрыть в ходе жизни в себе новые качества, развить новые способности. А это, прежде всего, исключает подражание, сравнение. Конечно, особенно в юности существует стремление к идеалам, в качестве которых могут выступать замечательные люди. Но желание подражать, которое играет позитивную роль ориентира на идеалы, не должно приводить к жизни несамостоятельной. Оно должно способствовать более четкому выбору того, что нужно именно данному человеку, а не другому, т.е. адекватному жизненному самовыражению. Между тем многие люди часто неосознанно действуют по определенным стандартам и эталонам, которые они рассматривают как норму. Нередко человек перестает определять ход своей жизни, подражая другим, совершает случайные шаги, делает случайный выбор. Важнейшим делом жизни становятся определение, выбор и реализация ценностей — духовных, культурных, нравственных. Выработка этих ценностей, превращение их в принципы своей жизни, борьба за их реализацию могут составлять жизненную стратегию, основное стратегическое направление жизни. Хотя ценности, например культурные, носят общечеловеческий характер (и в этом смысле доступны всем), они не присваиваются многими людьми, не становятся фактом, достоянием их жизни. Сотни и тысячи туристов, путешествуя, видят, фотографируют полотна великих художников, но многие ли из них при этом действительно интересуются искусством, увлекаются им, ценят его? Казалось бы, эмоции, чувства есть то, что присуще человеку от природы, и тем не менее оказывается, что способность к эстетическому чувству, сопереживанию, восприятию — это редкостное достояние жизни, достижение самой личности.

К сожалению, вопрос о нравственных ценностях, о жизни в соответствии с ними, сегодня стоит лишь как проблема борьбы с бездуховностью. Бездуховность как распространившееся социальное явление требует своей оценки и анализа, прежде всего, на уровне конкретных личностей. Она проявляется в эмоциональной неспособности человека даже к простейшему эстетическому, нравственному переживанию, в эмоциональной глухоте. Поэтому воспитывать духовность и нравственность человека почти невозможно через его сознание, если это сознание не имеет «резонатора» в сфере чувств (как удачно выразился один из психологов, способности к «изведыванию» чувства стыда от дурного, радости от благого поступка). Но если эти чувства заложены, если их переживание составляет смысл для человека, то уже над ними надстраиваются активные духовно-интеллектуальные поиски и цели человека.

Бездуховность имеет свое реальное социальное происхождение. Ее источники нужно искать там, где нет точек соприкосновения между обыденным и возвышенным в жизни. Жизнь человека может обедняться им самим (когда он «отказывается» от содержания, увлекается формой и т.д.). Иногда условия его жизни (материальная необеспеченность, недостаток образования родителей) не дают ему возможностей подняться до тех «культурных высот», до которых поднимается другой. Однако в истории отечественной культуры, науки существует немало примеров, когда, несмотря на все «тяготы и лишения обыденщины», человек все же поднимался до вершин совершенства. Поэтому можно сказать, что главной точкой соприкосновения между обыденной и духовной жизнью является сама личность и выбранный ею способ жизнеутверждения. Бездуховность соседствует с обыденностью и является оборотной стороной мещанства, но каждый попадает к ним в плен своим путем.

С бездуховностью непосредственно связана безнравственность как отсутствие авторитетов, идеалов, норм жизни (не только юридических, но, прежде всего, этических). С точки зрения психологической нравственным центром должна быть именно способность и потребность субъекта в нравственной саморегуляции, т.е. совесть. Поэтому возрождение нравственных ценностей должно идти не только путем санкций, а именно глубоко индивидуальным путем, не только путем борьбы с безнравственностью, а путем раскрытия содержания нравственного способа жизни. Только посредством определенной жизненной стратегии человек может достичь подлинно нравственной жизни. Нравственное самоопределение состоит не из отдельных нравственных решений, выборов, поступков, как это чаще всего представляют, а именно в выработке потребности в возвышенно-духовной жизни.

Принципиальное содержание жизненной стратегии состоит не только в своеобразном структурировании, в организации жизни, но и в созидании ее духовно-ценностного, духовно-этического уровня и способа, что и приносит подлинное удовлетворение человеку. Жизнь духовная самоценна по своему характеру, она приносит чувство «овладения своей жизнью», т.е. глубочайшее удовлетворение, которого не дает ни достижение материальных благ, ни даже социальное признание. Способность достичь такого способа жизни и составляет ее подлинный смысл, ее главную цель.

В этом случае уже не возникает тех нравственных коллизий и выборов альтернатив, которые обычно описываются при обращении к этической проблематике. Существует проблема жизни как проблема борьбы за реализацию этих этических ценностей, а не как проблема выбора более или менее нравственного поведения, поступка.

С изменением жизни, т.е. ее новизной, которая заключена в изменении обстоятельств, условий жизни, ее отношений, меняется и сам человек. Он становится более зрелым, более глубоко понимает жизнь, более определенно видит свое место в ней, свои жизненные цели. Но изменение человека, его личности не всегда происходит как развитие. Часто изменение человека — это своеобразная «уступка» обстоятельствам. Приспособление к ним свидетельствует о неспособности овладеть своей жизнью, о пассивной стратегии. В таком случае преобладает линия внешних событий, а сама жизнь

превращается в череду однообразно сменяющихся дней. Исчезают жизненные цели, притязания, которые могли бы придать целостность действиям, исчезает план внутреннего волеизъявления человека. Цель жизни сводится к тому, чтобы удержать достигнутую жизненную позицию (обеспечить жизнь семьи, как правило, в сугубо бытовом отношении, сохранить хорошую работу, поддержать уже сложившийся круг общения и т.д.). Задача совершенствования своей жизни, стремление расширить ее сферы, пропадает, и личность изменяется лишь в житейски-бытовом плане, приобретает практическую сноровку, которая не связана с ее подлинным развитием. Смысл жизни как стремление с наибольшей полнотой реализовать себя в жизни постепенно утрачивается, остаются «текущие» смыслы и задачи. Таким образом, утрачивается и стратегия жизни, остается лишь ежедневная тактика реализации текущих дел.

Нередко остановка в развитии ведет к деградации личности: цели из личностных перемещаются в бытовые, быт из условия жизни превращается в цель, смысл жизни сводится лишь к его обеспечению. Деградация личности выступает в разных, но чаще всего в незаметных для нее самой формах: в падении мотивации, в росте негативных эмоций, в равнодушии. При этом исчезают интеллектуальные интересы, их вытесняют обыденные суждения, банальности, сплетни. Деградация личности приводит к возрастным изменениям — наступает быстрое старение, которому мало поддаются люди, сохранившие смысл жизни и способность ставить новые жизненные цели и в преклонном возрасте (не стареющие душой).

Критерием развития личности служит наличие или отсутствие смысла жизни. Смысл жизни часто представляют исключительно философской проблемой, в реальной жизни не все люди могут его сформулировать, четко выразить. В философской и социологической литературе разрабатывается понятие смысла жизни, или жизненной концепции, которое в известной мере характеризует теоретический способ организации личностью жизни. Но только в реальной жизни личностно объединяются жизненная позиция, жизненная линия и концепция (смысл) жизни.

Смысл жизни отражает жизненную концепцию человека, осознанный и обобщенный принцип его жизни, его жизненную цель ²⁷. В психологии смыслом (не только жизни, но и любого действия, поступка, события и т.д.) принято называть внутренне мотивированное, индивидуальное значение для субъекта того или иного действия, поступка, события. Когда человек совершает то или иное действие, он понимает, осознает, зачем он это делает, и в этом для него заключается смысл. В более широком аспекте смысл — это ценность и одновременно переживание этой ценности человеком в процессе ее выработки, присвоения или осуществления.

Можно определить смысл жизни и по отношению к жизненным потребностям, которые многочисленны и разнообразны, но среди которых можно выделить потребность в самореализации (более или менее индивидуальной, более или менее активной). Такая потребность называется потребностью в самовыражении, в самореализации, в проявлении своего «я», о чем мы еще будем говорить. Естественно, что условия жизни — это, прежде всего, другие люди, поэтому потребность в понимании, в признании непосредственно связана с первой, составляет ее (более или менее) самостоятельную сторону. Содержанием жизни являются деятельность, труд, потребность в которых также становится одной из ведущих. Человек в своей жизни определенным образом соподчиняет эти (и другие) потребности, выявляет свои способы и меру их удовлетворения. Так создается смысл его жизни.

В отличие от мотивов, которые в психологии рассматриваются как выражение потребностей, смысл — это не только стремление к чему-то, не только будущая цель, определяемая мотивом, но и то переживание, которое имеет место в процессе реализации данного мотива (или их совокупности). Так, мотив поступить определенным образом может реализоваться в действии, но, уже совершая его, мы вдруг начинаем понимать и чувствовать его бессмысленность, обнаруживающуюся именно в момент действия. Смысл

жизни — это психологический способ переживания жизни в процессе ее осуществления. Смысл жизни — это не только будущее, не только жизненная цель, но и психологическая «кривая» постоянного ее осуществления. Поэтому, достигая конкретных целей в жизни, мы не утрачиваем ее смысла, а, напротив, усиливаем его, убеждаемся в нем, переживаем его. Способность субъекта переживать ценность жизни, удовлетворяться ею и составляет ее смысл. На наш взгляд, смысл жизни — это и способность субъекта переживать ценность жизненных проявлений своей индивидуальности, своего «я», своей личности.

С одной стороны, смысл жизни выражает притязания личности, ее стремления, потребности, с другой (и это очень важно) — является подтверждением ее реальных достижений, реальной способности выразить себя в формах жизни. Поэтому смысл жизни — это не только будущее, не только перспектива, но и мера достигнутого человеком, оценка достигнутого своими силами по существенным для личности критериям.

Смыслу жизни противостоит отчуждение жизни от человека — лишение его реальных действий, поступков, их ценности, значимости, превращение их в функциональные. Поэтому утрата смысла жизни происходит и в силу недостаточно развитых притязаний личности, недостаточно развитой потребности в самовыражении (неразвитая индивидуальность) и в силу неспособности их реализовать. Он утрачивается и в силу непропорциональности тех психических или личностных затрат, той «цены», которую личность платит за свои реальные достижения. Это можно выразить как своего рода психологический закон: слишком высокая психологическая цена, затраченная на жизненные достижения, понижает мотивацию, притязания и подрывает смысл жизни. Возможностям данной личности должна быть пропорциональна мера усилий, действий, затрат, при которой личность испытывала бы подлинную удовлетворенность, и ею питался бы дальнейший смысл ее жизни. Когда цена является слишком малой, когда успех приходит без всяких усилий со стороны личности, то личность также перестает испытывать удовлетворение, а это в свою очередь разрушает смысл ее жизни.

Соответствие жизненной позиции и концепции жизни возможно только в контексте эпохи и времени. В рассказе «Гадюка» Алексей Толстой обрисовал трагический исход утраты смысла жизни, связанный с переменой жизненной позиции и ее внезапно обнаружившимся несоответствием жизни окружающих. Переход от военной к гражданской жизни оказался не под силу молодой женщине, поскольку она не могла найти свое место среди обывателей, соотнести свои идеалы и представления с обыденной жизнью.

Смысл жизни определяет притязания личности и выбор тех жизненных задач, которые она берется решать. Поэтому уже на основе жизненных притязаний на определенное место в жизни, в обществе возникает мотивация достижения. Личность начинает решать задачи, направленные на достижение этих жизненных целей. На протяжении жизни смысл жизни меняется. У молодых смысл жизни ориентирован на будущее, у стариков — на прошлое или настоящее. У некоторых в течение жизни наблюдается значительное снижение жизненных ценностей и смысла жизни.

Смысл жизни, более возвышенный или более заземленный, определяет ее семантику: стремится ли человек в жизни преимущественно получать или отдавать (свои силы, способности, труд). Он влияет на уровень активности человека — более возвышенный смысл расширяет число задач, которые человек ставит перед собой независимо от того, чего от него требуют жизненные обстоятельства. Заниженные притязания ведут к снижению активности человека, его инициативы. Потребность побольше получить от жизни, конечно, тоже иногда рождает активность и настойчивость, но делает человека зависимым от внешних обстоятельств, с которыми связаны по преимуществу такие «достижения».

Важнейшим «подкреплением» смысла жизни являются либо полученные «блага», либо общее чувство удовлетворенности человека тем, как он строит свою жизнь. Это не чувство удовольствия, но именно удовлетворение, связанное с ответственностью за свою

жизнь, с долгом перед самим собой. Смысл жизни как ответственность за ее осуществление, за ее способ связан с потребностью и способностью самостоятельно, на свой страх и риск, строить и осуществлять ее. Ответственность возникает при осознании, что ход твоей жизни зависит от тебя, что ты один на один со своей жизнью, чем задается и ее психологический смысл.

АКТИВНОСТЬ И ЖИЗНЕННАЯ СТРАТЕГИЯ ЛИЧНОСТИ *

1. Особенности активности личности

Сегодня перед психологической наукой стоят такие вопросы: как определить психологический потенциал перестройки, как в кратчайшие сроки поднять уровень активности и сознательности людей? Перестройка и демократизация всей общественной жизни дают возможность проявить высокую активность, сознательность, конструктивность мышления. Однако в процессе обновления участвуют люди, сознание которых формировалось в период жесткого административно-командного управления. В таких условиях широко распространились социальная пассивность, бездумное исполнительство и потребительство. Но сегодня мы не можем пассивно ждать, когда перестройка всех сфер общественной жизни автоматически приведет к соответствующей перестройке психологии и сознания людей.

Психологи теоретически и методологически разрабатывают варианты решения таких проблем, как подъем социальной активности людей. Решение это совпадает со стратегией перестройки и психологии, и сознания людей. Эта стратегия должна осуществляться преимущественно путем повышения социальной активности, личной заинтересованности, мотивированности в решении социальных проблем. Социальная активность людей представляет собой не только общественно необходимое явление, но и имеет глубоко индивидуальный аспект, требующий изучения на уровне конкретного индивида, конкретного человека. Дефицит активности не только в общественной сфере, но и в личной жизни заставляет тщательно изучать его причины как общепсихологическими, так и социально-психологическими методами. При этом особенно важно тесно связывать все подходы к изучению активности, выявлять ее и личностную, и социально-психологическую природу.

Структура активности (в отличие от деятельности) до сих пор была мало исследована в психологии. В принятом определении активности, данном А. В. Петровским, она рассматривается как реализация потребностей личности, как поиск предметов потребностей. В этой связи возникает вопрос о характере связи активности и потребности, активности и деятельности. Тождественна ли активность деятельности, или они имеют качественные различия?

Ответить на эти вопросы можно, рассмотрев источники возникновения активности, причины ее падения, ее структуру, механизмы ее действия, взаимосвязи с другими личностными и психическими структурами, свойствами и т. д. Вначале необходимо отметить взаимосвязь активности с деятельностью, их общую зависимость от предмета удовлетворения потребности, а затем, выявив их различие, показать способ, характер этой зависимости от предмета потребности.

Принципиальное отличие активности и деятельности состоит в том, что деятельность исходит из потребности в предмете, а активность — из потребности в деятельности. Поэтому потребность в деятельности (в труде) и связанном с ней общении возникает в контексте значений и ценностей всей жизни. Для деятельности зависимость от предмета потребности будет непосредственной (опосредованной соответственно на уровне личности ее мотивами, волей и т.д.), а для активности эта зависимость опосредована деятельностью. Можно сказать, что активность не только качественно присуща самой деятельности, придает ей определенную «окрашенность», но и структурно более сложно организована. Активность определяет деятельность (с ее структурами, функциями), мотивы, цели, направленность, желание (или нежелание) осуществлять

* Глава написана при участии А. Н. Славской.

деятельность, т.е. является движущей силой, источником пробуждения в человеке его «дремлющих потенциалов».

Активность как бы предшествует деятельности во времени: до начала деятельности мы еще можем что-то изменить, передумать, улучшить, после мы уже «вынуждены» закончить начатое независимо от того, насколько лично это привлекательно, поскольку деятельность имеет свои «телесные» — технические, социальные — структуры. В момент осуществления деятельности происходит «мертвая» привязка к предмету потребности (будь то джинсы или кандидатская степень). До начала деятельности (при выработке какого-то жизненного плана, замысла) мы активно выбираем, что именно является желаемым, свободно планируем, много раз прикидываем, какими способами и средствами этого добиться. Но активность не только «предшествует» деятельности, но и «сопровождает» ее в течение всего процесса осуществления. Нельзя представить оптимальную деятельность, лишённую активности, происходящую по инерции, по жесткому плану, активность «строит» варианты по ходу деятельности.

Рассчитывая свои силы, время, возможности для достижения той или иной цели, с помощью активности мы мобилизуем свои способности (для единого рывка или в течение более длительного времени), преодолеваем инерцию, протестируем (как на производстве, так и внутри себя). Деятельность, «лично окрашенная» совершается не только более конструктивно, но и в определенном направлении, с определенной ориентацией (на других, на себя и т.д.). Активность как бы «поворачивает» ее, придает ей особую личностную значимость. Человек в такой ситуации делает все «в охотку». Обрисовав картину «идеальную», как «должно быть», поставим вопросы: где искать источники, причины возникновения «настоящей», действенной активности, каковы причины ее снижения, а то и утраты? Не является ли активность чем-то только абстрактно-движущим, чем-то более привычно-призывным, чем реально существующим?

Ответить на эти вопросы можно, лишь определив, как именно жизненные ценности, потребности человека соотносятся с общественными требованиями и нормами. А потребности человека и нормы часто вступают между собой в «не вполне» разрешимое противоречие. Если в процессе деятельности достигается предмет удовлетворения потребности, наступает чувство как личностного, так и социального «насыщения», то удовлетворенной, «насыщенной» предметом активности быть не может, это уже не активность. Но что движет активностью, если не предмет? Будучи направлена на деятельность, которая имеет дело с предметом, активность определяется субъектом. Человек, являясь субъектом своей жизни, способен также и к контролю над своей активностью. Однако активность, сводящаяся (со стороны субъекта) только к контролю, не может привести к выбору конструктивных способов деятельности. Посредством своей активности человек добивается, «выговаривает» такие условия для деятельности, достигает такого уровня и качества ее осуществления, такой степени ее конструктивности, чтобы она отвечала его устремлениям, намерениям, критериям. Именно эти усилия по преодолению трудностей, достижению высокого уровня качества деятельности, по ее совершенствованию приносят человеку удовлетворение (а не только результат деятельности).

Получая удовлетворение от характера деятельности, а не только от ее результата, личность благодаря активности не впадает в полную зависимость от социальных требований и установок, а приобретает новые способности разрешения социально-психологических противоречий, новые способы соотнесения себя с другими людьми, утверждает в правильности своей позиции, убеждается в ее адекватности жизни.

Поэтому мы говорим, что основным свойством активности является ее принадлежность человеку, субъекту, вне которого она не может существовать. Следовательно, субъекту активности присущи все характеристики субъекта деятельности (психические, моральные, социальные, профессиональные и т.д.), но только более лично окрашенные, лично направленные ¹.

Именно субъект определяет требуемое «количество» активности для различных форм деятельности (на производстве, в быту, в семье), «качество» этой активности, т.е. гарантирует меру активности соответственно масштабам решаемых задач.

Определяя активность как особое качество субъекта в системе его социальных взаимодействий, нужно подчеркнуть ее координирующую роль. Активность служит «посредником» между элементами системы (деятельностью, общением и т. д.), той необходимой мерой социальных и личных взаимодействий, посредством которой они осуществляются оптимально, с «наименьшими потерями и затратами». При таком взаимодействии трудно определить, какой из элементов системы является ведущим, а какой — ведомым. Обычно считается, что личные желания отступают на задний план при выполнении социально необходимых требований.

Однако реально в структуре активности одних людей преобладает желание, других — чувство долга, обязанности, и каждый в целом знает о себе, что все ему дается только трудом (другой же достигает (всего скорее на основе желания, третий — по долгу и необходимости). В целом же у каждого в активность входят свои «пропорции» усилий, желания и необходимости.

Активность возникает как жизненное образование личности, осознающей (теоретически или на опыте), что все необходимое от общества она получает благодаря своей деятельности (труду), что ею она обменивается с другими людьми. Однако смысловое (содержание этой активности всегда индивидуально: «служить другим своим трудом», «всего добиться своим трудом», «трудиться на себя» и т.д. Активность вызывается потребностью в деятельности, представляет собой высший по отношению к деятельности уровень, но ее характер определяется и опосредствуется высшими жизненными потребностями. Но когда деятельность еще не сформировалась, когда не сложилась еще сама личность, ее высшие жизненные потребности, то активность может выступать не в функции координатора, а в (функции дезинтегратора жизни человека. В этом смысле она может не иметь своего предмета, не проявляться ярко в конкретном виде деятельности.

Однако если беспредметная деятельность (кроме деятельности общения), на наш взгляд, является социально бесперспективной, то беспредметная активность — явление социально опасное, социально нежелательное. Беспредметная активность проявляется в формах отклоняющегося поведения (в различных формах социального неучастия, в уходах от решения проблем, в «отказах», «бойкотах» и т.д.), в формах активного отрицания «навязываемых» авторитетов, правил, норм социальной и личной жизни, изначальной (априорной) нигилизации общественного мнения и т.д.

Такие формы активности обладают высокой привлекательностью (особенно у подростков, для которых подобный «нигилизм» становится не только своеобразной жизненной позицией, но и «социальной нормой»), «заразительностью» при создании различных «группировок» не по интересам, а на основании априорного отрицания всего и всех. Не случайно в юридической практике «бездействие» часто приравнивается по тяжести «содеянного» к «действию противоправному», т.е. оценивается как «бездействие преступное». Поэтому, определяя равнодушие, мы имеем в виду отсутствие активности или ее социальную беспредметность, бесперспективность. Желание сохранить свою «независимость», автономию (особенно ярко проявляющуюся у подростков) осуществляется социально адекватно, социально оптимально не на путях выявления того, «насколько» и «в чем» «я завишу или не завишу» от окружающих, а в осознании содержательных задач своей жизни, что является единственным условием для сохранения такой автономии.

При этом гарантом независимости выступает личностная целостность, интересность, значимость личности, прежде всего, для самой себя, а уже потом — для других. Потребность в такой целостности (именно в целостности, а не в независимости) является показателем сформированности социальной активности человека, его готовности к

социальным взаимодействиям, которые, таким образом, не только не препятствуют развитию его дальнейшей активности, а, напротив, способствуют ей.

М. М. Бахтин так описал достижение личностью целостности в жизни: «Когда человек в искусстве, его нет в жизни, и наоборот. Нет между ними единства и взаимопроникновения внутреннего в единстве личности. Что же гарантирует внутреннюю связь элементов в личности? Только единство ответственности.

За то, что я пережил и понял в искусстве, я должен отвечать своей жизнью, чтобы все пережитое и понятое не осталось бездейственным в ней»². Бездейственная, ненаправленная активность социально и личностно «обречена», потому что не имеет своей цели, своего предмета и соответственно не имеет своего удовлетворения.

Активность проявляется различным образом и в том, насколько целостно личность моделирует не только себя, но и свою жизнь, связывая воедино ее сферы, циклы, события, занятия и т.д. В одних случаях активность реализуется действительно-практически, в других — структурно-умозрительно (человек без конца переделывает свои планы, вместо того чтобы начать действовать). В одних случаях личность больше рассчитывает на других, в других — на себя, на свои жизненные «опоры». Такими «опорами» могут выступать как внешние (коллектив, группа, культура, традиции и т.д.), так и внутренние (ценности, потребности, установки, мотивы личности и т.д.). Способы моделирования личностью жизни с помощью активности могут быть самыми различными: осознанными или неосознанными, последовательными или стихийными, рациональными или случайными. Стихийность, например, может проявляться в следовании как внешним событиям, так и внутренним порывам, влечениям, капризам, в чем и проявляется стратегия жизни.

В системе жизненных отношений формируются и характеристики самого субъекта (с точки зрения его целостности), и способы построения (моделирования) жизни, а также ценностные характеристики различных сфер этой жизни (труда, конкретной профессии как личностно значимых для данного человека). Формирование жизненной позиции (как целостности личности и ее жизненных отношений) в дальнейшем определяет то, насколько успешно личность находит свое место в жизни (в соответствии с системой своих жизненных ценностей), насколько адекватно она самовыражается в жизни.

Осуществляемая на протяжении всей жизни человека активность (как и деятельность) имеет длительный, пролонгированный характер. Однако «пики» и «спады» активности отнюдь не всегда соответствуют реальному, «биологическому» возрасту человека, его возможностям. Так, например, большое мужество и стойкость в преодолении тяжелых недугов проявил известный советский спортсмен Ю. Власов, сумевший найти в себе силы не только для того, чтобы отодвинуть смерть и болезнь, но и для того, чтобы продолжить жизнь, достойную человека. Часто в старости человек еще активно трудится, а молодой выглядит стариком из-за неспособности (нежелания) найти свое место в жизни. Мотивация достижения у некоторых инвалидов от рождения (слепоглухонемых) оказывается подчас намного выше, чем у здоровых людей. Так, например, О. Скороходова сумела не только выйти из «полного мрака», как она определяла свое «существование» до того, как попала в специальную школу, но и добиться высоких научных степеней и званий, стать полезным и полноценным членом общества³.

В течение жизни личности активность приобретает различную направленность в связи с ориентацией на конкретные достижения (материальные блага, карьеру и т. д.) или на высокие духовные ценности. Активность отвечает не только на вопрос, как человек делает дело, но и на вопрос, зачем и почему. Преследуя одни и те же цели, люди исходят из разных причин и связывают их достижения с реализацией совершенно различных дальнейших жизненных планов. Именно поэтому различны и смысловая нагрузка этих целей, и усилия, вкладываемые в их достижение (одна мать имеет целью вырастить ребенка ради его будущей жизни, другая — ради того, чтобы иметь опору в будущем себе, и т.д.).

Так, в проведенных болгарскими психологами исследованиях различных типов

взаимных оценок подростков 9—10-х классов выявилась зависимость этих оценок от активного субъективного переживания этих оценок подростками. Ориентация на высокие оценки наблюдалась у одной группы подростков (ожидание) и отсутствовала у другой группы. При этом у второй группы (не ориентированной на высокие оценки) выявилось отношение полной пассивности как к полученным оценкам, так и к объективным результатам своей работы. Активная позиция других школьников проявлялась не только в ориентации на похвалу своих товарищей, но и в достижении высоких результатов своей работы. При этом в группе активных выявились те, кто хотел «доказать» объективно высокую значимость своей работы, те, кто хотел «оправдаться» в ее недостаточно высокой значимости, те, кто ожидал оценки «молча», и т. д. Все эти типы показали разные уровни проявления активности в соответствии с уровнем своих притязаний, ожиданий и т.д.

В другом исследовании прослеживается зависимость психического напряжения от состояния готовности (неготовности) человека к стрессовым ситуациям, от того, насколько была сформирована (не сформирована) своя позиция до наступления стресса ⁴. Активность при этом выступала как способность личности преодолевать негативное влияние стрессовой ситуации. Особо выделяется «предшествующая» («последующая») активность, как предпосылка готовности личности к преодолению трудностей. При этом замечено, что меняется не только время проявления активности (ее реализация), но и характер ее проявления (направленность). Зависимость направленности активности от внутренних характеристик личности в условиях стресса заметно возрастает.

Таким образом, оценки других людей влияют на формирование активности (различных ее уровней) только через их адекватное восприятие и при наличии заинтересованности в них человека. Основой формирования активности (притязаний) в труде, в профессиональных достижениях является сравнение себя с другими. Такое сравнение может быть неадекватным: занижение чужих достижений и переоценка собственных.

Это особенно остро, как отмечалось, проявляется во взаимоотношениях детей и родителей в семьях крупных ученых, художников, т. е. лиц, имеющих общественное признание. Очень часто подростки в таких семьях лишены собственных идеалов, планов, заменяя их планами, целями взрослых. Происходит раннее «взросление» детей, лишение их психологической перспективы. Как показывают исследования венгерских социальных психологов, у таких детей возникает ироническое отношение как к своим достижениям, так и к достижениям своих сверстников, происходит обесценивание мотива учебы, возникают механизмы личностной защиты, оправдывающие собственную пассивность, собственную позицию ⁵.

Исследования детей в группах ЗУР (с задержкой умственного развития) показали, что учеба в школах обычного типа трудна для них не объективно (задержка умственного развития не предполагает умственной отсталости), а субъективно, из-за той репутации, которая дается им в «нормальной» школе как «изначально» неспособных, непригодных к учебе, безнадежных. В школе для умственно отсталых детей такие учащиеся приобретают репутацию отличников, чувствуют себя хорошо. Поэтому и оценки окружающими деятельности (активности) детей и подростков особенно важны для повышения мотивации, усиления у них чувства собственного достоинства, а в результате — для формирования адекватной, правильной самооценки.

В психологии остается нерешенной проблема целесообразности применения тестов для исследования, в частности умственных способностей (как фиксирующих лишь данный уровень знаний и не учитывающих динамику развития) ребенка. К сожалению, практика тестирования иногда принимает и негативную, скрытую форму, когда решается вопрос о профессиональной пригодности человека не только на основе объективных данных, но и с привлечением посторонних оценок, основанных на личном отношении, личных впечатлениях и т.д.

Неадекватно оцениваемые в детстве личности с обостренным самолюбием, с высокой ранимостью сами начинают неадекватно оценивать окружающих, причем объективные представления о справедливости или несправедливости уступают место чувству личной неприязни, желанию «отыграться» за прошлые неприятности. Такие личности направляют свою активность на «компенсацию» своих «прав» и «привилегий», не отнимаемых у них в данный момент, но которые, вероятно, ущемлялись в какой-то более ранний период жизни. Происходит своеобразный «перенос» психологически нереализованной активности в более поздние периоды жизни, принимающий компенсаторную форму. Активность может принимать и иные, превращенные формы (помимо компенсаторной), свидетельствующие о «дефиците» активности в определенной области жизни (профессиональной) и переносе ее в сферу личную, когда невозможность для личности реализовать свою активность в какой-то одной социальной роли влечет за собой отказ от нее либо замену ее другой, подчас совершенно неадекватной личностным способностям, но приносящей ей чувство социального признания и личного удовлетворения (удовлетворение самолюбия).

Личности, получившие в свое время адекватные оценки, признающие их «право» быть самими собой (что особенно необходимо в детском возрасте), начинают оценивать окружающих также объективно, причем их взаимодействие с ними осуществляется не по принципу «кто — кого», конкуренции, как у личностей с ущемленным самолюбием, а на основе здорового соперничества, состязательности, «спортивного интереса». У таких людей возникает потребность не в компенсации своих «недостатков», а в приумножении своих достоинств (в пополнении знаний, в расширении кругозора и т. д.). Изменения в деятельности, ее совершенствование происходят не путем постоянных «доказательств» и отстаиваний своих «позиций» (умру, но не уступлю), а путем повышения активности в плане изменения ее качественных характеристик. При этом постоянные усилия в своей деятельности на предыдущих этапах приводят к удовлетворенности на последующих. Так, активность проявляется в повседневной жизни, не требуя каких-то специальных «жертв» от человека, но давая ему постоянно видимые, реальные результаты его деятельности. Такой результат активности (в деятельности) необходим человеку не только для чувства удовлетворения, но и для адекватной оценки своих способностей, для повышения дальнейшей активности.

Таким образом, активность зависит как от внутренних предпосылок, так и от внешних условий (от их соотношения, дающего различные типы проявления активности), приводящих к ее оптимизации, качественному росту. Учитывая реальные результаты активности, человек испытывает такое чувство удовлетворения, которое поднимает активность на новый уровень, развивает ее мотивационную сферу, совершенствует способность саморегуляции.

Различные комбинации внутренних и внешних условий (социально-психологических предпосылок) показывают, как последние превращаются в социально-психологические установки, ожидания и т.д. Включенность в активность таких психологических особенностей, как мотивы личности, ее направленность, способности, ценностно-смысловые ориентации, определяет, таким образом, уже собственно психологическую характеристику активности. Преломляясь через «субъективные» особенности и качества человека, осознаваясь им, социальные оценки выступают для него либо в роли стимула, либо в роли тормоза (в зависимости от установок, от уровня целостности его личности, от психологической готовности к принятию помощи).

Из «арсенала» внутренних характеристик личности особую роль в росте активности играют ее мотивы. Но обычно мотив связывается с деятельностью, рассматривается как побуждение к ней. Если в структуре деятельности мотиву отводится определенное место, то каково же соотношение мотива и активности? Не является ли оно «чистым» тождеством — «что захотел, то и сделал»? Активность, охватывая всю сферу социально-психологических взаимодействий личности (с обществом, с собой), «представлена»

совокупностью мотивов. В составе активности мотивы «расставлены» по своим ценностным «местам»: хочу одного за счет другого, хочу того, но не хочу терять этого, хочу того и другого, но не знаю, чего больше. В активности всегда представлена иерархия мотивов, их «первоочередность», но у одного — для самого себя, у другого — с точки зрения внешних требований. Когда же человек сбивается с этой «очередности», делая вразброд одно (что успею) для ситуативных требований, он «сбивается» и раздваивается в своей активности. Внутренняя борьба мотивов составляет благоприятный фон активности, пока она остается «внутренней». Однако если человек не в состоянии сам решить, в каком направлении ему желательно действовать, то «борьба» вместо усиливающей роли в отношении активности превращается в ее тормоз (в этом случае «борьба» выходит во «внешний» план, так выявляется неспособность личности сделать выбор).

Таким образом, соотношение активности и мотивов может приобретать (естественно, после того, как выбор сделан) либо гармоничный, либо противоречивый характер. И если такие противоречия (борьба) мотивов на этапе формирования активности способствуют ее росту (как в ценностно-смысловом, так и в контрольно-действенном плане), то на этапе реализации активности такая «продолжающаяся борьба» превращается в ее тормоз.

Как же осуществляется выбор мотива: на основе уже выбранного способа активности или одновременно с ним? Действительно, невозможно предположить, что «сначала» личность «улаживает» все вопросы, связанные с активностью, затем — с мотивами, с потребностями и т.д. Такая картина была бы не только антинаучна, но и нежизненна. Сложность жизненных выборов (мотивов, целей, способов активности) заключается именно в их одновременности, в необходимости приведения в действие всего «механизма» сразу, а не по частям. Поэтому, формируя активность, нельзя руководствоваться теми мотивами, которые продиктованы сиюминутными желаниями («хотениями») или только рассудком, так как в процессе реализации активности уже бывает поздно что-либо менять (лишь бы доделать до конца). Отсюда понятно, почему неадекватно и несвоевременно мотивированная активность не приносит удовлетворения.

Какова же роль собственно активности в выборе мотива? В роли «посредника» между деяниями личности и требованиями общества активность осуществляет наиболее оптимальное (или неоптимальное) соотношение привлекательности для личности деятельности и ее общественной значимости. Осуществляя такое соотношение, личность может «склонять чашу весов» как в одну сторону (личной привлекательности), так и в другую (общественной значимости). Роль активности как «посредника» в осуществлении того или иного выбора предполагает, что личность «не сидит и не ждет у моря погоды», пока в результате борьбы мотивов один «да победит», а активно пытается их «примирить», найти общие интересы, общие тенденции. При этом личность активно включается в процесс выбора (целей, средств, мотивов) не только своевременно (с точки зрения социальных требований, «заказов»), но и адекватно своим желаниям.

Особый интерес для раскрытия природы активности представляют нереализованные мотивы (в отличие от мотивов избегания, проявляющихся в форме отказов, уходов и т. д.). Причины нереализованности мотивов могут быть различны, хотя главными являются их несвоевременность и неадекватность как внешним требованиям, так и внутренним запросам. Нереализованные в нужный момент мотивы (или мотив) приобретают форму скрытой, латентной, активности, когда ее внешняя утрата (угасание) не является свидетельством утраты внутренней и на этапе своего «возрождения» она может усиливаться за счет потенциала, накопленного в скрытый период. Нереализованный мотив может выступать предпосылкой, источником «возрождения» активности. Поэтому зависимость мотива и активности взаимна. Нельзя сказать, что направление их зависимости идет от мотива к активности или наоборот. Это регулируется самой личностью в соответствии с ее целями, установками, позицией. Нереализованность мотива становится причиной перехода внешней активности во внутренний план, «отодви-

нутости» выполнения намеченного (во времени, в целях и т.д.) на другом этапе (уровнем выше или ниже). Такая «отодвинутость» не является угрозой активности, она выступает скорее испытанием, проверкой ее на прочность.

Однако иногда, не успев осуществить задуманное, мы с ужасом вспоминаем о своих «недавних планах», благодарим судьбу, которая вовремя остановила нас. Такая активность, разумеется, не требует ни перехода «внутрь», ни тем более «возрождения». Регуляция жизни человеком осуществляется им как в ценностно-смысловом, так и в контрольно-действенном отношении (причем этот контроль происходит за счет личностной саморегуляции активности). Поэтому можно сказать, что структурно саморегуляция и активность представляют собой как бы две взаимодополняющие стороны.

Активность (в любой форме) стремится к снятию личностной неопределенности, незавершенности (при осуществлении какой-либо деятельности), и в этом случае излишняя саморегуляция выступает своеобразным тормозом активности (если неопределенность уже «снята», то саморегуляция выступает стимулом для дальнейшей активности). Однако саморегуляция не ограничивается только контрольными функциями. В процессе саморегуляции личность «принимает в расчет» не только «нужное количество, меру активности», но и учитывает свое состояние, возможности, всю совокупность мотивов, социально-психологических ориентации и т.д.

Следовательно, механизмами саморегуляции личность охватывает всю совокупность своих жизненных отношений, проявлений, тенденций. Так, например, в случае негативных оценок со стороны общества у человека с ориентацией на успех происходит падение активности, а у человека, ориентированного только на личные достижения, активность не меняется. С помощью саморегуляции личность определяет «нужную меру» соотношения значимости для себя и общественной полезности, выбирая соответствующую форму проявления активности.

Каким образом осуществляется оптимальное взаимодействие внешних требований и внутренней активности? Что происходит, когда общественные нормы подавляют личность, ограничивают ее активность? В этом случае (типичном для недавнего периода жизни нашего общества) происходило не только внешнее ограничение активности, не только возрастание внешнего контроля. Приходится признать, что общественные структуры и приведение в действие людей были таковы, что разорвали органическую целостность структур психики и личности. Естественная связь желания и действия была разорвана, человеческое «я» оттеснено или вытравлено, активность либо парализована, либо стимулировалась особыми внеличностными механизмами. Эти глубочайшие изменения психики и личности привели к деструкции эмоций и мотивации, которые непосредственно побуждают деятельность. В результате возникли совершенно особые способы пассивного осуществления деятельности, превращенные, парализованные формы активности. Активность, благодаря которой в обычных условиях личность целостным образом структурирует деятельность, включая в нее все свои способности, соподчиняя более близкие и отдаленные, более и менее значимые цели, определяя роль данного вида деятельности в удовлетворении потребностей, ее место в решении жизненных задач и т.д., оказалась расщепленной, деформированной благодаря потере личностью роли субъекта деятельности. Только при наличии этого качества, при возможности для личности выступить полноправным субъектом деятельности возможна подлинная гармоничная активность. Разные типы людей могут иметь преимущества или недостатки в своей активности сравнительно друг с другом в том или ином отношении. Но эти недостатки компенсируются их сильными свойствами, неразвитые формы могут быть развиты. Иное дело — деформация активности, которая возникает в силу двух причин — деформации деятельности и деформации самой личности. В первом случае происходит отчуждение деятельности от личности до такой степени, что она лишается возможности ее целостной организации. Имея собственные мотивы, человек вынужден осуществлять чуждые ему

цели, имея цель, он не имеет мотива и желания ее достичь. Он лишен возможности предвидеть результат деятельности и не имеет доступа к контролю за его достижением, который, скажем, уже передан другому лицу. Так разрушается естественная структура его деятельности, затем потребность в ее осуществлении, а затем и сама активность. Во втором случае деформируется сама личность, ее высшие потребности теряют свой ценностный характер, перестают удовлетворяться, требуют извращенной компенсации и т. д. Для самого человека происходит обесценение и результатов его труда, и его усилий, и способностей, опыта. Исчезает потребность совершенствования деятельности, своего мастерства.

Если личность в состоянии сохранить позиции субъекта, оказавшись даже в ситуациях ограничения своей деятельности, вмешательства в нее извне, разрушения ее целостности, гарантом этого оказывается целостность ее личности. Тогда она начинает прибегать к особо сложным стратегиям защиты своей деятельности, готовности к вмешательству в нее и т.д. Находясь в состоянии постоянной «готовности» (к трудностям, к препятствиям, к конфликтам), личность обеспечивает постоянный уровень активности. Состояние внутренней «готовности», мобилизованности является своеобразным социальным гарантом, условием того, что «внезапно обрушившиеся» на человека социальные требования не явятся непосильными, угнетающими, подавляющими (парализующими) активностью. Личность в состоянии психологической готовности способна действовать не только адекватно задачам, но и своевременно. Осуществляя подобную «тактику» в планировании активности, личность не останавливается только на готовности всего своего «психологического арсенала» (состояний, направленности, мотивов, ориентации), а вырабатывает целостную программу, в которой готовность выступает только как один из компонентов.

Эта программа, возникая вначале как средство для реализации социальных «заказов», в дальнейшем используется для «нужд» самой личности. Она касается, прежде всего, вопросов планирования (в условиях как общего дефицита активности, так и ее частичного дефицита), правильной «расстановки» своих сил и возможностей, учета и контроля за реализацией этих возможностей адекватно характеру поставленных задач, и соответствия их своим мотивам, ценностям. Однако было бы ошибкой предполагать, что подобные программы возникают как следствие недостатка активности. Осуществляя программу, личность постепенно приобретает навыки в области прогнозирования (как собственных проявлений, так и общественных тенденций). При этом происходит мысленное сопоставление процесса своей деятельности с ее возможными социальными последствиями, жизненно значимых для личности задач с социально-требуемыми; определяется возможность переноса отдельных звеньев (участков) деятельности (во времени, месте и т. д.), сравнение собственной активности с активностью окружающих.

Наиболее опасной для личности формой регуляции активности является ее умышленное снижение, обусловленное социально-психологическими установками типа «экономь силы», «не вылезай» и т.д.

Обрисовав кратко механизмы социально-психологических взаимодействий личности и общества в условиях вынужденного дефицита активности, остановимся на некоторых индивидуальных причинах (источниках) его возникновения. Причины ограничения личностной активности в большинстве случаев следует искать как в области дефицита общения, так и в различных формах его искажения (в нарушении пропорций, в доминировании). В условиях дефицита общения нарушается нормальное развитие активности, отягощающееся деструкциями психологических состояний человека. Это, прежде всего, относится к личностной депривации (например, в изоляции ребенка от матери), когда депривация является причиной падения активности (отсутствия ее развития).

В более позднем возрасте активность все же появляется, но со значительным опозданием по сравнению с активностью детей, выросших в семьях. Тормозятся вся

направления развития ребенка — эмоциональное, интеллектуальное, деятельное и т.д., активность часто приобретает «компенсаторные» характеристики, развивается «однобоко» (как большое самолюбие, как желание доказать, что я не хуже других, и т.д.).

Различные искажения в активности личности наблюдаются в случае подавления одним человеком других. Как правило, такое явление характерно для семей, где один из родителей (редко — оба) проявляет деспотизм по отношению к остальным членам семьи (как правило, к детям). Обычно в роли «доминантной» стороны выступает мать, окружающая ребенка неусыпным контролем, сводящим к минимуму его собственные действия (активность). Такая «любовь» не случайно ставится в один ряд с деспотизмом, поскольку подавляет активность ребенка.

Мы рассмотрели крайние случаи дефицита активности (так называемого вынужденного дефицита), но существует немало примеров, когда и в нормальных условиях активность развивается аномально. Оптимальные условия для развития активности предполагают максимальное разнообразие форм общения: со сверстниками, со взрослыми, с младшими детьми. Такое разнообразие общения оказывает благоприятное общепсихологическое воздействие на развитие ребенка.

Исследования психологов показывают, что дети, общающиеся со сверстниками, со старшими и с младшими детьми, т.е. находящиеся в условиях разновозрастного общения, обнаруживают большую гибкость, зрелость, умение общаться по сравнению с подростками, лишенными таких форм общения. Если в период формирования навыков общения отсутствуют для этого необходимые условия, то в более позднем возрасте дети испытывают трудности в общении, становятся пассивны, замыкаются, не имеют тех эмоциональных и интеллектуальных особенностей, которые формируются именно в общении, т.е. в способности понять партнера, встать на его позицию, сопереживать ему, действовать с ним сообща и т.д.

В семейном общении (помимо отношений доминирования) между родителями часто возникают трения, противоречия, микро- и макроконфликты, действующие на ребенка независимо от того, адресованы они непосредственно к нему или нет. Ребенок при этом усваивает только одну форму общения и уже не воспринимает иных. Как показывают исследования М. И. Володиной⁶; убежденность ребенка в незыблемости многих моральных, этических норм нарушается, авторитет родителей резко подрывается и т.д. Активность таких детей из области практически-действенной перемещается в область абстрактно-теоретического конструирования (из практики реального общения — в область «рассуждений»).

Развитие интеллекта вступает в противоречие с формированием нравственной позиции в условиях вседозволенности, отсутствия авторитетов в семье, что приводит к появлению у ребенка (подростка) необоснованного чувства высокомерия, своей исключительности (по сравнению с остальными). Такие дети не стремятся проявить себя на деле, их исключительность подразумевается уже сама собой. Неразвитый интеллект, неразвитые нравственные установки приводят к тому, что ребенок становится не способен адекватно ориентироваться в общении, в социальных отношениях, не может их строить, дифференцировать. Воспринятые им «моральные» нормы остаются на уровне чисто внешнего, подражательного поведения и не служат руководством к действию, реальным жизненным ориентиром.

Эти и другие жизненные потери — результат утраты и некоторых традиций. Так, из жизни больших городов ушли в прошлое «дворовые» команды, воспитательная роль старших детей по отношению к младшим, игра потеряла присущий ей развивающий характер. Исчезновение этих внешних моментов из повседневной практики общения наносит непоправимый урон развитию человека, который должен иметь как внутренние, так и внешние условия для своего развития. В частности, поэтому процент личностных потерь растет, а их возрастной порог снижается.

2. Самовыражение и самолюбие как проявления индивидуальности

В 40-х годах психологи стали уделять большое внимание отражательной природе психического, рассматривать чувства и потребности на основе принципа отражения. Однако осталась в тени другая сторона проблемы, а именно способность психики не только отражать, но и активно относиться (переживать) к отражаемому, формировать это отношение, выражать свое «я», способность к самовыражению.

Если для раннего детства свойственно формирование высших психических функций, способностей и т.д., то для юношеского периода характерно развитие социального мышления, самосознания, инициативы и т. д. Вопрос о самовыражении (особенно у подростков и юношей) стоит очень остро, являясь принципиальным не только для проявления своего «я» (что характеризует все возрасты), но и как одно из важных условий адекватного и гармоничного развития личности. В этот период формируются такие важнейшие личностные качества, как направленность, установки, умение правильно ориентироваться (в жизни, в общении и т.д.). Фактором, активно формирующим эти способности человека, является достаточно разнообразное общение (о чем уже говорилось выше), когда предъявляемые к развивающейся личности общественные требования служат отправными моментами в формировании жизненной позиции, критериями правильности выбора, когда система социальных «опор» постоянно находит внутреннее одобрение личности.

Однако далеко не всегда развитие подростка, юноши осуществляется бесконфликтно, гармонично. Часто желание «выделиться», показать, что «я лучше других», вызывает у старших раздражение, стремление приостановить такую активность, «поставить на место», «осадить». Подобная практика общения отцов и детей, дедов и детей, к сожалению, является обычной. Такие отношения имеют место не только в семейном общении, но и на производстве (начальник — подчиненный).

Мы часто забываем, что дети не изолированы от проблем взрослых, что они слышат и видят больше, чем мы думаем, замечают недостатки и «проколы» взрослых, перенося их негативный опыт в практику своего — сначала детского, а затем все более и более «взрослеющего» — общения, в практику своих отношений. Здесь также имеет место соотношение «ролей», только не начальник — подчиненный, а лидер или «козел», очкастый или толстый и т.д. За этими внешне безобидными прозвищами скрывается целая драма (или трагедия) распределения социальных ролей.

Особенно остро такое соперничество проявляется у ребят, когда в группе выбор лидера и «козла отпущения» является первостепенным, когда решаются вопросы распределения ролей «адъютантов», «мужиков» и т.д. В соответствии с полученной, навязанной «ролью» подросток должен и действовать, «выражаться», подчиняться и т.д. Так, например, статус «отверженного» обществом человека может получить юноша (подросток), совершивший противоправный поступок, накладывающий на него пожизненное клеймо человека второго сорта. Такие «роли» вынуждают человека к отказу от собственной позиции в жизни, доводят до того, чтобы он «махнул на себя рукой», примирился с навязанной ему общественной функцией (преступника, передовика и т. д.). Некоторые социальные взаимодействия имеют четкую тенденцию к занижению собственного «я», его подавлению, искажению. При этом личность постепенно утрачивает критерии адекватного самовыражения, ищет «окольные» пути для самореализации, потому что «прямые» уже «заняты другими» или осуждены.

Адекватная, правильная оценка себя (самооценка) не менее важна для определения личностью своего места в жизни, выбора жизненной позиции, чем активная реализация этой позиции. Отношение к себе помимо самооценки должно включать постоянную потребность в самопознании. Познание самого себя начинается с познания своих способностей, характера, возможностей. Вместе с тем «я», оформляясь в устойчивый образ себя, в представлении о своих возможностях, должно включать способность к

внутреннему сомнению, способность к внутреннему диалогу с самим собой. Уверенный в себе человек, не сомневаясь в общем направлении своих принципиальных действий, может сомневаться в правильности отдельных поступков. Это выглядит не как проявление неуверенности в себе, а лишь как желание еще раз убедиться в целесообразности выбранного способа действий.

Способность к внутреннему оппонированию связана с диалогичностью сознания человека, определение которой было дано М. М. Бахтиным⁷. Незрелый образ самого себя, неспособность к рефлексии, к адекватным оценкам не только своих отдельных действий и проявлений, но и своей личности в целом приводят человека в состояние «внутреннего тупика», когда ему «нечего сказать самому себе», когда он знает самого себя хуже, чем тех людей, с которыми непосредственно общается. Отсутствие самопознания, самооценки приводит к тому, что человек подчиняется власти своих первых порывов, непроверенных мнений или, напротив, фиксированных (раз и навсегда) установок, не умеет дифференцировать себя от других, не знает свои слабости, достоинства и т.д.

Такая «псевдоскромность» нередко располагает к человеку, рождает у окружающих желание «использовать» его в своих целях (если уж он сам не хочет и не умеет «использовать» себя). При отсутствии образа своего «я» человеку навязывается любой другой образ, любая социальная функция, которые он присваивает за неимением своих. Напротив, внутренняя зрелость позволяет человеку не только адекватно видеть себя со стороны, не только создавать свой верный социальный образ, но и реально осуществлять многообразные социальные роли, оставаясь самим собой.

Но занимаемые человеком социальные позиции (роли) в обществе отнюдь не всегда свидетельствуют об аналогичной внутренней позиции. Социальная роль в таком случае включает функцию «затемнения» истинных намерений, желаний. Человек не выражает свою сущность, а скрывает ее.

Потребность в самовыражении как причина активности может быть очень различной: у одних она проявляется в крайних формах (например, в самолюбии), у других — в неявных. Чем слабее выражена у человека способность оппонировать своему внутреннему «я», чем меньше он оценивает самого себя, тем более значимым для него оказывается момент внешней выразительности (привлекательности). Адекватность самовыражения человека непосредственно воплощается в его чувстве собственного достоинства, об отсутствии которого в русском человеке с горечью писал Ф. Шалапин.

Самовыражение (как и активность) имеет разные степени зрелости, разные этапы сформированности. Так, на более ранних этапах (когда образ внутреннего «я» еще очень далек от своего построения) самовыражение, как правило, проявляется в формах «демонстраций» (своего «я», «выступлений», «выпадов» и т.д.). Зрелой формой самовыражения становится тот этап, на котором проявление себя превращается в действительную потребность адекватного и сущностного выражения своего «я». Человек начинает вырабатывать свою манеру поведения, ищет свой стиль речи и, главное, стремится выразить себя в жизни, в поступках, в делах. Поэтому образ, осознание своего «я», в известном смысле предшествует во времени своего возникновения самовыражению (т.е. потребность в самовыражении является потребностью в выражении своего действительного, а не мнимого «я»). Пока образ внутреннею «я» не сформирован, самовыражение находится на стадии чисто внешнего, показного «выражения» самого себя (когда показывать и демонстрировать еще нечего). Однако если для молодежи это является нормальным, то в дальнейшем такое «самовыражение» становится признаком «великовозрастного инфантилизма».

Поэтому, говоря об адекватности осуществления социальных ролей (в профессии, в общении, в общественной работе и т.д.) внутреннему «я-образу», нужно, прежде всего, учитывать сформированность этого образа у самой личности, ее желание совершенствовать его (вести диалог с самим собой). Неадекватность внешних ролей внутренним

чаще всего является следствием несформированности «я-образа», неспособности оценить себя, выбрать тот способ самовыражения, который приносил бы удовлетворение человеку.

Естественно, источником активности становится только гармоничное соотношение выбранной социальной роли (статуса) своей внутренней позиции, своему «я», которое осуществляется на основе адекватной самооценки (самопознания способностей, возможностей). Принципиальным для такой социально-психологической гармонии является соотнесение человеком своих возможностей, целей, задач с характером жизни, с данным жизненным этапом (его спецификой, нетипичностью для жизни в целом). Тот способ, которым человек реализует себя как личность в деятельности, в общении, в решении жизненных задач, и есть самовыражение. Трудности самовыражения начинаются с таких простых явлений, как застенчивость, неловкость в общении или, напротив, нарочитая грубость, являющаяся лишь внешней формой, которая прикрывает неуверенность. Но эти проблемы и трудности касаются только самовыражения в общении, тогда как они существуют (или могут возникать) и в деятельности, и по отношению к жизни в целом. Человек не знает, как ему поступить, за что взяться, чем себя занять, как бы все время скользя по поверхности жизни. Его действия лишены логики и для окружающих, и для него самого. Когда он сталкивается с отпором, осуждением своих действий, которые не продуманы, не выношены, не выражают его подлинного «я», он внутренне теряется, перестает воспринимать и понимать окружающее, отгораживается от мира.

Что же происходит в тех случаях, когда внешние или случайно найденные роли не соответствуют внутреннему «я»? Проблема «человека не на своем месте» всегда стояла очень остро. Ведь он может оказаться не на своем месте (как правило, в профессиональном отношении) в силу различных случайностей, но последствия всегда закономерно ведут к снижению активности или раздвоению личности. Выдавая себя не за того, кем он является на самом деле, человек предает свое «я», свою личность, возможности открыто, прямо, непосредственно выразить себя, заявить о себе.

Самовыражение, связанное с образом своего «я», с самопознанием своих способностей, с соотнесением их со своими потребностями и т.д., отличается от самореализации в жизни, когда познание окончено и нужно строить всю совокупность своих внешних взаимодействий с миром (не только в ценностно-смысловом, но и в контрольно-действенном отношении). Возможность полного, гармоничного совпадения самовыражения и самореализации целиком зависит как от сформированности «образа я» (с точки зрения целостности), так и от личностной готовности организовать, обеспечить, создать и т.д. всю совокупность внешних условий самореализации. Эти два условия являются необходимой предпосылкой для того, чтобы самовыражение и самореализация адекватно (для личности) совмещались во всех аспектах (временном, ценностном, действенном и т. д.).

Потребность в самовыражении, возникая уже в детском возрасте (претерпевает изменения в подростковом, а затем в юношеском и т.д.), нуждается не только в специальном рассмотрении, но и во внимании к ней окружающих (особенно на первых, ранних стадиях ее формирования). Являясь конкретной формой активности, самовыражение (потребность в нем) может также переходить во внутренний, скрытый план в случае своей нереализованности (а вначале — в ответ на неприятие ее со стороны окружающих). Однако если вовремя нереализованная активность (в ее общем виде) способна к своему «возрождению» на новых этапах (в новом качестве), то подавленное, неосуществленное (и в соответствующей форме) самовыражение «уходит» во внутренний план необратимо. Превращаясь в тот или иной комплекс, нереализованное «я» претерпевает качественные изменения уже на самых ранних стадиях своего формирования. Это может быть и феномен «большого» самолюбия, и комплекс неполноценности (в сфере личной жизни), и неадекватность самооценки (пониженный уровень притязаний), и другие последствия.

Процесс формирования своего «я» (с точки зрения его целостности,

разносторонности) пробуждает высокую потребность в самовыражении, в «апробации» своих жизненных сил и возможностей. Вначале эта потребность имеет неярко выраженные формы, неясную цель (на уровне «непонятных, волнующих желаний» и т.д.), приобретая (вместе с жизненным опытом) черты все большей определенности. Формирование внутреннего «я» идет «параллельно» постоянному внешнему испытанию себя («на прочность», «на выносливость», «на силу» и т.д.). Получая своеобразный «отклик», подтверждение адекватности своего способа действия, общения, человек становится более уверенным в себе. Однако самая большая сложность заключается в том, что не все эти «подтверждения» одобрительны, позитивны.

Творчески реализующий себя человек сплошь и рядом наталкивается на неприятие, непонимание или даже осуждение. Самым главным в таком случае является выработка представления о своем собственном способе действия и жизни и убежденность в необходимости его реализации при всех обстоятельствах. Между тем одни люди при этом склонны считать, что их не поняли, другие — что они сами не правы. В этих выводах огромную роль играют жизненные чувства личности, ее своеобразные интерпретаторы жизненных проявлений. Эти интерпретации не только трагичны или оптимистичны, как выше отмечалось: они выражают внутреннее несогласие человека (скажем, с неприятием его окружающими) или протест, здоровую амбицию доказать свою правоту, упорство. В других случаях люди эмоционально соглашаются с оценками своих действий, своего способа жизни, но тем самым уступают внутренне, отказываясь от своей индивидуальности, от своего права на особенность жизни. Поэтому разрыв в этой цепи приводит к задержке развития, застою явлениям, «закомплексованности» и т.д.

Однако забота об адекватном самовыражении ребенка не должна превращаться со стороны взрослых в систему разнообразных запретов, сводящих все проявления ребенка к своему минимуму, она должна находить гибкие формы ненавязчивого руководства этим процессом. Нельзя не учитывать, что поведение детей (особенно подростков) принимает крайние формы только как реакция на всевозможные запреты, на «вяжущую руки» опеку, как желание «сделать по-своему», «всем вопреки» (а впоследствии — «всем назло»). Считая таких детей эгоистами, себялюбцами, родители не хотят понять, что сами настраивают их против себя, лишают их самого необходимого для правильного развития — возможности своевременно и адекватно самовыразиться, самоутвердиться. Таким образом, формируемое отношение «я» личности к миру — это целостный способ ее самовыражения в жизни, с присущими ей (и только ей) особенностями этого самовыражения и объективации, самореализации.

Д. Н. Узнадзе предложил интересную типологию способов самовыражения⁸. Он заметил, что один человек выражает все, что на самом деле испытывает, причем выражает бурно, экспансивно, как бы «выплескивает» всего себя. Другой для своего внешнего выражения должен приложить волевое усилие (например, заставить себя позвонить кому-то по телефону), т.е. как бы преодолеть невидимую преграду, чтобы перейти из внутреннего мира во внешний (в то время как для первого типа личности никакой преграды не существует). Третий тип (названный им парадоксальным) ведет себя противоположным образом в одинаковых ситуациях и сходным — в разных. Четвертый тип остается все время только во внутреннем мире, внешне только «приспосабливаясь» к ситуации, «учитывая» ее.

К. Леонгард описывает так называемую акцентуацию характера как определенные поведенческие и психологические «странности». Так, педантичность у женщины в домашнем быту, выражающая ее собственное отношение к дому, может переходить в постоянные перепроверки (закрыты ли газовые краны, заперта ли дверь, выключен ли свет и т. д.), в необоснованные опасения и подозрения (себя и окружающих). Не имея внешне объективных причин для таких волнений, она начинает искать их, придумывать, постепенно убеждая себя в «реальности» существования той или иной «опасности».

К. Леонгард рассматривает случаи, когда одна из черт характера (наиболее ярко

выраженная) начинает преобладать над остальными, приводя к неадекватным решениям жизненных ситуаций, их неверному восприятию и истолкованию.

При этом одна черта (доминирующая), достигая определенной степени, определенного предела, начинает сказываться на продуктивности (деятельности, активности) человека. «Постоянная неуверенность, постоянный последующий контроль могут достигнуть такой степени, при которой всякая работа продвигается вперед черепашным шагом. Предупредительное взвешивание превращается в бесплодные раздумья...» Демонстративный тип личности проявляется в том, что люди «рисуют себя не такими, какими являются на самом деле, а такими, какими хотелось бы казаться»⁹. Они используют всякую возможность представить себя с наилучшей стороны. «Поскольку у таких людей явно выражена склонность избегать трудностей, они часто меняют не только место работы, но и профессию... тем больше насчитывается на работе срывов, внезапных отказов от работы, которая якобы слишком тяжела...»¹⁰

Проявление своего «я», адекватное или неадекватное самовыражение сопровождаются особым чувством самолюбия. Оно является таким же своеобразным «камертоном» своего внутреннего «я» в плане соответствия (или несоответствия) внешнему миру, как совесть является «камертоном» и регулятором соответствия (или несоответствия) поступков человека его убеждениям, ценностям, целям и т.д. Психологический эквивалент самолюбия начинается с утверждения ребенка: «Я сам» (которое уже содержит в единстве и активацию, и самостоятельность). Оно проявляется в тезисах взрослой личности: «Я знаю, что делаю», «Я имею право делать так, как считаю нужным». Социально-психологически это чувство «я» выступает как тип соотнесения себя с другими: «Я сам» (синоним «Я один»), «Я лучше других», «Я не хуже других», «Я всем докажу», «Я нужен другим» и т.д.

Тот или иной тип самолюбия выражает не только способ активизации личности, но и ее жизненную позицию, ее программу, идеал. В анкете, предложенной подросткам, были получены такие ответы: «Я покажу себя», «Я докажу, на что способен», «Хочу проверить себя на самом трудном», «Я хочу доказать себе», «Хочу быть нужным другим», «Хочу быть интересным». Таковы формулы, выражающие самолюбивую позицию подростков. Здесь нетрудно увидеть и ту жизненную линию, которой они могут придерживаться, и ее движущую силу, характерную для каждой личности. Тот, кто хочет «себя показать» или что-то кому-то «доказать», исходно ориентирован на сравнение с другими, на успех. Тот, кто хочет проверить себя на самом трудном, закладывает в свою программу критерий трудности, а не критерий успеха и удач, он не ориентируется на сравнение с другими, на то, чтобы быть на виду, и т.д. Тот, кто хочет быть нужным, ориентируется на полезность другим людям, на общее дело и не выбирает в качестве критерия личные достижения.

Анализ биографических материалов и опроса показал, что подростки с ярко выраженным желанием «показать себя», «всем доказать» преимущественно выбирают престижные или модные профессии. Те, кто нацелен на проверку себя в трудностях, преимущественно выбирают редкие профессии, связанные с риском, романтикой, трудными условиями, а некоторые — научную работу. Выбор профессии подростками, желающими быть нужными, полезными, преимущественно приходится на специальности врача, педагога; хотя этот выбор и не так однозначен, но эти подростки редко выбирают престижные профессии. Таким образом, самолюбие выступает как некоторое интегральное личностное образование, которое одновременно выражает движущую силу «я», его активную сторону, но не замкнутую «в себе» и «для себя», как утверждается в идеалистических теориях личности, а как способ соотнесения личности с социальным миром, другими людьми.

Если Рубинштейн раскрыл личность как триединство — того, что человек хочет, что он может и что есть, — то мы добавляем к этому еще один параметр — что человек должен. Это — отношение к необходимости, к требованиям общества, окружающих. Как показало исследование, самолюбие представляет собой некоторое сложное соединение

инициативы, желания и одновременно долга, необходимости, обязанности, ответственности. Если исходно активность, индивидуальность личности включены в систему необходимости, то ее самолюбие становится синонимом полезности обществу, другим людям, синонимом общественной необходимости своей личности и основанными на этом достоинстве и ответственности.

Если активность «я» развивается путем противопоставления себя другим, общественной необходимости, то движущей силой становится гипертрофированное самолюбие — эгоизм, себялюбие, честолюбие. Этому сопутствуют волюнтаризм, непризнание дисциплины, правил, обязательных для всех, своего долга и ответственности перед обществом.

Если человек не может активизировать свои внутренние возможности соотносительно со своим индивидуальным «материалом» (способностями и т.д.), не находит адекватного внешним задачам способа активности, то развивается большое самолюбие. Последнее проявляется в двух крайностях: в занижении роли «я», неуверенности в себе, или, наоборот, в завышении роли «я», притязании на высокую оценку и признании своей исключительности. Однако в обоих случаях большое самолюбие требует постоянного подтверждения своей социальной значимости. Но, как бы часто ни давалась общественная оценка, это все равно не способствует реалистичности самооценки. И другой парадокс: даже если самооценка завышена, человек с большим самолюбием всегда зависим от оценки окружающих.

Есть люди с неразвитым самолюбием. Однако внутри этого типа возможны вариации. Одна из них связана с преобладанием чувства долга, исполнительности, добросовестности над инициативой. Другая группа людей с неразвитым самолюбием характеризуется низкой активностью, постоянной неуверенностью в себе, склонностью к самообвинению и т.д. Если чувство долга гармонично сочетается с самолюбием, то возникает постоянная требовательность к себе, оптимизация активности, ответственность. Если долг остается внешним регулятором, а самолюбие — истинным двигателем активности, то возникает противоречие, способ решения которого позволяет понять (кроме направленности личности) ее нравственно-психологическую устойчивость-неустойчивость, самостоятельность-несамостоятельность и т.д.

Там, где активность личности идет вразрез с требованиями к ней и долгом, активность не только получает индивидуалистическую направленность, но и предполагает особый способ удовлетворения. Поэтому среди личностей с индивидуалистической направленностью можно выделить разные типы по способу приведения в действие активности. Например, существует тип личности с развитым самолюбием, которое требует и яркого выражения, и связанного с риском способа удовлетворения. Не находя удовлетворения в общепринятой системе ценностей и в обычных способах самовыражения, личность такого типа проявляет авантюрные инициативы, склонность к риску, притягательность которых для нее связана именно с тем, что человек переживает остроту нарушения грани общепринятого, пренебрегает общественными правилами и бравирует этим. Другой тип личности с индивидуалистической направленностью удовлетворяется не только тем, что действует в сугубо личных интересах (это раскрывается в характеристике направленности), но и тем, что игнорирует общественные интересы. Иными словами, при индивидуалистической направленности происходит не только замыкание «на себя», обособление «в себе», но и отрицательное отношение к общепринятым нормам социальной жизни.

Существует тип личности с индивидуалистической направленностью, который строит свою активность в системе общественной жизни, но учитывает лишь формальную сторону необходимости и долга. Психологически он «подкрепляется» тем, что использует возможности, предоставленные обществом, в своих целях. В отличие от авантюрного типа активность таких людей носит обыденно-потребительский характер. Если у авантюрного типа активность поддерживается гипертрофированным чувством «я», умножается на

индивидуальность (А. Р. Ратинов и другие отмечают своеобразную «гордость» преступника, сознание своего «мастерства»), то у второго активность укрепляется сознанием типичности своих действий («все копят», «все покупают» и т.д.).

Типы активности различаются по следующим основаниям: устойчивость-неустойчивость, уверенность-неуверенность, преобладание инициативы или ответственности, сочетание инициативы и ответственности, высокая-низкая активность.

Личность с функционально-потребительской активностью, в силу того, что формальное выполнение долга для нее служит своеобразной ширмой, мотивирована тем, что скрывает свои истинные побуждения. Напротив, личность с индивидуалистической (эгоистической) направленностью и «большим» самолюбием навязчиво-болезненно противопоставляет себя другим, подчеркивает границу своих взаимоотношений с ними. Активность таких людей, как правило, круто замешана на самолюбии: неприятие общественного долга, притязания на исключительность связаны с тем, что личность возлагает ответственность за неудачи на других. Она требует предоставления ей исключительных возможностей при минимальных обязанностях. Такой человек в принципе не отрицает необходимости правил и порядка, но для себя требует исключения. Напротив, личность с преобладающим чувством долга и сознанием общественной ответственности находит удовлетворение в выполнении этого долга и равнодушна к постоянному акцентированию ее заслуг, похвалам.

Таким образом, самолюбие как индикатор, критерий взаимодействий с миром играет важную роль в развитии ценностно-нравственной сферы личности, без которой невозможно чувство удовлетворенности, полноты жизни. Поэтому при определении различных типов самовыражения должно приниматься в расчет самолюбие как постоянный его спутник, как один из действенных источников повышения (понижения) мотивации, приобретения (утраты) смысла жизни. Подводя итоги, заметим, что главным условием самовыражения является установление адекватности, определяемой в большинстве случаев самой личностью, между внутренним миром (его запросами, ориентациями, ценностями) и внешним способом выражения внутреннего мира. Это может проявляться как в выборе социальной роли, так и в любой общественно полезной деятельности, в других занятиях.

Интересны исследования чехословацкого психолога О. Микшика, выявляющего способы поведения человека в критических ситуациях (поскольку именно в них испытывается на «прочность» способ выражения себя в жизни)¹¹. Это различные ситуации риска, возникающие у летчиков, альпинистов, в которых один тип личности не выдерживает нагрузки, «распадается» уже на физиологическом уровне (погружается в сон во время полета, теряет координацию, перестает видеть, слышать, реагировать), другой тип «ломается» на психическом уровне (теряет силу воли, способность думать, принимать решения и т.д.), третий — на социально-психологическом уровне (сохраняет физиологическую и психическую мобилизованность, но жертвует жизнью своего товарища ради собственного спасения, выпрыгивая из горящего самолета, оставляет товарища, обрезая веревку в связке двух альпинистов). Поведение человека в таких критических ситуациях становится показателем подлинной (или мнимой) нравственности человека, его реальным испытанием, жизненной проверкой (того, что он есть в действительности, а не напоказ).

Поэтому даже такой тип, который с трудом осуществляет переход от мечтаний к реальности в обычной жизни, подчас способен проявить мужество, быстроту, сообразительность в критических случаях, тогда как «предприимчивый тип» может проявить полную беспомощность перед лицом ответственности и т.д.

Разнообразие психических типов людей (сама идея этого разнообразия) не является чем-то обидным, указывающим на недостатки одних и достоинства других. У всех в равной мере есть и то, и другое. Значение проблемы типологии сегодня состоит в том, чтобы понять, что у другого могут быть такие же важные проблемы, как и у меня, или,

наоборот, свои, и не менее важные, чем у меня, проблемы, которые он должен и будет решать независимо от того, нравится мне это или нет, допускаю я это или нет.

Особенно остро проблема социально-психологических различий встает при определении активности личности (ее форм, способов реализации)¹². Социальное поощрение, стимулирование людей социально активных, предприимчивых, деятельных должны стать повседневной практикой жизни общества.

3. Инициатива и ответственность как формы активности и стратегии личности

Инициатива и ответственность — это прежде всего формы активности, качества, которые развиваются у индивида в большей или меньшей степени в зависимости от того, насколько обществом ему предоставлена свобода и насколько он принимает общественную необходимость. Это формы активности личности, развивающиеся в общественной жизни и на реальном жизненном пути. Инициатива представляет собой опережающую внешние требования или встречную по отношению к ним свободную активность субъекта, которая затем реализуется в интеллектуальной или практической сферах. Она выражается в определенных начинаниях, предложениях, с которыми выступает человек. (Это и нашло отражение в ее традиционных определениях как творческого начала личности.) Инициатива есть выражение побуждений и желаний, мотивов субъекта. Ответственность — это добровольное, т.е. внутренне принятое, осуществление необходимости, правил, требований и т.д.

Существуют люди более или менее инициативные, более или менее ответственные. Почему же в одном и том же обществе в результате разных жизненных обстоятельств возникают такие достаточно существенные различия? Чтобы ответить на этот вопрос, мы обратились, прежде всего, к исследованию инициатив в том возрасте, в котором они наиболее интенсивно формируются и наиболее открыто проявляются,— в юности.

В исследовании инициатив старшеклассников, проведенном под нашим руководством Е. Н. Погониной, обнаружился такой противоречивый факт. В этом возрасте, который теоретически является возрастом интенсивного формирования и яркого проявления инициатив, инициативы, как показал констатирующий эксперимент, отсутствовали. Этот парадоксальный факт и определил дальнейшую исследовательскую задачу — выявить причины отсутствия инициатив. Исследование показало, что наличие или отсутствие инициатив зависит не от возраста (это видно из сравнения разных по возрасту групп). Инициатива имеет индивидуальные формы и особенности проявления, которые и раскрывают причины ее наличия-отсутствия, развитости-неразвитости, выраженности-невывраженности. У первой группы юношей инициатива была устойчивым качеством (их было в данной выборке меньшинство), у второй — проявлялась лишь в отдельных ситуациях, у третьей (их было большинство), можно сказать, инициатива вообще отсутствовала.

Чтобы выявить причины столь больших различий, мы выделили два этапа в развитии инициативы — внутреннее побуждение, своего рода инициативный порыв, и ее внешнее проявление, когда о своей инициативе нужно официально «заявить», ее соответствующим образом выразить и даже обосновать. Может, у человека и возникают инициативы, но он не умеет их представить? Может быть, группа (класс) не принимает этих инициатив? А может быть, самолюбивый юноша, опасаясь, что его инициатива будет встречена отрицательно, сам ее в себе подавляет?

Выявились три причины отсутствия инициативы. У одного типа личности инициативы, как оказалось, не были сформированы на ранних этапах развития личности и ее жизненного пути. Мы не уточняли, коренились ли эти причины в дефиците общения с матерью, в зависимом (или подавленном) положении ребенка в семье, но лишь констатировали, что они заключены в истории развития личности. Вторая причина безынициативности оказалась связанной с социально-психологическими условиями, а

именно сама личность подавляла инициативу на стадии ее возникновения, заранее зная, что она не будет принята и одобрена окружающими. Педагогам известен такой принцип организации школьных групп, который предписывает их членам: «не высовывайся». Таким способом группа блокирует инициативы отдельных активных своих членов.

Неумение реализовать инициативы, отсутствие развитых социально-психологических способностей, организаторских умений, неразвитые формы коллективной жизни тормозят проявление инициатив и их зарождение. Ожидая и предвидя трудности, личность задерживает проявление инициатив, если заранее знает, что не сможет их реализовать. Эта третья группа причин связана с тем, что сама личность блокирует свои инициативы. Если в одном случае личность подавляет инициативу потому, что не сможет организационно-практически ее реализовать, в другом — подавляет ее, заранее зная, что социально-психологическое окружение ее не поддержит, то в третьем — инициатива подавляется в результате внутренних личностных противоречий. Как мы увидим, одним из них оказалось противоречие инициативы и ответственности; желание проявить инициативу подавлялось сознанием ответственности за ее выполнение.

Ответственность — присвоенная субъектом и потому активно им реализуемая необходимость. В общепринятых определениях ответственности (Пиаже, Кольберг, Хелкама, Хайдер и др.) ставится акцент на когнитивных аспектах ответственности (предвидение последствий своих действий, а потому их своевременная регуляция, коррекция) или на моральных (автономная регуляция субъектом своего поведения на основе собственного нравственного выбора). Мы определяем ответственность более широко — как самостоятельное, добровольное осуществление необходимости в границах и формах, определяемых самим субъектом. Она выступает как идеальное мысленное моделирование субъектом ответственной ситуации, ее пределов и уровня сложности, а затем — практическое осуществление.

Субъект ответственности сам вводит критерии, по которым ограничивает поле своей активности, сам ведет контроль. Личность проявляет готовность к самостоятельному достижению результата, который она гарантирует при всех условиях. Ответственность — обеспечение самой личностью и способа действия (общения), и результата своими силами при установленном ею уровне сложности деятельности и времени достижения результата, при любых неожиданностях, трудностях и т. д. Ответственность превращает внешний долг во внутреннюю потребность, поэтому если внешний долг, или обязанность, требует внешнего контроля за его выполнением, то его превращение во внутреннюю обязанность сопровождается переходом к самоконтролю. Ответственный человек знает, что он делает, и предвидит последствия своих действий. За ним не нужен контроль, на него можно положиться.

Исполнительный человек делает ровно столько, сколько ему поручат, сколько предписано инструкцией, правилом. Он может пропустить очень важное звено, сославшись на то, что оно не было указано в инструкции. Ответственный человек берет на себя решение задачи в целом, а не отдельных ее звеньев. Мелочный контроль, присущий бюрократическим структурам, разрушает личностную ответственность, личностную самостоятельность.

Человек проявляет ответственность не из боязни последствий, а в силу желания и готовности не допустить, своевременно предупредить последствия. Таким образом, самостоятельность, независимость от внешнего контроля, осознание целостности решаемой задачи, выполняемого дела являются факторами ответственности. Сознывая свою ответственность, человек не ограничивает себя каким-то набором условий и требований, а испытывает потребность найти наилучшие условия, оптимальные для выполнения требований. Ответственность предполагает уверенность в своих силах, их соразмерность решаемой задаче (только безответственный человек берется за непосильное дело).

Ответственность, ставшая устойчивым качеством личности, позволяет ей легко справляться с предъявляемыми к ней требованиями окружающей действительности, согласовывать эти требования и собственные желания, освобождая себя от внешнего, принудительного контроля, проверок. Она возникает там, где общество доверяет личности. Там, где доверия нет, ответственными можно назвать лишь отдельные формы поведения человека, отдельные действия, отдельные поступки. В этом случае ответственность не становится качеством личности.

Если человек отвечает за дело в целом, за свой выбор, за свои поступки, то он сам может определять последовательность своих действий, средства и способы достижения цели, отделить главное от второстепенного. Иными словами, беря на себя ответственность, человек гарантирует себе определенную степень независимости, самостоятельности, свободы. Поэтому ответственность дает возможность строить разные стратегии, пробовать разные способы достижения цели, искать оптимальные.

В процессе жизни человек выбирает сам, за что взять на себя ответственность. Очень часто сознание ответственности за судьбу детей приводит к тому, что родители берут на себя ответственность за каждый шаг, каждый поступок, задерживая тем самым формирование ответственности у самого ребенка, не подозревая, что ребенок это интуитивно улавливает. Поэтому ответственность предполагает выработку определенной стратегии действия, поведения. Одни подчиняют свою жизнь внешним требованиям, формально выполняя свой долг. Это наихудшая стратегия, поскольку выполнение таких обязательств для личности неинтересно, а отвечать за большое профессиональное, жизненное дело она не готова. Превращение внешнего долга в формальные обязанности опустошает и внутреннюю жизнь личности. Стратегии жизни других людей даже в жестких социальных условиях (например, подконтрольности) обеспечили им большую независимость именно потому, что они добровольно брали на себя ответственность и сохранили интерес к делу, мотивацию самостоятельного преодоления трудностей и т. д. Критерием полноты принятия личностью ответственности может служить согласование необходимости с желаниями и потребностями личности, а потому и с инициативой в осуществлении дела.

На первый взгляд инициатива выступает как свободная форма активности, и в этом смысле она противоположна ответственности как якобы вынужденной форме. Считаем, что ответственность — это добровольное принятие необходимости, а потому на ее основе могут возникать инициативы. Для доказательства этого предположения мы исследовали условия перехода ответственности в инициативу в двух случаях: когда человек взял на себя ответственность в силу или внутренней потребности, или внешней необходимости. Другая гипотеза состояла в обратном предположении: внутренняя потребность взять на себя ответственность возникает как раз тогда, когда субъект приступает к реализации на практике собственных инициатив. Если бы мы доказали, что инициатива может возникать и в ситуации ответственности (как признак ее добровольного принятия), то стало бы очевидно, что в этом случае ответственность полностью присвоена человеком, т.е. стала его потребностью в реализации необходимости.

Важным показателем подлинной ответственности является то, что человек рассчитывает на свои силы, действует в соответствии с требованиями, предъявляемыми к самому себе, т. е. независимо от внешнего контроля. Для выявления меры и характера ответственности эксперимент строился так, что испытуемые имели возможность или действовать самостоятельно, или прибегать к помощи окружающих.

Создавалась такая ситуация, в которой социально-психологическое окружение (зрители) выступало с критикой или одобрением, имевшими своей целью вскрыть степень уверенности личности, подкрепить ее, поколебать и т.д. Но одобрение и критика высказывались безотносительно к реальному успеху деятельности, поэтому-то и можно было выявить степень уверенности субъекта, его ориентацию на внутренние или внешние критерии. Исследовалась группа студентов гуманитарных вузов, которые в порядке

выдвижения своих инициатив предлагали короткие сценические сюжеты. Участники эксперимента предлагали самые разные сюжеты — сложные, яркие, занимательные, соревнуясь друг с другом. Затем авторам сюжетов было предложено реализовать их на сцене, стать ответственными постановщиками. Этот момент в эксперименте был критическим, так как обнаружил, предполагали ли авторы инициатив себя в качестве лиц, ответственных за постановку. Когда они становились ответственными исполнителями, осуществлялся переход от инициативы к ответственности.

Кроме зрителей, к помощи которых могли прибегать постановщики, в эксперименте участвовало жюри. Члены жюри оценивали сложность-простоту и другие параметры сюжетов-инициатив, следили за тем, насколько постановщики прибегали к помощи, подражанию, консультациям. Они фиксировали изменения первоначальных сюжетов, когда авторы становились ответственными за их постановку. Эксперимент показал, что одни студенты, выдвигая инициативы, уже предполагали себя ответственными исполнителями своих замыслов; другие восприняли это как неожиданность и отказались от постановки. Отказ рассматривался как отсутствие ответственности.

Выявились три группы студентов, одна из которых предлагала (на стадии инициатив, замыслов) ровно столько, сколько смогла бы реализовать, вторая группа не помышляла о реализации вообще. В третью группу включались лица, которые первоначально не предполагали себя (в будущем) постановщиками. Но, когда им было предложено поставить свой сюжет, они вынуждены были его упрощать. Оказалось, что их стратегия противоположна стратегии студентов первой группы, которые, видя, что постановка в целом получается, начали дополнять, расширять и развивать первоначальный сюжет. Таким образом, обнаружились две стратегии реализации инициатив: упрощение замысла на стадии его ответственной реализации и его усложнение, конкретизация, расширение.

Критерий усложнения или упрощения сюжета позволил понять некоторые скрытые механизмы связи инициативы и ответственности: упрощение сюжета свидетельствовало о противоречивости инициативы и ответственности. Инициатива расширяет поле деятельности, активности, но возникающая вслед за ней ответственность требует четких критериев для саморегуляции, и, если они предварительно не выделены, личность вынуждена сузить «пространство» активности, упростить задачу.

Далее эксперименты показали, что если студенты не берут на себя ответственность целиком, то они обращаются к социально-психологическим опорам (подражанию, сравнению, оценке, инструкциям). Иными словами, ответственность строит внутренние или внешние опоры, ищет критерии контроля — или свои, или внешние (социально-психологические).

Полученные данные выявили, что наиболее глубоко инициатива и ответственность связаны тогда, когда, проявляя инициативу, человек мыслит себя субъектом ответственности. Социально-психологические поддержки (подражание, инструкции), к которым прибегает сама личность, свидетельствуют о ее несамостоятельности, зависимости, что вскрывает противоречивый характер ее ответственности. Однако если в случае сужения поля своей активности субъект все же сохраняет автономию, то при обращении к социально-психологическим опорам имеет место возложение ответственности на внешние опоры, т.е. частичная утрата самостоятельности.

Обнаружилась интересная зависимость между характером инициатив и притязаниями личности на публичное одобрение, успех, оригинальность. Желание заявить о себе иногда оборачивается неспособностью самостоятельно реализовать свой замысел. Существует так называемый функциональный тип личности, у которого инициатива не связана с ответственностью, поскольку на ответственной стадии этот тип полностью отказывается от автономии, целиком переключается на социально-психологические опоры и активно заимствует готовые решения. Его ответственность теряет характер личной ответственности, но он активно реализует готовое чужое решение.

Смена инициативной позиции на ответственную дает возможность выявить характер связи инициативы и ответственности. Гармоничное и продуктивное сочетание инициативы и ответственности позволяет личности полностью сохранить свою автономию и высокий уровень активности. Противоречивые формы связи инициативы и ответственности понижают уровень активности личности и лишают ее самостоятельности. Отсутствие между ними внутренней связи ведет к активному использованию готовых внешних моделей, правил и т.д.

Предметом исследования была и такая ситуация, в которой ответственность предшествовала инициативе: инициатива могла проявиться только как расширение границ того необходимого и достаточного, за что принималась ответственность. Мера принятой необходимости выражалась, по нашему предположению, в появлении инициативы. Мы предположили также, что субъект ответственности сможет расширить поле активности, только будучи уверен в достижении результата своими силами. Эта уверенность является также показателем ответственности. Предварительно мы выявили установку на успешность (неуспешность) результата деятельности, поскольку именно эта установка могла целиком определять уверенность в успехе.

В эксперименте исключалась возможность подражания постановщиков друг другу, но присутствовали зрители, которые давали свои оценки. Для выявления того, на внешние или внутренние критерии опирается личность, мы всех участников поставили в такую ситуацию, где их деятельность оценивалась независимо от того, нуждались они в этом или нет. В эксперименте использовалась ролевая игра, где зрители одобряют или не одобряют постановщика безотносительно к реальному результату его деятельности. Таким образом, можно было выявить, опирается ли личность на внутренние критерии успешности (и тогда она способна противостоять критике) или обращается к социально-психологическим поддержкам и критериям, ищет в них для себя опору.

Мы учитывали и удовлетворенность (неудовлетворенность) личности своими результатами через ее отношение к справедливости (несправедливости) оценок жюри. В целом выявилось: характер притязаний личности — установка на успех-неуспех, уверенность-неуверенность (по мере совпадения-несовпадения собственных оценок с оценками одобрения-неодобрения зрителей), наконец, удовлетворенность-неудовлетворенность своими достижениями в конкурсе в свете справедливости-несправедливости оценок жюри, а также в зависимости от объективного успеха-неуспеха.

Эксперименты показали, что принятие ответственности ведет к повышению роли установки на успех-неуспех, т.е. к предвосхищению результата деятельности. Существенно то, что ответственность брали на себя даже те лица, которые имели установку на неуспех, т.е. ответственность — это более глубокое понятие, чем притязания на успех. Она возникает не только при мотивации достижения, но и при мотивации поражения. Это подтверждает нашу гипотезу, что ответственность — это предъявление требований к себе: они повышаются, если возникает возможность неуспеха.

Выявлены два критерия ответственности — расширение поля деятельности и уверенность (которая сохраняется при наличии оценок — одобрения или критики). Если инициатива гармонично сочетается с ответственностью, то личность может противопоставить собственную уверенность одобрению-неодобрению окружающих. Негармоничная или противоречивая связь инициативы и ответственности приводит к неуверенности, которая и проявляется в неспособности противопоставить свои критерии успеха оценкам окружающих.

Однако обнаружилось, что иногда выдвижение инициатив было и своеобразным уходом от ответственности. Выдвигая нереалистические предложения, эти лица настаивали на их реализации вопреки очевидным неудачам. (В своих опытах с обезьянами известный психолог Келер наблюдал такой случай: животное, чтобы достать подвешенный плод, ставит ящик на ребро (поскольку зрительно оно длиннее, чем другие стороны) и карабкается на него, не понимая, что в таком положении ящик стоять не

может.) Подобно этому некоторые студенты упрямо пытались доказать и навязать окружающим свои решения, предложения, несмотря на их очевидное несоответствие действительности. Такая особенность поведения была свойственна лицам с установкой на успех. Более того, они испытывали удовлетворение и при неуспехе, обвиняя жюри в несправедливости оценок.

Удовлетворенность-неудовлетворенность не однозначно связана с успехом-неуспехом: у одних лиц успех не вел к удовлетворенности, другие вопреки неудаче не были неудовлетворены. В целом удовлетворенность-неудовлетворенность зависит и от установки на успех-неуспех, и от уверенности в себе, способствующей расширению инициатив.

Установка на поражение повышает функции самоконтроля, но блокирует инициативу. Эти лица не противостоят критике окружающих. При установке на неуспех самоконтроль дает возможность развести неуспех и неудовлетворенность: и при неуспехе некоторые были удовлетворены тем, что они правильно действовали, а неудачу приписывали действию внешних обстоятельств. Студенты с установкой на успех и при отсутствии гармоничной связи между инициативой и ответственностью удовлетворялись одобрением окружающих при явном неуспехе. Таким образом, в эксперименте был воссоздан внутренний механизм конформизма: человек видит, что терпит поражение, но принимает одобрение окружающих. Не этот ли тип людей как особая психологическая «порода» был характерен для эпохи застоя? Они разваливали хозяйство страны и принимали в благодарность за это ордена. Другие студенты при установке на успех и при гармоничном сочетании инициативы и ответственности не теряли способности противостоят мнению окружающих, имели собственные критерии успеха-неуспеха.

Для лиц с отсутствием инициативы и пониженным самоконтролем одобрение окружающих служило внешними социально-психологическими опорами, которые компенсировали внутренние, что повышало их уверенность. Далее, по характеру связи уверенности-неуверенности с одобрением-критикой окружающих выделились два парадоксальных типа: один из них становился более уверенным при возрастании критики, т. е. противостояние критике повышало четкость внутренних критериев. (Таких людей в жизни называют упрямыми.) Второй, напротив, столь негативно реагировал на критику, что его способность к саморегуляции блокировалась, эмоции мешали действию.

Благодаря экспериментам удалось установить, как личность в своей инициативе и ответственности ориентирована на оценку окружающих, в какой мере она противопоставляет свои критерии при оценке результата деятельности критике или одобрению (критериям) окружающих. Выявились особенности самостоятельности, автономности личности: в начале нашего исследования о ее самостоятельности свидетельствовало отсутствие ориентации на социально-психологические критерии и опоры, далее показателем самостоятельности стала способность сохранять уверенность и даже противопоставить свои критерии успеха-неуспеха социально-психологическому одобрению-неодобрению.

Способ реагирования на критику или одобрение окружающих обнаружил закрытость, нейтральность или открытость, зависимость личности от этого окружения, что раскрывает механизмы ее ответственности. Обнаружился тип настолько зависимый, что он одобрение окружающих ставил выше очевидного неуспеха; нейтральный тип, т. е. не нуждающийся в одобрении или порицании в силу уверенности во внутренних критериях; наконец, тип, закрытый по отношению к социально-психологическим воздействиям.

Почему столь важна роль социально-психологического окружения для «испытания на прочность» ответственности личности? Итоги данного эксперимента, который, конечно, носил конкретный, а потому достаточно узкий характер, можно сравнить с другими исследованиями. Дело в том, что большинство исследователей связывают ответственность с разрешением разного рода противоречий. Так, классические опыты

Кольберга, исследовавшего ответственность, содержали два противоречащих друг другу моральных суждения — воровство или спасение жизни. (Герой рассказа Кольберга Ганс стоит перед альтернативой: чтобы спасти жизнь своей больной раком жены, он должен купить лекарство, но, поскольку оно стоит слишком дорого, ему остается только его украсть.)

В наших экспериментах противоречие не задавалось самой задачей, а возникало (или не возникало) как внутреннее противоречие (между инициативой и ответственностью) или как противоречие внутреннего и внешнего (самооценка и самоконтроль и внешняя оценка, внешний контроль). Это различие принципиально: для испытуемых Кольберга вся ситуация достаточно умозрительна, а потому трудно сказать, насколько ее противоречие оказывается собственно личностным, тогда как в наших экспериментах противоречие возникает между реальным действием личности (ее инициативой) и неожиданно возложенной на нее ответственностью (или между ее уверенностью в себе, внезапно поколебленной критикой, и т.д.). Таким образом, психологическая реальность, исследуемая нами, охватывает действительные личностные противоречия.

Мы не беремся обсуждать данные Кольберга о возрастных стадиях и характеристиках ответственности, которые он различал по характеру социально-нравственных позиций и соответствующих аргументов при решении противоречия *. Но внутри исследованного нами возраста обнаружены такие различия в типах ответственности, которые ставят под сомнение глобальность стадий Кольберга, указывают на чрезмерную абстрактность его подхода. В исследуемом возрасте обнаружилось характерное для ряда типов общее противоречие между личными амбициями, казалось бы ориентированными на социально-психологическое окружение, на успех в глазах группы, и реальной личностной несамостоятельностью, которая сразу проявляется в случае критики со стороны группы; противоречие между самоуверенностью, выражающейся в виде инициатив, и неуверенностью на стадии ответственности. Различия типов инициативы и ответственности позволяют понять и те механизмы, которые лежат в основе подлинной ответственности и инициативы, и те, которые препятствуют их формированию. На первый

взгляд тип, который оказывается независимым от суждений группы (позитивных или негативных), может быть назван индивидуалистом или даже эгоистом и служить скорее негативным образцом, чем идеалом ответственного человека. Можно предположить, что он не годится для коллективной, разделенной ответственности.

На самом деле только тот, кто обладает внутренней свободой от давления непосредственного окружения (тем более что окружением была не сложившаяся студенческая группа, а случайные люди — зрители), и может отстаивать свой нравственный выбор, брать на себя ответственность. Тот же, кто спешит отказаться от своих инициатив, приходит к «фальстарту» при упоминании об ответственности, на того и группа не может возложить свои поручения, ответственность за общее дело, сколь бы ни был он чуток к общественному мнению. В такой игровой ситуации, как наш эксперимент, мы не имели, казалось бы, ни юридических, ни нравственных нарушений. Однако ряд типов (и среди них конформист в чистом виде) обнаружили серьезные человеческие, психологические издержки. Например, обычно считается ответственным тот, кто предвидит последствия своих поступков. Мы обнаружили формальность, «психологическую безнравственность» такой ответственности, при которой человек стремится избежать прогнозируемого неуспеха, а его инициатива становится способом ухода от ответственности в сферу фантазии, необязательного.

* Кольберг установил, что дети находятся на стадии доморального сознания, поскольку аргументируют опасностью быть уличенными, подростки аргументируют с позиций «молодого члена общества», стремящегося к соблюдению «порядка». Субъектом (субъективная ответственность) ответственности, по Кольбергу, личность становится на стадии «морали хороших человеческих отношений», затем проходит стадию морали социальной системы и совести и, наконец, стадию

гражданского этического сознания.

Подлинная ответственность обнаруживается, прежде всего, в характере притязаний, в требовательности к себе, в установке на преодоление трудностей. Фактором, препятствующим ответственности, является установка на успех в глазах окружающих, стремление к публичности. Подлинная ответственность связана с уверенностью в себе и собственными критериями саморегуляции. Неполнота ответственности проявлялась в неуверенности и в обращении к внешним критериям. Неуверенность в свою очередь проявлялась в неспособности отстоять свои критерии, когда деятельность подвергалась резкой критике, в отказе от своих критериев при явно завышенных оценках.

Если личность стремится реализовать свою инициативу, не беря на себя ответственность, то внешние требования воспринимаются как принудительные, неожиданные. Это ведет к эмоциональному дискомфорту личности, к неудовлетворенности и в итоге — к утрате инициатив. Если же деятельность осуществляется только через ответственность, ограниченную достижением результата, уходом от неуспеха, то отсутствует полнота самовыражения, а потому полнота удовлетворенности. Здесь раскрывается ограниченность представления об ответственности как обязанности. Обязанность исключает возможность разных стратегий реализации дела, решения задачи, внутреннюю свободу субъекта, его способность к маневренности, творчеству.

На первый взгляд, исходя из определения ответственности как присвоения личностью внешней необходимости, человек в своих действиях должен руководствоваться внешними социально-психологическими критериями, искать в них опору. На самом деле основным для ответственности является чувство уверенности человека в своих силах, наличие четких собственных критериев деятельности и способность их отстоять, добиться своего. Ответственность, как показало исследование, может быть, или устойчивым качеством личности, или ответственным осуществлением конкретной деятельности, т. е. отдельным поступком. Следовательно, ответственный способ осуществления деятельности может быть доступен и тем, у кого ответственность не стала еще устойчивым качеством. Это значит, что ответственность как качество личности нужно формировать через деятельность.

Потенциально способными к ответственному поведению могут быть и лица, обладающие исполнительностью как устойчивым качеством личности, и лица по своему типу амбициозные, стремящиеся к популярности, и т.д. Но одновременно выявились и слабые, ненадежные звенья присущего им ответственного поведения. Поэтому их ответственность нужно формировать иным путем, не только опирающимся на их сознание и на осознание необходимости.

Данное исследование обнаружило оптимальное соотношение инициативы и ответственности в психологической структуре деятельности. На первый взгляд кажется, что деятельность всегда должна начинаться с инициативы, поскольку в последней проявляются мотивы, цели человека. Более того, деятельностью психологи считают только ту, которая отвечает мотивам, потребностям. Тогда и оказывается, что ответственность сводится к предвидению или к достижению результата. Однако наше исследование показало, что последовательность инициативы и ответственности важна не сама по себе. Деятельность может инициативно начаться, но не перерасти в ответственную и, наоборот, ответственно начаться, но не перерасти в инициативный способ ее осуществления.

Раскрытие соотношения инициативы и ответственности как внутрличностного соотношения (гармоничного или конфликтного) очень важно для дальнейшего понимания коллективных форм инициативы и ответственности, для раскрытия механизмов согласования инициатив и разделения (от понятия «разделенная ответственность») ответственности. Хотя данное исследование не ставило целью выявить согласование инициатив, но наблюдение показало многие формы «согласований», которые проливают свет на судьбы этой формы активности в обществе. Одни лица проявляли инициативы,

когда были пассивны все остальные, другие — в порядке подражания или соревнования с окружающими, наконец, только некоторые были инициативны «по собственному побуждению». Обнаружилось также неумение согласовывать разные инициативы. Как уже отмечалось, причины этого кроются в незнании организационных путей их реализации. Старшеклассники были быстры на выдумку и «туги» на ее воплощение в жизнь. «Согласованность» инициатив выступала либо как их тождественность, либо как их «контрастность», но подлинное согласование инициатив отсутствовало.

Особенности взаимодействия разных типов ответственности были еще более сложными и противоречивыми во временных группах молодежи (старшеклассников и студентов). Они обнаружили неспособность к разделенной ответственности. Если легко обнаруживался лидер тех или иных инициатив (при условии пассивности группы), то лидера ответственности за группу оказалось найти очень трудно, хотя в нее и входили люди, действительно обладающие ответственностью как устойчивым качеством личности, но они были готовы отвечать только за себя.

Таким образом, условием выработки коллективных инициатив и разделенной ответственности является, во-первых, знание особенностей каждого из членов группы, во-вторых, знание межличностных отношений в данной группе («традиций» подавления инициатив, безответственности и т.д.), на основе которых только и возможно построение педагогических воспитательных стратегий. Однако учет этих особенностей и «традиций» (особенно негативных) не должен превращаться в опору на них. Например, при сложных взаимоотношениях подростков, когда их инициативы блокируют друг друга, можно предположить новые, необычные для них формы совместной деятельности, такие, как организационно-деятельностные и ролевые игры. В них разрушаются негативные стереотипы, закреплённые роли («инициатора», «козла отпущения»), лидерство и формы активности начинают переструктурироваться.

Таким образом, мы выяснили, что активность выполняет самые разнообразные роли в жизненном функционировании личности, обслуживает все сферы ее жизни — от «координатора», организатора всех жизненных отношений и проявлений личности, «посредника» между требованиями общественной и личной жизни до самых детальных, частных, «мелких» операций, осуществляемых человеком повседневно. Говоря об активности в жизни каждого человека, отметим, что она является как бы результирующей всех его жизненных планов: временного, ценностного, действенного и т.д. Так, осуществляясь личностью в действенном плане жизни, активность приобретает форму самореализации, во временном плане — форму актуализации своих действий, т.е. саморегуляции, в ценностном плане — форму самовыражения (самолюбия) как проявления своего «я» в жизни.

Глава III

ЧЕЛОВЕК — ОРГАНИЗАТОР СВОЕГО ВРЕМЕНИ

1. Время в жизни человека

Проблема психологического времени — одна из интереснейших и наименее разработанных в психологии. Особенность ее в том, что время и объективно (езде одинаково по своим законам), и индивидуально. Оно является мерилем жизни человека (ее событий, развития), но подчас не может переживаться «объективно», в отрыве от собственно личностных смыслов и значений.

Поскольку время «определено не только количественно, но и качественно и различается не только по количеству, но и по качеству»¹, ученые на протяжении длительного периода вели дискуссию (она проходила в основном между представителями естественных и гуманитарных наук) о том, каковы особенности этого «другого», не физического времени, имеет ли вообще последнее право на существование. Это время помимо основных физических параметров, присущих любому времени, должно обладать какими-то особыми признаками, которые определяли бы его как человеческое время². Разрешить многолетнюю дискуссию, отстоять «человечность» времени помогли психологи. Выделив сначала субъективное время, отличное от физического, они затем доказали, что «субъективность» — это принадлежность времени субъекту, а не субъективистское его истолкование³.

Внимание исследователей проблемы времени сосредоточилось на выявлении качественной специфики, качественной определенности времени (согласно определению К. Маркса), а не только на особенностях субъективного переживания хронологического времени. Накопленные в психологии и других науках сведения, факты постепенно раскрывали временные аспекты психики, механизмы их действия (такие, как скорость, ритм, интенсивность) с точки зрения «произвольного» управления этими механизмами субъектом в отличие от неуправляемых, физиологических процессов (альфа-, бета-ритмов, подвижности нервных процессов и т.д.). В этой связи скорость рассматривалась, в частности, как скорость управления человеком своими психическими процессами (их произвольное замедление или ускорение), темп — как произвольная психологическая интенсивность (с точки зрения значимости для личности интенсивного выполнения того или иного плана, задания), ритм — как психологически заданный и личностно обоснованный режим работы (количество перерывов, интервалов и т.д.).

Все развитие психики человека осуществляется во времени, поэтому психологи постепенно стали выделять периоды, этапы, события, поворотные пункты⁴. Появилось понятие жизненного пути⁵, или индивидуальной истории (по аналогии с общественной), развитие психики определялось как протяженное, удлиненное, изменяющееся во времени, имеющее прошлое, настоящее, будущее.

Проблема времени оказывается удивительно близкой ученому и писателю, критику и художнику, актеру и публицисту. За последние годы появилось множество произведений, посвященных философским проблемам времени, они ставятся крупнейшими писателями XX в.: М. Прустом, Д. Джойсом, В. Вулф, Ф.-С. Фицджеральдом, Т. Манном и др.

Проблеме времени отводится значительное место в произведениях классиков марксизма-ленинизма. К. Маркс писал, что, «если предположить наличие коллективного производства, определение времени, естественно, сохраняет существенное значение»⁶. Особенно актуальным становится Марксово положение об экономии времени, которое подтверждается всем ходом общественного развития: «Чем меньше времени требуется обществу на производство пшеницы, скота и т.д., тем больше времени оно выигрывает

для другого производства, материального или духовного. Как для отдельного индивида, так и для общества всесторонность его развития, его потребления и его деятельности зависит от сбережения времени. Всякая экономия в конечном счете сводится к экономии времени»⁷.

Почему именно психологическое время вызывает особый интерес? В первую очередь потому, что сегодня ученые-психологи ищут и определяют (наряду с социологами и обществоведами) оптимальные условия и характеристики процессов труда, отношений производства, коллективной и индивидуальной деятельности, изучают условия психологической совместимости людей, намечают способы рационального использования времени в системе «человек — машина», связанной со «скоростными» механизмами человека (такими, как скорость, темп, ритм и т.д.), с проблемой экономии времени за счет интенсификации.

Концепция труда, созданная К. Марксом, раскрыла за его внешними временными характеристиками (такими, как продолжительность рабочего дня, интенсивность труда) его сущностную социальную детерминацию временем. «Точно так же,— отмечал К. Маркс,— общество должно целесообразно распределять свое время, чтобы достичь производства, соответствующего его совокупным потребностям, подобно тому, как отдельное лицо должно правильно распределять свое время, чтобы приобрести знания в надлежащих соотношениях или чтобы удовлетворять различным требованиям, предъявляемым к его деятельности. Стало быть, экономия времени, равно как и планомерное распределение рабочего времени по различным отраслям производства, остается первым экономическим законом на основе коллективного производства»⁸.

Маркс показал, что время является и критерием общественных отношений, и социальной детерминантой всей человеческой деятельности, ее внутренним законом. Тем самым методологически был подорван описательный подход к пониманию социального времени как простой продолжительности, как простого течения событий во времени. Личность и ее труд предстали как жестко детерминированные общественным временем, как контролируемые во времени, как ускоряемые и ускоряющиеся. Тем самым коренным образом изменился подход, в рамках которого рассматривалась специфика времени личности. Личность уже не выступала как некий эпицентр, вокруг которого свободно и произвольно располагается прошлое, настоящее и будущее. Она стала рассматриваться как субъект времени своей жизни и ее организатор. При этом оптимальная регуляция, организация времени предполагают адекватное определение (оценку) личностью своих возможностей, выявление их соответствия или несоответствия внешним условиям деятельности. Следовательно, принадлежность времени субъекту предполагает регуляцию, планирование, «использование» времени самой личностью.

Особенность субъекта времени проявляется в таком «перераспределении» времени, при котором личность осуществляет выбор адекватного (внешним и внутренним запросам) способа деятельности (в общении, в образе жизни). При этом возможен выбор различных способов организации времени. Л. Сэв, например, определяет процесс регуляции времени как его «использование». В роли субъекта организации времени у него выступает «реальный базис личности», на основе которого и происходит это использование (или регуляция)⁹. Только выступая в качестве реального субъекта организации времени своей жизни, человек получает возможность своевременно и адекватно общественным задачам включаться в их решение, соотносить необходимое и свободное время своей жизни как на основании социальных запросов, так и на основании собственных планов, перспектив и т.д. Поэтому оптимальное для личности решение вопросов организации времени невозможно вне субъекта, помимо него.

Временная регуляция охватывает как деятельность в целом (с точки зрения соответствия ее плану), так и определение отдельных ее этапов, участков (выбор подходящего момента для совершения отдельной операции, способа связи, перехода от одной операции к другой, сокращения промежутков между операциями и т. д.)¹⁰.

Социальное время, предъявляя свои требования человеку, четко обозначает, в какой период он должен уложиться, чтобы социально не отстать, «успеть». Оно может выступать как «движущей силой» развития субъекта времени (с точки зрения совершенствования способов управления временем), так и его тормозом, стрессогенным фактором (в случае несформированности личностью своего качества как субъекта времени). Желание и необходимость соответствовать социальному времени, не отстать, «идти в ногу со временем» обуславливают такую стратегию организации времени, когда для того, чтобы не отстать, нужно «быть немного впереди». Стратегия «опережения» реального (хронологического) времени, планирования своих действий (событий) «наперед» является стратегией активного преобразования, «резервирования» или, наоборот, «использования» своего наличного времени, превращения его в условие своего развития, реализации своих задач и т.д.

Стратегия (если ее можно так назвать) «запаздывания» предполагает пассивное перераспределение времени (по дням, месяцам, не сегодня, так завтра), которое не используется для развития, не выделяется в свободное время и т.д. С точки зрения рациональной организации времени различаются стратегии «активного учета» социальных нормативов времени (сроков, темпов) при соблюдении своих «интересов» и стратегии «пассивного приноравливания» к внешним временным требованиям, когда человек покорно им подчиняется, а его планы так и остаются планами. Стратегия «активного игнорирования» нормативов времени в результате приводит к безнадежному отставанию, к профессиональной и личной некомпетентности, к дезориентации в происходящем и т. д. Только выявив место индивида на «пересечении» различных времен жизни, часто действующих в противоположных направлениях, можно определить его роль как субъекта согласования, соотнесения, связывания всех этих времен.

Каковы же реальные, жизненные критерии организации времени субъектом? Какими механизмами, средствами осуществляется эта организация? Для определения истинных критериев личностной организации времени мы ввели понятие своевременности. Своевременность выступает как предпосылка и условие адекватного (требованиям социального и личного времени) распределения времени. Без своевременности, т. е. без соответствия (согласования, координации) этих требований, невозможно оптимальное распределение времени жизни. Таким образом, можно сказать, что своевременность — это способ разрешения противоречия между социальным и личностным временем, способ приведения в соответствие внешних и внутренних условий жизни. Организация времени — это оптимальное соотнесение различных этапов, периодов жизни, установление оптимальной для личности последовательности жизненных событий, которое должно осуществляться личностью в срок (т. е. своевременно). Поэтому, возвращаясь к определению субъекта времени, можно сказать, что своевременность выступает как его неотъемлемое качество.

В обычной жизни мы нередко встречаемся с ситуациями, промедление в которых «смерти подобно», требующими своего немедленного разрешения. Поэтому, говоря об организации времени жизни, осуществляемой оптимальным для личности образом, мы указываем, прежде всего, на ее своевременное осуществление как на единственный критерий, актуальный в повседневной жизни. Своевременное действие, осуществляемое одномоментно, одноразово, может оказаться случайностью, никак не закрепляющейся в индивидуальном опыте человека (в его сознании, памяти). Своевременное действие, осуществляемое ежедневно, становится жизненной практикой, способом существования индивида во времени. Своевременное действие как ежедневная практика, привычка, становясь способом жизни человека, определяет его жизненную стратегию во времени, которая является стратегией «опережения» хронологического времени.

Своевременность проявляется в адекватном внешним временным нормативам использовании своих временных психических способностей и механизмов, в создании особой временной направленности деятельности, в ходе которой человек связывает разор-

ванные, разобщенные во времени объекты, придает им определенный ритм и скорость.

Различной оказывается мотивирующая сила своевременности: у ряда людей ярко выражена жизненная торопливость, безотносительная к реальным, объективным обстоятельствам их жизни, как будто время постоянно подстегивает их, как будто они постоянно боятся упустить главное. Однако как бы ни различались формы проявления (или не проявления) своевременности, она является необходимым качеством личности, условием реализации ее индивидуальных и социальных возможностей.

Своевременность важна и при овладении профессией, включая получение образования и становление мастерства, прохождение этапов профессиональной жизни (карьеры). Она диктуется и существующими социальными нормами — оптимальными возрастными сроками прохождения соответствующих этапов и личностной потребностью в самореализации. Иногда, даже неосознанно человек ставит себе сроки, оценивая их несоблюдение как жизненную неудачу. Последовательность основных жизненных шагов (получение образования, вступление в брак, рождение детей, этапы карьеры) располагается каждым человеком в своеобразном ценностно-временном измерении, в соответствии с чем они и получают определенную личностную оценку («еще успею», «еще рано», «уже поздно», «скоро будет поздно»). Эти временные смысловые оценки часто являются важнейшей составляющей жизненной мотивации (или ее падения), а затем и регуляции реальных соотношений личности с объективным временем. Сознание того, что я не успел вовремя жениться, получить образование, сделать карьеру, существенно снижает самооценку личности и ее удовлетворенность жизнью. Своевременность — таково важнейшее из качеств личности как субъекта жизни, осознанное или переживаемое основание регуляции времени жизни. Это качество, как показывают наши исследования, носит индивидуально-типологический характер.

Индивидуальную способность к регуляции времени можно рассматривать как способность к планированию, к определению последовательности операций во времени. Способность сосредоточивать максимум напряжения, усилий в данный момент, сохранять психические резервы до конца осуществления деятельности, устанавливать психологически и объективно целесообразную ритмику формируется и воспитывается у личности как способность к регуляции времени. Личность, способная работать в условиях временного стресса, снимать или усиливать его действие, может улавливать и выделять временные «пики», оперативно использовать все временные параметры, определять пределы, как допустимых опозданий, так и допустимых опережений.

При анализе способности к регуляции времени необходимо учитывать все уровни этой регуляции от простого напряжения всех физических сил, нервно-психических усилий, включая целесообразное распределение памяти, внимания, мышления, воли, до организации деятельности в ее временной последовательности, скорости. При этом каждый уровень регуляции времени выступает средством решения задачи регуляции времени на следующем уровне. Например, психическая регуляция выступает средством решения задачи регуляции деятельности. В свою очередь регуляция деятельности является условием превращения личности в субъекта деятельности.

Оптимальная форма проявления способности к регуляции времени — это организация жизни как единого целого, самостоятельное определение жизненных периодов, фаз, занятий, их последовательности и смысловой иерархии¹¹. Высший уровень развития этой способности означает, что вся динамика жизни начинает зависеть от ее субъекта, темпов и характера его развития. Продуктивное использование времени, ориентация во времени, способность по-своему распределить время в условиях, когда время наступления событий неопределенно, когда отсутствует строгая детерминация времени,— это особые личностные временные способности, которые и обеспечивают своевременность, продуктивность, оптимальность ее общественной и личной жизни.

Однако личностный уровень организации времени не может быть выведен только из закономерностей и особенностей психологического времени. Сущность личностной

организации времени может быть раскрыта через соотношение личности с таким целостным, специфическим, динамическим процессом, как ее жизненный путь.

В исследованиях жизненного пути личности наиболее важным для психологов оказалось определение субъективного времени¹². Далее необходимо было выявить специфику личностного времени, установить связь между субъективным и объективным временем, показать, как личность устанавливает эту связь, какую роль играет субъективное время в регуляции жизненного пути. Первоначально задача определения жизненного пути была поставлена Ш. Бюлер как нахождение интеграла биологического, исторического и индивидуально-биографического времени, в которой лишь угадывалась идея связи объективного и субъективного времени¹³.

Сторонники событийного подхода к жизненному пути предложили его членение на события как некоторые кванты, которые способны придать ему динамику. Однако им не удалось связать внешние события с внутренними и тем самым соотносить их периодизацию с субъективным личностным временем. Субъективный ряд событий оказался связанным с объективным лишь случайным совпадением во времени. Личность не рассматривалась как основание связи субъективного и объективного времени.

Ограниченность подходов к жизненному пути состояла в том, что личность не рассматривалась как организатор жизненной динамики, жизненного пути. Генетическая теория личности, идея качественного изменения и развития личности в процессе жизни, которая разрабатывалась П. Жанэ, Ж. Пиаже, С. Л. Рубинштейном и Л. С. Выготским, не была применена к анализу жизненного движения личности, не сомкнулась с представлением о личности, осуществляющей свою жизнь во времени. При анализе жизненного пути не рассматривался вопрос о том, как соотносится общественное и индивидуальное время в жизни личности.

Одно из основных противоречий индивидуальной жизнедеятельности заключается в противоречии между жесткой общественной детерминированностью личной жизни во времени и способностью личности к развитию, т.е. к возрастанию ее возможностей, умножению ее личностного времени в процессе жизненного становления и самоопределения. Расширение временных возможностей личности связано с жизненным опытом, с развитием способностей и умений, повышающих скорость осуществления деятельности, наконец, с развитием особой способности к личностной организации времени жизни.

По нашему мнению, именно целостность и непрерывность сущностно характеризуют развитие личности на протяжении всего жизненного пути в отличие от возрастного развития. Для каждой личности существует свой, пронизывающий все ее возрасты, единый на протяжении всего времени жизни способ развития. Он может носить прогрессивный или регрессивный характер, может осуществляться гармонично или противоречиво (противоречия между потребностями-притязаниями и способностями, между творческим типом личности и нетворческим характером профессии, труда и т.д.), может быть интенсивным или экстенсивным, более индивидуализированным или типичным.

Личностное развитие многоуровнево и сложно. Оно включает и природно-психическое, и социокультурное развитие личности. Однако при всей разноплановости уровней развития, при их гетерохронности (Б. Г. Ананьев), ведущее противоречие возникает в результате несовпадения возрастающих возможностей личности и социально заданных условий их реализации (труд, общение и т.д.) или в результате социальных возможностей и неспособности личности к их использованию. Неполная, неадекватная самореализация — это уничтожение ценности, а тем самым растрата личностного времени. Необратимость хода жизни (в природном смысле) лишь усиливает остроту этого противоречия.

Ценностное отношение к жизни проявляется в мотиве успеть воплотить себя в жизни, в чем-то непреходящем, в человечески-ценном, в общественно значимом. Эта

основная потребность объективации проявляется в стремлении расширить границы своего индивидуального бытия, воплотить, объективировать себя в формах, неподвластных течению времени, сделать свою жизнь более интенсивной в настоящем. Последнее и составляет основу деятельной личности, основу переживания времени как ценного (или как пустого, бессмысленного). Основное противоречие жизни личности может выглядеть так, что, совершая во времени реальные действия, поступки, личность оказывается не в силах переживать их как ценность (в силу общественных или личных причин). Это и есть обесценение, уничтожение личностного времени. В общественной жизни есть сферы, которые насыщены событиями, противоречиями, социально перспективны, характеризуются высокими темпами развития. Попадая в такие сферы, личность получает возможность интенсивно взаимодействовать со средой, приобретает высокий ритм жизни. Благоприятные общественные условия усиливают, увеличивают возможности личности, умножают ее потенциал.

Если способность к организации времени выступает как временное и ценностное упорядочение жизни, ее событий, этапов, то активность в организации времени — это реальное созидание времени жизни, его умножение, расширение, наполнение. Это достигается различными путями: в одном случае — оптимальным использованием человеком своих природных и психических возможностей (резервов развития), в другом — нахождением личностью оптимально-индивидуального темпа жизни, выбором оптимальной стратегии поведения, в третьем — своевременным включением личности в социальные процессы, оптимальным соединением индивидуальной и коллективной активности. Здесь своевременность раскрывается в связи с динамикой объективного хода жизни, социальных процессов и событий. Активность личности при этом может проявляться своевременно или несвоевременно.

Анализ развития личности, ее способности к организации времени жизни обнаруживает, что управление временем со стороны личности носит или прямой, или опосредованный характер. Развитие личности (ее опыт, знания, способности и, наконец, зрелость) есть потенциальное время (или потенцирование времени), которым личность не может управлять непосредственно. Но активность превращает это потенциальное время в реальное время (актуальное время), увеличивая временные возможности личности. Активность интенсифицирует жизненные и личностные процессы, способствует более полному самовыражению и тем самым увеличивает ценность реального времени жизни. Способность личности к организации времени жизни есть непосредственное управление временем, овладение им.

2. Организация людьми времени своей жизни

Человек должен определить, в какой последовательности осуществлять те или иные дела, решать жизненные задачи, чему посвятить больше времени, жизненных сил. Формальные показатели времени не раскрывают его ценности: человек может быстро что-то сделать, чтобы скорее перейти к интересному и главному делу. При организации разными людьми своей жизни на первом плане оказывается не различие биографий, или «судеб», людей, а зависимость хода жизни от самой личности, ее ускорение или замедление, интенсивность или экстенсивность.

Психологи установили, что время жизни можно рассматривать типологически. Типы личности, более включенные в социальную динамику, находятся в более прямых, жестких (краткосрочных) временных связях с социальными условиями. Они получают от социальных ситуаций своего рода дополнительное ускорение. Типы личности, слабо включенные в социальные процессы, которые не осознают свободное время как ценность, как правило, наиболее статичны и обладают малым «ускорением», поскольку не знают, чем это время заполнить. Это два крайних типа. Личности первого типа живут преимущественно в сфере общественно необходимого времени, соответственно их время и более

очерчено, от них требуется определенная производительность труда, определенная скорость. Одновременно они пользуются всеми ценностями общественного времени, они в меньшей степени являются субъектами собственной жизни, распределителями ее времени. Личности противоположного (второго) типа, максимально высвобождающие свободное время для «подлинной» жизни, минимально включены в социальные процессы. Свободное время личностями этого типа осознается как личностная ценность, но не присваивается ими как ценность. Свободное время превращается в антиценность, т.е. растрчивается или становится безличностным, обедненным способом жизни.

Таким образом, в регуляции времени жизни просматриваются различные личностные способы. Один из них заключается в максимальном соответствии требованиям общественного времени, в приравнивании к скоростям социальной жизни, к социальным требованиям, предъявляемым к личности. Другой состоит в том, чтобы, превратив время в самоценность, высвободить максимум свободного времени. Однако такие личности, как правило, не реализуют время как ценность, поскольку не используют его для своего развития.

Эти типы не встречаются в чистом виде: способ творческой жизни может совмещаться со способом социальной жизни и т.д. В этом случае движущие силы развития могут суммироваться — индивидуальные факторы развития усиливаются общественными. Однако вполне возможно, что соединение разных типов жизни порождает противоречия между ними на жизненном пути данной личности, и тогда развитие осуществляется в процессе разрешения ею противоречий.

Но методологически важно определить сначала тип соотношения личности и общества, способ жизни личности, найденный ею в обществе, и только в зависимости от этого конкретного соотношения можно выявить способ связи, соотношение общественного и личностного времени, способ регуляции личностью времени в смысле его ускорения, интенсивности, ценности.

Если соотношение индивидуального и общественного в жизни личности складывается сложно, противоречиво, т.е. личность не может включиться в общественную жизнь творческим образом, то собственно личностное время уничтожается как ценность, как способность, движение личности не идет ни по пути ускорения, ни по интенсивному пути.

Личность может рассматриваться под углом зрения присущих ей временных структур, особенностей и способностей только на основе определения ее как развивающегося во времени и движущегося по собственной пространственно-временной траектории субъекта. Она не только отражает время, не только относится к нему, переживая и регулируя его, но становится самостоятельным центром временной детерминации. Кроме временных требований общества, временных возможностей и резервов, которые ей предоставляет общество в виде его опыта (своего рода временной «резервуар»), личность сама определяется во времени. Это самоопределение касается того процесса, в котором в единстве происходит и ее развитие, и ее движение, т.е. жизненный путь. Специфика жизненного движения личности заключается в решении самой общей задачи, самого глобального противоречия — между жесткой объективной детерминированностью личной жизни во времени и одновременно возможностью маневрировать во времени и наращивать свои временные резервы, потенцировать время.

В самом общем виде развитие личности — это возрастание ее возможностей, возрастание и умножение личностного времени. Развитие во временном выражении — это своеобразная «производительность» (не труда, а самой жизни), разрешающая способность личности. Развитие, будь то собственно развитие или воспитание в своем временном выражении, — это форма потенцирования времени, создания временных резервов. Идея резервирования, сохранения времени и его передачи в форме культуры, накопленного опыта должна быть распространена и на само развитие личности. Развитие в его оптимальных формах — это умножение и возрастание активности личности, которая есть

не что иное, как жизненная «производительность».

В процессе жизни личность оптимально использует эти резервы (что нельзя считать самоактуализацией в биологическом смысле, как предполагал А. Маслоу). Превращение резервов развития в движение, носящее более интенсивный характер, в самодетерминацию — это и есть задача, решаемая личностью на протяжении жизненного пути. Личность оказывается способной увеличить время жизни, умножить социальное время на временной потенциал своего развития. Она проводит свою линию, протягивает ее через все время жизни (более или менее последовательно), сохраняет основную задачу жизни, несмотря ни на какие изменения, обеспечивает определенную смысловую связь между прошлым, настоящим и будущим. Иногда для личности удержание этой линии представляет труднейшую жизненную проблему.

Активность личности может носить стихийный характер и достигать оптимальности случайным, подражательным путем. Или проявляя активность, личность может учитывать закономерности общественного времени, общественные требования, т.е. по существу активно осуществлять общественно необходимые требования, последовательно и самостоятельно их реализовывать. На основании параметров активности, учета описанных выше типов, а также некоторых общих характеристик личности можно выделить четыре типа регуляции времени (по В. И. Ковалеву).

1. Стихийно-обыденный тип: личность находится в зависимости от событий и обстоятельств жизни. Она не успевает за временем, не может организовывать последовательность событий, предвосхищать их наступление или предотвращать осуществление. Этот способ организации времени жизни характеризуется ситуативностью поведения, отсутствием личностной инициативы, т. е. краткосрочной и пассивной регуляцией.

2. Функционально-действенный тип: личность активно организует течение событий, направляет их ход, своевременно включается в них, добиваясь эффективности. Однако инициатива охватывает только отдельные периоды течения событий, но не их объективные или субъективные последствия; отсутствует пролонгированная (длительная) регуляция времени жизни — жизненная линия. Данный тип является примером краткосрочной активной регуляции времени (событийное время).

3. Созерцательно-продолгованный тип: личность пассивно относится ко времени, у нее отсутствует четкая организация времени жизни.

4. Созидательно-преобразующий тип: личность пролонгировано осуществляет организацию времени, связывая его со смыслом жизни, с решением общественных проблем, творчески овладевает временем.

На основе этой типологии можно еще раз убедиться в недостатках событийного подхода к жизненному пути: для первых двух типов жизненный путь действительно выступает как событийный, но это происходит в силу их временной организации, которая носит краткосрочный характер. Для двух последних типов жизненный путь выступает как длительное целостное образование, как непрерывная жизненная линия, хотя их жизнь объективно также состоит из цепи событий.

Данная типология строилась всего по двум основаниям, но косвенно выявилась и ценность времени для каждого из типов, и возможность определения этой ценности. Так, для функционального типа значимыми выступают только данная ситуация и данный момент его активности; когда же «дело сделано», время теряет свою ценность. Новый подъем активности и расчет момента действия, соотношения внешних и внутренних сил и т. д. привязан только к следующей ситуации.

Л. Ю. Кублицкене под нашим руководством была предпринята попытка изучить соотношение субъективного и объективного времени, взаимосвязь переживания, осознания времени и его практической регуляции. Для эксперимента на основании анализа разных видов профессиональной деятельности были выделены основные общие временные режимы, в которых она чаще всего осуществляется: 1) оптимальный для

осуществления деятельности срок, данный человеку; 2) неопределенный срок для осуществления этой деятельности, при котором он сам должен определить момент ее окончания; 3) лимит времени, когда человеку необходимо достаточно напряженно работать, чтобы уложиться в данное ему время; 4) избыток времени, когда его дается заведомо больше, чем необходимо; 5) дефицит времени, т. е. явно недостаточное время.

Эти варианты временных режимов предлагались испытуемым (аспирантам) в виде особой методики, включавшей эти временные задачи. Каждый должен был развернуто ответить, как он реально действует в каждом из режимов, и как нужно было бы действовать в идеале. После получения ответов удалось построить следующую типологию.

Тип, условно названный оптимальным, во всех временных режимах действовал успешно, т.е. справлялся с любыми, временными задачами; его переживания не были связаны с его деятельностью. Можно сказать, что этот тип личности раскрывает более конкретно механизм способности к организации времени. На наличие такой способности указывает то, что он успешно работает в любых временных режимах, способен к решению любых временных задач. (По-видимому, именно он является творческим типом по типологии В. И. Ковалева.)

Тип, названный дефицитным, все сроки сводит к дефициту времени, т.е. субъективно уравнивает все временные режимы, но действует успешно. Ведущей для него является внешняя заданность времени, причем минимального времени, именно поэтому его переживания времени также не связаны с его деятельностью, не участвуют в ее регуляции.

«Спокойный» тип, наоборот, испытывает трудности в режиме дефицита времени или ограниченного срока, а в остальных режимах действует успешно. Этому типу людей целесообразно заранее сообщать о предстоящей деятельности, и тогда они в порядке саморегуляции успешно с ней справятся, организуя и упорядочивая свое время. Переживания этого типа двойственны: когда он определяет сроки сам, то он переживает время как напряженное, что свидетельствует о его самомотивации и саморегуляции, когда же время задается извне, он дезорганизуется.

Тип «исполнительный» успешно действует во всех режимах, кроме временной неопределенности, т.е. почти во всех режимах с внешне заданным сроком. В его переживаниях времени преобладает эмоциональное отношение, что, по-видимому, связано с особым чувством порядка и удовлетворенности.

«Тревожный» тип личности успешно действует в оптимальном сроке, неплохо работает при избытке времени, но всячески избегает его дефицита, что и отражается в характере переживания времени.

«Неоптимальный» тип ни в одном из режимов не действует успешно, что отражается в конфликтном характере его переживания времени.

Эта типология строилась с целью выявления стратегий действия в разнообразных режимах, и она фактически отражает предпочтения людей, их ориентацию на заданность им срока извне или на самостоятельное определение времени своей деятельности. (Причем интересно, что один тип личности сам себе определяет время так, что все сводит к дефициту, т.е. сам сводит свою свободу во времени к жесткой заданности извне.)

Оказалось, что первый тип безразличен к тому, задано ему время или он определяет его сам, что и свидетельствует о высоком уровне развития его способности к организации времени. Типология раскрыла временные режимы, оптимальные для каждого типа, и те, которых он избегает, где его деятельность неуспешна. Такая психологическая характеристика людей позволяет им точнее профессионально определиться, выбрать наиболее подходящий для них режим работы внутри профессии. Зная свои особенности организации времени, человек будет их учитывать, с тем, чтобы избегать трудных для себя временных режимов, или же тренировать, совершенствовать свои возможности в организации времени.

Очевидно, что существуют типы людей, самоорганизующиеся во времени, и типы,

которыми нужно руководить. Надо ли предоставлять человеку время в избытке для выполнения той или иной работы, если он ее сделает в последнюю минуту? Может быть, именно с таким человеком нужно браться за «горящую» работу? Ясно, что именно ему нужно учиться иначе организовывать, планировать свое время. Эксперимент показал далее, что одни люди осознают время как жизненную ценность, другие воспринимают лишь его практический, прагматический и даже ситуативный смысл. Осознание людьми значения времени также различно: одни осознают время как личностную ценность, другие — как внешне заданную проблему (время задано извне, его объективно не хватает и т. д.). Для одних типов людей проблема времени (его нехватка) стоит как осознанная жизненная проблема, для других она попросту не существует, а вопросы об отношении ко времени вызывают у них удивление, кажутся непонятными.

3. Жизненные перспективы личности и организация времени

Наиболее интересные подходы к личностному времени сконцентрировались вокруг проблемы временной, или жизненной, перспективы (К. Левин, Л. Франк, И. Наттин, Р. Кастенбаум и др.). Говоря о проблеме временной перспективы, психологи сводят ее к сугубо субъективным параметрам времени, к определению его ценности¹⁵. Одни психологи определяют будущее соотносительно с прошлым и настоящим, другие — с точки зрения его структурированности, третьи — ценностного содержания. Мы предлагаем различать психологическую, личностную и жизненную перспективы как три различных явления.

Психологическая перспектива — это способность человека сознательно, мысленно предвидеть будущее, прогнозировать его, представлять себя в будущем. Эта способность, как показывают наши исследования, зависит от типов личности. Так, у подростков (старшеклассников), находящихся в том возрасте, когда человек преимущественно живет будущим, выявляются различные психологические перспективы. У одних представления о будущем связаны с профессиональным выбором, у других — с личностными притязаниями и со своими будущими достижениями (удачная карьера), у третьих — с личными устремлениями и потребностями (дружба, любовь, семья). Эти различия связаны с ценностными ориентациями, предпочитаемыми сферами жизни. У некоторых подростков настоящее и будущее резко разделены в силу неопределенности (проблематичности) поступления в институт, профессионального выбора.

Личностная перспектива — это не только способность человека предвидеть будущее, но и готовность к нему в настоящем, установка на будущее (готовность к трудностям в будущем, к неопределенности и т. д.). Такая перспектива может быть даже у личности с бедным, нерасчлененным, неосознанным представлением о будущем (что может быть связано с бедной фантазией). Личностная перспектива — это, прежде всего, свойство личности, показатель ее зрелости, потенциала ее развития, сформировавшейся способности к организации времени.

Жизненная перспектива не всегда открывается тому, кто обладает психологической перспективой, т.е. способен предвидеть будущее, и даже не тому, кто обладает личностной перспективой, личностными возможностями, потенциалом, зрелостью. Жизненная перспектива включает совокупность обстоятельств и условий жизни, которые при прочих равных условиях создают личности возможность для оптимального жизненного продвижения.

Чаще всего жизненная перспектива открывается тому, кто сам в настоящем создал систему оптимальных (т. е. имеющих множество возможностей) жизненных отношений, систему опор, которые обладают всевозрастающей ценностью. Совокупность таких отношений мы называем жизненной позицией, которая целостным образом определяет будущее личности. Жизненные рубежи, достигнутые человеком, способствуют ускорению достижения им жизненных целей, потребуют в будущем меньше усилий, в известном

смысле обеспечивают, гарантируют это будущее. Человек, обладая личностной перспективой при отсутствии выработанной позиции, может быстро исчерпать свои личностные возможности, способности, попадая в периоды жизни, насыщенные трудностями, противоречиями или, напротив, бедные событиями, не способствующие развитию.

Социальные психологи и социологи уделяют много внимания проблемам выбора профессии, профессиональной адаптации, развития профессиональных способностей, удовлетворенности трудом и профессией. Б. Г. Ананьев отмечал, что трудовая деятельность выступает как условие и форма проявления зрелости личности (в том числе профессиональной ¹⁶). Однако вопрос о способе связи (или идентификации) личности с профессией не ставился. Между тем, по нашему мнению, характер связи (в том числе идентификации) личности с профессией определяет и потенциал ее движения в будущем, и удовлетворенность в настоящем, иными словами, и перспективу, и ретроспективу личности.

Идентификация, как показывают исследования, осуществляется разными способами, что позволило нам условно выделить и разные типы личности, использующие эти способы. Основываясь на результатах исследования, можно сказать, что для одного типа личности круг профессий ограничен и определен ее особенностями. Если человек совершает свой выбор случайно, неадекватно, то в перспективе его ждет смена профессии, поиски новой. Жизненная перспектива выступает для этой личности как постоянное (или временное) занятие данной профессией. Для второго типа личности круг профессий определяется возможностями профессионального роста, а перспектива предстает как карьера. Для третьего типа профессия определена его потенциальными способностями, а перспектива выступает как профессиональное развитие. Для четвертого типа спектр профессий достаточно широк, хотя на первый взгляд кажется, что ярко выраженные способности людей этого типа ограничивают выбор профессии. На самом деле основанием идентификации является способность людей к творчеству и активности, а перспективой — возможность творчества.

Существует идентификация с общественной деятельностью. Она дает огромную социальную перспективу, которая соединяется с профессиональной перспективой любого типа. Наконец, особый вид идентификации с профессией представляет собой такая идентификация, которая дает личности перспективу повышения уровня материального благосостояния. При выборе профессии это почти исключает выбор низкооплачиваемой профессии, и если все же личность ее осваивает, то ставит в прямую зависимость профессиональное продвижение и уровень оплаты труда. Эта направленность чаще всего входит в качестве дополнительного мотива во все виды профессиональной идентификации, однако не становится главной причиной смены места работы или профессии. Для некоторых людей такая направленность заменяет отсутствие интереса к профессии, а также работу не по специальности. Слабая вовлеченность в профессию приводит к концентрации активности в сфере обыденной жизни, в сфере потребительства.

Если материальная заинтересованность находится в разумном сочетании с профессиональной идентификацией, то повышение материального уровня выступает как психологически ценная жизненная перспектива личности. Если же она оказывается ведущей, то, порождая равнодушие к профессии, к делу, она выступает как регрессия личностной перспективы. Перспектива побольше заработать и побольше приобрести обладает низкой психологической насыщенностью, а потому ведет либо к постоянному росту этой потребности и усилий личности по ее удовлетворению, либо к психологическому регрессу личности, возникновению чувства скуки.

В определенный период жизни потребность в труде (желание быть материально независимым от родителей) становится основной жизненной потребностью. Для другой возрастной группы труд может выступать средством удовлетворения потребности личности в общественном признании, престиже, способом самовыражения, признания

обществом ее индивидуальности. Эти качества труда делают его важнейшей основой жизненной перспективы личности взрослого человека.

Как же соединяются жизненные перспективы разных людей, например, при создании семьи? Особенности положения в семье советской женщины в значительной степени определяются ее материальной независимостью, которая породила ее социальную и психологическую самостоятельность. Она получила психологическое право на активный выбор партнера, на сохранение беременности в случае неустойчивости брака и другие свободы. Круг проблем, по которым раньше принимал решение мужчина или решения принимались совместно, сместился в сферу менее фундаментальных, бытовых жизненных проблем. Эпицентром совместной жизни оказались формы общения и совместная домашняя деятельность бытового характера. Жизненной перспективой в семье для большинства женщин был и остается ребенок. Если ребенок выступает как жизненная перспектива и для мужчины, то семейные отношения становятся перспективными, а домашний труд — осмысленным и инициативным для обоих партнеров. Если же жизненная перспектива для мужчины ограничивается сферой профессионального труда, а в ребенке он не находит значимой перспективы, то перспективы мужчины и женщины оказываются в противоречии, что нередко ведет к разрушению семьи.

Часто при бесперспективной идентификации с профессией свободное время рассматривается мужчиной как время отдыха, для женщины — это время интенсивного, необходимого труда по обслуживанию семьи и ребенка. Женщина оказывается ответственным лицом и инициатором этого труда, поэтому, несмотря на его обременительность, он является для нее и психологически перспективным. Для многих мужчин этот труд становится принудительным или добровольно-принудительным, лишенным перспективы. Поэтому, на наш взгляд, проблема брака в настоящее время — это отыскание мужчиной такой психологической позиции в семье, которая бы соединяла взаимодополняющие перспективы, основанные, прежде всего, на ответственности за воспитание детей, за материальное обеспечение семьи и т.д.

Опросы старших школьников показали, как отмечалось выше, что, будучи психологически притягательным, будущее не всегда является лично перспективным. Барьер создается неясностью оснований для выбора профессии, незнанием своих способностей, трудностями поступления в институт, т.е. независимостью будущего от личности, его неопределенностью. У одной части молодежи это вызывает рост активности, направленной на преодоление трудностей, у другой, наоборот, пассивность. Иногда падение активности (плохие успехи в учебе, слабая тяга к образованию) наступает сразу после поступления в институт, что, однако, не является парадоксом. Казалось бы, достижение цели (поступление в институт) должно вести к росту активности, но само поступление оказывается для одних подтверждением их зрелости, состоятельности, для других — случайностью. Отсюда совершенно разные психологические перспективы и разная активность. Это доказывает, что возрастной способ профессиональной идентификации, мера самостоятельности, активности в выборе профессии оказываются существенными для профессионально-образовательной перспективы студентов, а тем самым и для их жизненной перспективы.

Уход на пенсию также порождает важные психологические проблемы. Пенсионный возраст характеризуется тем, что он позволяет старшему поколению строить и находить новые жизненные перспективы вне сферы профессионального труда. Для одних таковыми становятся хобби, путешествия, для других — домашний труд в пользу семьи, воспитание внуков. Однако статистические данные показывают, что некоторые мужчины, находившие в труде смысл жизни, уходя на пенсию, теряют перспективу, начинают болеть и быстро стареют. Есть и такие, кто заботу о здоровье превращает в жизненную цель. Не касаясь всех проблем этого возраста, можно назвать только одну, наиболее тесно связанную с семьей. Когда в семье сталкиваются педагогические идеалы старшего и среднего поколений, последнее иногда оставляет за старшим лишь труд в пользу семьи,

отстраняя от воспитания внуков. Следует учитывать, что для стариков уже не дети, а внуки становятся центральной жизненной перспективой. В силу сужения реальной жизненной позиции и физических, профессиональных возможностей жизненная перспектива их объективно ограничивается, что требует бережного отношения к их психологической перспективе.

Жизненные перспективы личности, их дальность, надежность и т.д. определяются профессиональным, семейным и возрастным самоопределением в жизни, которое зависит от личности, от ее социально-психологической и социальной зрелости и активности. Профессиональные, семейные и возрастные отношения должны быть нацелены на помощь каждому человеку в поисках оптимальных жизненных позиций, открывающих жизненные перспективы, дающих возможность личности направить на них свою активность.

Глава IV

ЛИЧНОСТЬ В ПРОЦЕССЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ОБЩЕНИЯ

1. Личность как субъект деятельности

В процессе деятельности человек действует не по абстрактной схеме, а в разнообразных общественно необходимых формах решает общественно необходимые задачи, направляет свою активность на поиски оптимальных путей решения этих задач. Рассматривая деятельность как общественно необходимую, т.е. общественно организованную, социально регулируемую, нормируемую и т.д., необходимо выяснить, как личность (группа, коллектив, и т.д.) становится ее субъектом. Для социальной психологии это, прежде всего, проблема отношения личности к общественно необходимой деятельности (труду). Для психологии труда, психологии профессии это проблема сочетания психологических, личностных особенностей и профессиональных требований деятельности. Возникает вопрос о согласовании активности человека с объективными формами деятельности и тем самым о различении активности и деятельности и их согласовании. Вопрос о согласовании, соизмерении объективных и субъективных факторов деятельности решается не помимо человека, а именно посредством особой его активности. Он мобилизует активность в необходимых, а не в любых формах, в нужное, а не в любое удобное время и т. д. и вместе с тем действует по собственному побуждению, использует свои способности, ставит свои цели.

Требования деятельности, ее характеристики и условия — временные, пространственные, технические и т.д.— не по отдельности соотносятся с теми или иными психическими качествами личности (как это долго пытались делать в инженерной психологии), а опосредованно, через личность, которая и придает им целостность. С одной стороны, человек вырабатывает комплекс психологических режимов деятельности в зависимости от своего состояния, способностей, отношения к задачам; с другой — определяет свою стратегию и тактику; и с третьей — выявляет динамику требований и фрагментов деятельности. Этот комплекс формируется человеком как динамическая целостная система деятельности, способная изменяться, а не как раз и навсегда заданная.

Человек стремится к оптимальному согласованию внешних и внутренних условий своей деятельности, разных уровней своей активности — начиная от психической и кончая социально-психологической. Показателем оптимальности является продуктивность деятельности: при оптимальном согласовании происходит возрастание, умножение психической и личностной активности. Продуктивность труда создается за счет организации деятельности человеком. Одновременно продуктивность способствует развитию и совершенствованию самой личности, обуславливает ее переход на качественно новый уровень деятельности.

В процессе общественной жизни осуществляются передача опыта, организация деятельности и постоянная социальная регуляция деятельности индивида (в виде норм, условий, временных режимов и т.д.). Общественная регуляция деятельности не исключает ее индивидуальную регуляцию человеком, саморегуляцию. Оптимальное сочетание общественной и индивидуальной регуляции зависит от того, в какой мере личность становится подлинным субъектом деятельности. Общество определяет формы деятельности и свои требования к деятельности индивида, а личность вырабатывает свои, т.е. индивидуальные, формы активности и связывает все это в деятельности. Зависимость личности от общественных отношений опосредуется ее позицией в этих отношениях и характером ее активности, особенность которой в свою очередь определяется ее жизненным путем. Личностная активность проявляется в становлении человека субъектом

деятельности, когда у него возникает собственное отношение к деятельности, создается свой «стиль» ее осуществления.

Из предметов, средств, условий и т.д. личность как субъект деятельности формирует целостный контур деятельности, т.е. эта целостность создается ею из производственных, социальных, экономических элементов и т.д. При этом человек сочетает объективные требования и собственные интересы, цели, опыт, мотивы, способности, свои состояния активности. Мера соответствия задач возможностям субъекта (трудность, пропорциональность, своевременность и т.д.) выступает критерием качества осуществления деятельности.

Для всех людей, живущих в социалистическом обществе, в равной мере обязательны труд, участие в общественной жизни и т.д., но отношение людей к труду различно; наряду с позитивным существует и негативное отношение: для одних труд — действительная личностная потребность, смысл жизни, для других — средство материального благосостояния, для третьих — занятие, служба и т.д. Отношение к труду как к общественной необходимости, которая становится для личности долгом или потребностью, предполагает и отношение к обществу, к реальным людям, вместе с которыми трудится человек, отношение к данному коллективу, к данной профессии, представление о своем возможном месте в ней, т.е. выражает жизненную позицию в целом. Труд становится или делом жизни, или интересным занятием, или тяжелой обязанностью. (Когда деятельность превращается в последовательность отдельных заданий, дел, ситуаций, то она определяется только рабочим днем, рабочим местом и т.д.)

Ценность деятельности для личности связана, прежде всего, с возможностью самовыражения, применения своих способностей, с возможностью творчества. «Лишь в границах деятельности определенного субъекта любые реальности — действительные и воображаемые — выстраиваются в *смысловой ряд*, в иерархию ценностей, в актуальный жизненный мир, запечатлевающий неповторимость судьбы этого субъекта»¹.

Обычно в научной литературе подчеркивается роль деятельности в преобразовании действительности, в созидании и изменении предметного мира. Однако деятельность конкретного человека, отдельной личности редко обладает такого рода масштабом, т.е. создает новые ценности в искусстве, науке, промышленности. Притягательным в ней для каждого субъекта оказывается приобщение к деятельности общества, к задачам, решаемым в тех или иных профессиях, а не только производство той или иной продукции. Возможность выразить себя в деятельности, в профессии — основная потребность личности как субъекта, отличающаяся от частных и конкретных мотивов.

Реально не любая личность самовыражается в деятельности, не любая деятельность отвечает притязаниям личности. Ценность деятельности для личности строится и определяется на пересечении многих составляющих — и общественной престижности данной деятельности, и возможности самовыражения в ней и т.д. Так конкретно формируется личностная мотивация деятельности.

Ценность деятельности для личности изменяется на протяжении жизни в зависимости от того, насколько с течением времени человек считает, что он уже реализовал себя в профессии, доволен своей позицией в ней, достигнутыми результатами. Для субъекта деятельности характерна такая вовлеченность в дело, такая ответственность (за судьбы науки, культуры и т.д.), которые даже при возрастании трудностей не дают ему возможности изменить свое отношение к делу. Возникающие в процессе деятельности трудности предстают перед личностью как перспектива возможности их разрешения своими силами.

Нормативные требования труда, обращенные к человеку, различны и не всегда четко определены. Они жестко фиксированы в системе «человек — машина», где технические особенности системы требуют от человека строго определенных нормативных действий (скорости, ловкости и т.д.). В других профессиях нормативные требования выражены не столь явно, поскольку человек должен сам в целом справиться с совокупностью

профессиональных задач (он может это делать и лучше, и хуже). Тогда перед личностью возникает проблема соответствия или несоответствия профессиональным требованиям, нормам, которую она решает в комплексе с другими проблемами. Например, стоит ли при невысокой оплате труда заниматься трудной для нее профессиональной деятельностью?

Формирование отношения к труду происходит в процессе профессионального становления личности, развития ее профессионального мастерства, интереса. В психологии труда довольно подробно исследован процесс овладения профессией, развития профессиональных способностей, профессионально важных качеств, индивидуального стиля деятельности. Профессиональное совершенствование личности, рост ее мастерства ведут к развитию ее творческого, инициативного отношения к труду.

Становление личности субъектом деятельности происходит не только в процессе овладения ею общественно-историческими формами деятельности, не только в ее осуществлении на общественно необходимом нормативном уровне, но и в организации деятельности и своей активности. Организация личностью своей активности сводится к ее мобилизации, согласованию с требованиями деятельности, сопряжению с активностью других людей. Эти моменты составляют важнейшую характеристику личности как субъекта деятельности. Они выявляют личностный способ регуляции деятельности, психологические качества, необходимые для ее осуществления.

Личность как субъект деятельности может приспосабливать свои индивидуальные особенности, способности к конкретным задачам деятельности. Способность непротиворечиво соединять все уровни регуляции деятельности есть способность саморегуляции. В зависимости от способа связи психических и личностных (мотивы, способности и т.д.) уровней деятельности она приобретает оптимальный или неоптимальный характер. В последнем случае возникают вторичные психические и личностные образования — усталость, скука, чрезмерная перенапряженность, негативные эмоциональные состояния, стресс и т.д. Тогда в саморегуляцию включаются специальные задачи по преодолению этих негативных состояний (например, чем снять утомление, раздражение, перенапряжение и т.д.).

Способ связи индивидуальных психических особенностей носит или оптимальный, или неоптимальный для данной личности характер, ее активность может находиться как на минимальном, так и на максимальном уровне. В процессе осуществления деятельности она может умножаться, возрастать, а может и истощаться, подавляться. Психологом Крепелином были отмечены два фактора работоспособности: позитивный — упражнение и негативный — утомление.

Сама активность личности в деятельности выступает в разных конкретных формах: работоспособности человека, дееспособности, трудоспособности и конкретных индивидуальных способностей личностей. Уровень активности, ее длительность, устойчивость и т.д. зависят как от согласованности и оптимальных сочетаний разных компонентов (эмоционального, мотивационного и т.д.), так и от способа, с помощью которого личность как субъект включается в решение задач деятельности, от позиции, которую она занимает в этой деятельности. Так, человек может приступить к деятельности на основе высокого уровня своих притязаний, переоценивая при этом свои возможности и недооценивая сложность предстоящего дела. Однако у него может оказаться недостаточной мотивация достижения, настойчивость (или способность к риску), благодаря чему относительно простое дело он выполняет хуже, чем человек, реально оценивший свои возможности.

По мере осуществления деятельности может выявиться, что привлекательность дела и важность цели гораздо ниже, чем затрачиваемые на преодоление трудностей усилия, и человек, если он не опирается на волевое усилие, не имеет развитой ответственности, может прекратить деятельность.

Саморегуляция — это тот механизм, посредством которого обеспечивается централизующая, направляющая и активизирующая позиция субъекта. Она осуществляет

оптимизацию психических возможностей, компенсацию недостатков, регуляцию индивидуальных состояний в связи с задачами и событиями деятельности. Она обеспечивает также целевое и смысловое соответствие действий субъекта этим событиям, своевременность, пропорциональность действий и т.д.

Включение в деятельность требует от субъекта расчета сил на весь период деятельности, особенно на непредвиденные трудности, неожиданности и т.д. Например, человек, читающий лекцию, должен рассчитать силы и для ответов на вопросы. На этот период он должен сохранить потенциальные резервы или мобилизовать свои возможности. В целом способность субъекта соотносить свои возможности и индивидуальные особенности с характером решаемых задач является одной из важнейших характеристик саморегуляции. Есть виды деятельности, которые требуют напряжения на первых этапах, другие — на завершающих, третьи требуют максимальной активности в непредвиденный и незаданный момент времени.

Выбор принципа действия или принятие того или иного решения есть своеобразное самоопределение субъекта, которое меняет соотношение предыдущих и последующих этапов деятельности и определяет их психологический характер. Переломный момент перехода от периода адаптации деятельности к периоду стабилизации индивидуально варьируется. Посредством саморегуляции личность поддерживает стабильный уровень активности независимо от изменчивости психических состояний на том или ином этапе.

В организацию деятельности входит неосознаваемая саморегуляция активности: последовательность включения восприятия или мышления, способ реализации своих способностей, психические и личностные темпы деятельности, установка на трудность (легкость) и многое другое. Каждая личность, став субъектом, определенным образом приспособливает и реорганизует свои особенности в связи с характером деятельности. Субъект типичным и удобным для себя образом актуализирует, преобразует, направляет систему тех качеств, которыми он обладает как личность.

Саморегуляция заключается в направленной активизации психических процессов, в поддержании их определенного характера и интенсивности; она обеспечивает непрерывность психической активности на протяжении единой личностно значимой линии деятельности. Нахождение принципа действия, принятие решений (Б. Ф. Ломов, Д. Н. Завалишина) есть выработка субъектом определенных способов по ходу осуществления деятельности, которые и выражают его позицию в деятельности, и помогают оптимально ее осуществлять.

Механизмы оценки и контроля, выделение принципа действия, принятие решений — эти моменты раскрывают системный характер активности субъекта в его целостном соотношении с требованиями деятельности. Однако сказанное не означает, что эти механизмы всегда взаимодействуют оптимально. Механизмы контроля, связанные с оценкой успешности (неуспешности) своих действий, могут принимать негативную эмоциональную окраску, фиксироваться на мелочах и тем самым препятствовать формированию принципа действия. Но и привязанность к внешним требованиям, которые буквально учитываются исполнительным типом, строгое соблюдение любых правил осуществления действий, формальных инструкций могут подавлять его мотивацию и творческий поиск.

В ходе конкретной деятельности перед субъектом возникает задача композиции принципа действия, ее конкретных задач и целей и их соподчинения, последовательности, т.е. стратегии и тактики деятельности. Простыми примерами возможных стратегий является выработка целей, предварительное составление плана действия и перспектив его реализации. Однако существуют типы людей с противоположными стратегиями: они сначала совершают действие, поступок, подчиняясь непосредственному побуждению, и лишь затем начинают их анализировать. Стратегия субъекта может проявляться в стремлении избегать трудностей, в установке на их преодоление, в ориентации на внешние опоры или с расчетом на собственные силы.

Саморегуляция не всегда осуществляется объективно-оптимальным и субъективно-удобным образом. Эти же особенности личностной регуляции проявляются и в психологической, и в личностной «цене» деятельности. Поддерживать определенный уровень активности можно двумя способами: перенапряжением всех сил, что ведет к утомлению, падению активности, и за счет эмоционально-мотивационного подкрепления (психологически легкого и удобного способа). Не следует думать, что возможности совершенствования саморегуляции безграничны, что все ее уровни осуществляются только сознательно. Ряд процессов и способов действия из первоначально сознательно и произвольно регулируемых превращаются в неосознаваемые. В психологической системе саморегуляции есть не только гибкие, но и жесткие связи. Но с точки зрения принципа развития важно отметить главное: качество осуществления деятельности субъектом является результатом совершенствования всей системы его психической организации, а не результатом простого развития отдельных психических процессов и свойств.

Субъект с учетом своих индивидуальных особенностей (возможностей и недостатков) согласует систему своих личностных качеств (чувств, мотивации, воли) с системой объективных условий и требований решаемой задачи. Итак, позиция субъекта — это комплексная характеристика психологических режимов деятельности в соответствии со способностями, состояниями, отношением субъекта к задаче, с одной стороны, его стратегией и тактикой — с другой, наконец, с объективной динамикой деятельности (ее событиями и фрагментами) — с третьей.

В зависимости от опыта субъект обладает большей или меньшей способностью прогнозировать наступление событий. В свою очередь такой прогноз преобразует его внутреннее состояние: чувство неуверенности перед неожиданным наступлением событий заменяется состоянием готовности к любым неожиданностям. Именно системный характер саморегуляции позволяет понять источник мобилизации субъектом своих сил и резервов, а не только источник компенсации недостатков.

Очевидно, что мотивированная деятельность, т.е. представляющая интерес для субъекта, порождает положительные эмоции, вызывает чувство удовлетворения. Деятельность человека, обладающего способностями, также порождает дополнительную мотивацию к творчеству, мотивацию самовыражения, достижения. Если задача, дело являются жизненно значимыми, регуляция текущих состояний (болезнь, усталость и т.д.) не требует тех волевых усилий, которые необходимы при низкой значимости деятельности.

Индивидуальные особенности деятельности стали предметом изучения и получили название индивидуального стиля деятельности (это касается и личности руководителя, и личности в любой другой профессии). Под стилем деятельности имеются в виду устойчивые, обобщенные особенности осуществления деятельности данной личностью. Стил проявляеся в том, как человек действует всегда. Кроме того, есть особенности регуляции и саморегуляции деятельности, которые не охватываются понятием «стиль». К ним относятся индивидуальные особенности организации деятельности субъектом.

Психика каждого человека, как отмечалось, имеет индивидуальные временные особенности (скорости психических процессов, смена их последовательности во времени, периоды активности-пассивности и т.д.). Общая характеристика стиля проявляется, например, в том, что один человек всегда опаздывает, другой — делает все заранее. Организация личностью своей деятельности состоит в том, чтобы, опираясь на временные параметры своей психики, оптимально сочетать во времени свою активность и деятельность. Речь идет уже о своевременности мотивации, об оптимальном использовании своих способностей, об оптимальности и своевременности волевого напряжения и т.д.

Личности как субъекту деятельности свойственны и такие особые индивидуальные способности, как способность к организации времени (и способность к своевременной активности), способность программировать будущую деятельность, предвидеть ее

события, устанавливать оптимальные для себя режимы активности и пассивности, определять ритмы деятельности.

Субъект прогнозирует свою деятельность, соподчиняя и устанавливая последовательность трудовых операций. Программирование позволяет личности, во-первых, типичным и удобным с точки зрения ее психологических возможностей образом связывать последовательность задач именно по характеру активности, требуемой в начале, в кульминационный момент и в конце деятельности. Во-вторых, позволяет определять точно момент и форму максимального напряжения активности, уплотнять, перераспределять субъективное время, что приводит к его экономии. Слабая организация деятельности проявляется в том, что возрастает ее психологическая «цена», т.е. деятельность, которая не соответствует индивидуальным особенностям личности, ее мотивам и ценностям, превышает уровень ее возможностей. Деятельность, выполняемая по принуждению, приводит к отказам, срывам личности, которые могут оборачиваться психологическими травмами, издержками, являются своеобразной высокой психологической «ценой» за непосильную деятельность.

Даже несложная деятельность, если она не организована самим субъектом, становится причиной перенапряжения человека, которое, накапливаясь, переходит в усталость и раздражение. Организация деятельности помогает субъекту придерживаться ее основной линии (направления) даже при возникновении трудностей. Французские психологи, исследовавшие программу действий медсестры на день, обнаружили, что ее постоянно отвлекали от дела больные различными просьбами, поэтому она быстро утомлялась ².

Одной из труднейших задач является обеспечение непрерывности творческой деятельности. В процессе музыкально-исполнительской деятельности, например, опасен перерыв, остановка, кратковременный «сбой», ведущие к потере качества исполнения, а профессиональный провал может порой привести к отказу от выбранной профессии ³. Исследование творчества писателей и художников финскими психологами показало, что для постоянного самообновления и вдохновения им необходимы довольно длительные творческие перерывы, снимающие утомление, дающие возможность накопить впечатления и с новыми силами начать работу ⁴.

Именно в творчестве возникает слитность художника с его произведением, возможная лишь при условии полного вовлечения человека в творческий процесс, в котором он постоянно находит все новый и новый смысл. Интерес к творческой задаче не позволяет человеку ни на минуту оторваться или выключиться из процесса ⁵.

Непрерывность деятельности поддерживается постоянно происходящим в ней обновлением и разнообразием (размышлений и планов, наблюдений и впечатлений, поисков и проб, проверок и самокритики). Личность и деятельность, как бы «переливаясь» последовательно друг в друга в процессе активности, взаимно обновляются и побуждаются к дальнейшему движению.

С. Л. Рубинштейн раскрыл многостороннюю связь сознания и деятельности человека. Он показал, что на основе сознания возникает принципиально иной тип регуляции деятельности, поскольку сознание отражает то, что отделено от индивида во времени и пространстве ⁶. В сознании возникает возможность моделировать обобщенный и идеальный образ действия и отражать реальный способ действия. Сознание осуществляет функции контроля и оценки, строит стратегию и тактику деятельности, выделяет принципы действия все более высокого уровня (с точки зрения ее иерархии). Эти принципы возникают на основе и жизненного, и профессионального опыта личности, на основе ее отношения к другим людям.

Сознание в отличие от познания, дающего объективную картину мира, абстрагирующегося от позиций и пристрастности субъекта, отражает мир относительно к субъекту. В психологии может быть разработана своеобразная теория относительности: человек воспринимает не только то, что есть в мире в целом, но, прежде всего, то, что для

него самого значимо, актуально. В этом смысле сознание — это отражающая способность действующего, деятельного субъекта. Субъект, по-видимому, отражает причинную связь своих действий с изменением действительности (что позволяет ему осмыслить способ, характер, причины своих действий). Способность к отражению связана с изменением позиции субъекта в ходе деятельности. То, что было существенно на одном этапе деятельности, уже не является значимым на другом. Именно поэтому надо говорить об условиях, которые в деятельности постоянно изменяются, обновляются.

Таким образом, в сознании субъекта отражается способ его действия, но он отражается особым образом, на основе динамики деятельности, изменения ее задач, событий. Для понимания сущности деятельности мы предложили в качестве единиц ее анализа понятие «задачи деятельности»⁷. Оно, на наш взгляд, более адекватно выражает тот факт, что не всякая деятельность и не на каждом этапе имеет результат в виде предмета или продукта. Результатом может быть решение разного рода задач, которые ставятся самим субъектом (или перед ним) в профессиональной деятельности. При решении задачи и проявляется способность субъекта к целостной организации деятельности, к оптимальной комбинации ее условий и требований.

2. Совместная деятельность и ее субъект

Поскольку не каждый субъект деятельности решает космические задачи по преобразованию действительности, постольку одной из его главных задач является включение в совместную деятельность. Личность включается в решение профессиональных задач, которые стоят перед коллективным субъектом деятельности, группой, занимает некоторую позицию в совокупном субъекте, который вырабатывает совместный способ действия. Личность должна обладать способностью к оптимальному соединению с деятельностью общности (ее целями, задачами и т.д.) и действиями других людей. И это составляет ее совершенно особую задачу. У личности как участника совместной деятельности должны формироваться особые, индивидуальные качества, от которых зависит согласованность действий людей. Считается, что главная линия согласования действий личности и группы, коллектива — это наличие общих целей, принятие личностью целей коллектива. Однако (практика это уже доказала) не всегда достигается реальное единство целей. В совместной деятельности возникают проблемы срабатываемости, психологической совместимости людей. При наличии общей программы действий (задания, плана и т.д.) усилия каждого могут быть или согласованы, или не согласованы с усилиями всех.

У личности в процессе труда должны развиваться средства психологического воздействия на другого (умение подчинять других или приказу, или своему примеру и т.д.). В ходе совместной деятельности должен происходить обмен индивидуальными качествами, расширяться спектр индивидуальных возможностей. Совместная деятельность развивает способность, желание и умение соотносить свои цели и действия с целями и действиями других людей на основе установления определенных отношений с ними. Умение мобилизовать активность не только в желаемом, но и в нужном направлении, проявить инициативу, решительность и дисциплинированность одновременно — вот качества, которые развивает совместная деятельность.

Кроме этих качеств важны также согласованность-несогласованность особенностей личностной активности, например, — один берет на себя ответственность только в том случае, если другой ее не проявляет, один проявляет инициативу только тогда, когда ее принимает и поддерживает группа, и т.д. Очевидно, что личностной основой совместной деятельности является комплекс «я — другие», отношение к себе и отношение к другим, а также отношение других ко мне.

В качестве примера способности к совместному способу действия можно рассмотреть совершенно особую способность (или неспособность) личности связывать

свои действия и их оценки и отношения к себе других людей. Способность человека отделить оценку своей личности от оценки своих действий (собственной и других) стала предметом специального исследования. Оно показало, что лица с развитым чувством инициативы и ответственности коллегиального типа обладали высокой и гибкой самокритичностью и спокойным, деловым отношением к критике своих действий, поскольку они относили критические замечания не к своей личности в целом и учитывали их в необходимой для себя мере. Лица с инициативой и ответственностью эгоистического типа были безразличны к критике своих действий и несамокритичны. Лица индивидуалистического типа были самокритичны, но принимали критику неадекватно, как критику своей личности. Лица с преобладанием инициативы были либо нетерпимы к критике, либо отождествляли критику своих действий с критикой своей личности.

Казалось бы, с возрастом человек становится более зрелым и должен на каждом возрастном этапе все более взвешенно относиться к критике. Но, как показали исследования, восприятие критики связано не с возрастными, а с личностными особенностями. Совсем маленький ребенок (по данным М. И. Лисиной) может отделять положительное отношение к себе взрослого от критики последним своих действий, не «обижаясь» на критику, понимая ее частный характер. Но уже подросток может испортить хорошее отношение со взрослым даже за критику одного своего поступка. Взрослые люди, как показывает исследование, соотносят критику себя и критику своих действий как равноценные или соподчиненные — в зависимости от типа своей личности и общей установки. Некоторым людям кажется, что окружающие их не одобряют, и тогда любое замечание они рассматривают как придирку. Другие стремятся сотрудничать только с теми, кто их одобряет, третьи способны спокойно и по-деловому реализовывать замечания других (равно как негативные, так и позитивные), не рассматривая их как оценку своей личности.

Способность прислушиваться к критике, учитывать ее в своих действиях является одним из важнейших условий оптимального соединения собственной активности с активностью других людей. Лица с преобладанием инициативы над ответственностью в ответ на критику не только не стремились совершенствовать самоконтроль, но начинали встречную критику, становились агрессивными, впадали в стресс или переключались на помощь другим, отказываясь от собственных обязательств. Полученные нами данные подтверждают, что у молодежи отношение к себе и отношение к другим соединяются в единый индивидуальный комплекс, который и побуждает активность разного типа: «я не хуже других», «я лучше других», «я всем докажу», «сделаю недозволенное» и т.д. Активность личности одновременно включает три отношения: к себе, к общности (к другим — использовать их, поддержать, отрицать, играть на противоречии с ними) и других к себе. Последнее отношение один тип людей способен воспринимать адекватно, а другие типы дают свою интерпретацию отношениям к себе, воспринимают не реальность, а кажимость.

Стремление прийти на помощь является важнейшим типологическим признаком и свидетельствует о способности к коллективному способу действия. Эта способность характерна не только для лиц с коллективистской инициативой и ответственностью, но и для людей, у которых преобладает или ответственность, или инициатива. У лиц с низкой активностью не наблюдалось стремления оказывать помощь; у лиц с инициативой и ответственностью эгоистического типа такая способность проявлялась в тех случаях, когда они стремились завоевать авторитет группы и занять в ней позицию лидера.

Способность человека взаимодействовать в деятельности с другими людьми, сохранять активность и инициативу в условиях общей дисциплины зависит от структуры и типа активности личности, от занимаемого места в группе и роли в совместной деятельности. Причем активность данной личности также носит некоторые социально-психологические черты: одни дают максимум при поощрении коллектива, других отличает высокая требовательность к себе, критичность, самоконтроль. Для одних сти-

мулом оказывается успех, признание, для других — преодоление трудностей, возможность ставить и решать новые, более сложные задачи. Портрет личности в группе иногда включает черты активности, которые проявляются только при определенной совокупности условий: либо в успешной, либо в социально престижной, либо в социально поощряемой деятельности. Однако активность такого рода людей исчезает, стоит им только оказаться наедине с трудностями, в ситуации неуспеха, узнать о критическом отношении к ним группы.

В трудовой деятельности сплошь и рядом возникают ситуации, когда между личными и общественными интересами объективно нет соответствия, когда необходимо что-то делать, но для личности в этом нет психологической привлекательности, когда есть приказ, но нет собственной инициативы. Эти особенности профессиональной позиции личности и составляют реальные противоречия ее труда. Приведет ли несправедливая оценка к потере инициативы в труде, приведут ли жесткая дисциплина или волевые директивные указания руководителя к потере работником творческой инициативы — эти вопросы еще только изучаются учеными, а на практике они взаимосвязаны и должны учитываться в комплексе.

Включение личности в состав субъекта совместной деятельности предполагает ее участие в организации и регуляции совместных действий, в выработке общей программы (ответственность за совместный продукт труда, совместная оценка труда, регуляция и контроль за непрерывностью всего процесса труда, принятие коллективных решений). Именно потому, что регуляция совместных отношений отвечает особой потребности личности в организации коллективной деятельности (а не только собственной), большое значение имеют деловые игры, пользующиеся в настоящее время популярностью. У личности может появиться новая социально-психологическая мотивация: участвовать в регуляции взаимоотношений коллективного субъекта. Это совершенно новый «мотив» трудовой деятельности. Мотив руководить другими людьми отнюдь не всегда возникает в результате стремления к власти, не всегда есть проявление особого характера. Руководство другими людьми необходимо для достижения результата путем оптимальной организации взаимодействия. Это не столько потребность обладать властью, сколько потребность в организации все той же целостности, к которой стремится и субъект индивидуальной деятельности.

В совместной деятельности реализуются отношения двух уровней: отношения, посредством которых складывается и функционирует коллективный субъект, и отношения друг к другу его членов. Эти отношения соотносятся таким образом: если группа существует как общность людей (что и проявляется в совместной деятельности, и формируется в ней), то на уровне отдельных ее членов преобладают, как обычно говорят, деловые, профессиональные отношения, в принципе регулируемые при наличии противоречий и даже отдельных конфликтов. Если же группа представляет собой формальное объединение, т.е. не объединена в деятельности профессиональными задачами, то между ее членами возможны отношения и личные и безличные, и конфликтные и дружеские, но все они складываются стихийно.

В соответствии с этими различиями каждый член группы строит свою стратегию, а руководитель — стратегию группы в целом. Одни коллективы ориентируются на усредненного работника, т.е. не учитывается индивидуальность личности, ее особенности, возможности; другие строятся с учетом перспективы роста каждого, развития его способностей. При последней форме организации коллектива материальные ресурсы направляются на профессиональный рост одного, на воспитание другого, на обучение третьего. А это в свою очередь является основным условием роста активности каждого участника совместной деятельности.

3. Личность в процессе общения

Общение часто рассматривают как диалог, как своеобразную дискуссию. Оно подразумевает две или более общающиеся стороны, между которыми происходят процессы понимания (или непонимания), взаимного влияния, взаимных оценок. Общающиеся стороны могут быть соединены и в лице одного человека, если он осуществляет «внутренний» диалог ⁸.

Общение можно рассматривать как особый способ существования индивида посредством связи с другими индивидами, как способ взаимоотношений между ними ⁹. Общение предполагает такое взаимодействие общающихся сторон, при котором происходит обмен мнениями, информацией, опытом и т. д. ¹⁰ В общении выделяют предмет, по поводу которого происходит общение (информационная сторона, решение обсуждаемой задачи), и сам процесс общения (его особенности, нюансы). Общение разнообразно, многолико (по своим формам оно может быть опосредованным и непосредственным, формальным и неформальным, осуществляться большими или малыми группами), но оно всегда социально по содержанию, направленности, цели. Без потребности человека в общении общество не смогло бы нормально функционировать: ведь если бы не существовали самые разные формы общения, люди оказывались бы в условиях изоляции и каждый раз заново учились понимать друг друга, заново искать способы общения.

Общественная природа общения обуславливает постоянно возобновляющуюся у индивида потребность в нем. Потребность в общении у людей — это либо потребность изменения каких-либо свойств, качеств, сторон в себе самом и другом человеке (индивидуально-личностная сторона общения), либо потребность в достижении взаимопонимания, установления отношений с другими людьми (социально-психологическая сторона общения), либо потребность в решении совместной задачи, в достижении совместной цели (социально-предметная сторона общения) и т.д. В соответствии с тем или иным характером потребности в общении (индивидуальным, коллективным) определяется и направленность личности на общение (личное, совместное, безличное), и ее готовность к общению. Как отмечают психологи, трудно переоценить готовность человека к профессиональному общению, которую они определяют как подлинный и ничем не заменимый профессионализм.

Особый интерес представляет определение общения, данное С. Л. Рубинштейном, как отношение к миру, к другим людям, к себе ¹¹. Отношение человека к миру, в котором он живет, действует, общается, — это отношение не только к миру явлений и предметов, а к миру человека, людей, оценка их отношений, связей, зависимостей друг от друга. Действительность, в которой живет человек, — это совокупность отношений, влияний, восприятие и переосмысление им этих отношений. Это мир «особой» действительности — действительности отношений, условностей, способов поведения, которые человек, рождаясь, застаёт готовыми, сформированными, которые он познает и к которым приобщается. К. Маркс определил эту действительность как гражданскую жизнь общества, в соответствии с которой и внутри которой каждый человек начинает общаться и строить свои отношения.

Мир отношений — это непрерывный процесс становления отношений между людьми и действительностью, которая обуславливает характер, направленность, особенности этих отношений. Существующие в обществе ценности, условности, тенденции фиксируются, закрепляются в сознании людей и служат руководством к действию. Нормы общения человек постоянно мысленно «проецирует» на свои отношения, свое поведение оценивает с позиций этих норм (их принятия или непринятия). Отношение личности к существующей в обществе системе норм общения, поведения, отношений и т.д. зависит от того, в какой мере в ней воплощено богатство всех существующих форм общения. В неразвитом обществе существует жесткая система норм в отношениях между людьми. Эта неразвитая, обедненная, несовершенная система «проецируется» на индивидуальное сознание. В развитом обществе преобладает система этических отношений, которые устанавливаются, вырабатываются членами общества и

регулируются ими же самими.

Самое сложное — это реализация социальных норм на уровне индивида. Например, для воспитания у ребенка правильных навыков общения нужно, прежде всего, чтобы слово не расходилось с делом. И взрослый постоянно решает противоречие между осознаваемой нормой и не соответствующей ей практикой общения и поведения.

Типы отношений людей в группе определяются на основе таких социальных потребностей, как потребности в социальном участии, в контроле, в положительной эмоциональной оценке и т.д. Существует точка зрения, согласно которой индивид проецирует на отношения в группе опыт отношений в семье. Эта точка зрения положена в основу теорий межличностных отношений некоторых зарубежных психологов¹². Типом отношений в семье они определяют ценности, нормы, потребности общения, которые затем переносятся в практику «взрослого» (самостоятельного) общения. К этой точке зрения можно отнести и понимание общения как осуществления той или иной роли. Ролевая игра как один из способов приобщения к особенностям социально-психологической реальности также непосредственно зависит от конкретного содержания роли, «исполняемой» ребенком (роли матери, почтальона, полицейского), от того, что становится для него достойным подражания, а что отрицается (пародируется).

Усвоение социальных норм общения происходит не только через поведение, но и через восприятие одного человека другим¹³. Признание того, что общество состоит из разных людей, непохожих ни по внешним, ни по душевным качествам, доброжелательное отношение к этим разным людям, умение слушать их, уважать их мнения являются основной предпосылкой формирования гуманной личности.

Общение играет большую роль в формировании психики личности. Дефицит общения — прежде всего бедность эмоционального фона, его недостаточность, когда все рисуют одним цветом, — особенно влияет на неокрепшую детскую психику. Исследования чешским психологом И. Кхолом особенностей мышления показывают, что «ошибки» мышления сказываются на процессе общения уже сформировавшихся личностей, проявляются в недостаточном понимании, в неверной интерпретации окружающего мира¹⁴. Он выделяет «черно-белый» тип мышления, когда мир воспринимается однолинейно, категорично, поверхностно. Очевидно, что подобное «черно-белое» общение (это нельзя, это не делай, это не так) не способствует духовному обогащению личности, не позволяет ей наиболее полно выразить себя в общении.

О том, насколько продуктивно общение со сверстниками, с людьми других поколений, можно судить по тому, удалось ли партнерам найти точки соприкосновения, говорят ли они «на одном языке». При этом точки соприкосновения, «один язык» мнений, взглядов не должен сводиться к одной позиции, предполагает способность, желание, умение партнера понять позицию другого человека, сохраняя при этом свою. М. М. Бахтин выделял «эстетическое (там, где невозможно этическое) вживание» в мир другого человека, в мир его переживаний, для которого необходимо «усвоение жизненного кругозора» другого человека. Он считал это особой формой отношений, иногда более значимых, чем действия и поступки¹⁵.

Каждый сам выбирает способ, с помощью которого он может лучше общаться с другим человеком, но в любом случае человек должен осуществлять этот процесс осмысленно, направленно, эмоционально. Заинтересованность в своем партнере по общению, желание «поделиться» с ним, внушить, склонить на свою сторону, почувствовать, что его отношение вызывает в другом ответный отклик, какие бы преграды их ни разделяли (языковые, возрастные, географические), — таковы основные побуждения общения.

Особый интерес представляет «опосредованный» тип общения, когда оно осуществляется не непосредственно, а на основе того или иного контекста (культурного, исторического, литературного). Такое общение происходит при работе человека с текстом (книгой, статьей и т.д.), когда общение опосредовано временем, культурой, языковыми

средствами и т.д. Автор, живший за несколько десятилетий или даже столетий до нас, передает веяние своей эпохи, знакомит с культурными традициями или просто высказывает свою точку зрения на те или иные проблемы. В эпоху НТР общение, опосредованное информационно-технологическими средствами, приобретает особую значимость, но оно должно осуществляться в разумных пределах. Опасность заключается в том, что теле-, аудио-, видеосредства часто сводят на нет собственно человеческое общение, обедняя эмоциональный мир личности. Тогда как книга, отмечает, например, Ю. М. Лотман, остается для человека надежным спутником жизни, молчаливым собеседником, разделяющим его заботы и тревоги.

Общение опосредованно и лично, причем это опосредование осуществляется средствами, соответствующими жизненным ценностям, установкам, правилам, которыми руководствуется человек. Можно сказать, что общение происходит типичным для данной личности образом, и при этом неважно, относится ли общение к деловой или личной сфере, важны те мировоззренческие, этические принципы, на основе которых данная личность вступает в общение. Личность активно стремится к общению, отвечающему ее жизненным ценностям, избегая общения, если оно идет с ними вразрез. Ограниченная сфера общения, ее узкий круг объясняются в первую очередь неспособностью личности к последовательной, произвольной регуляции процесса общения в соответствии с его общим для партнеров руслом, общими задачами.

Существует тип общения, который объединяет людей как индивидуальностей. Если признание существования другого как личности предполагает признание его «права на самоопределение», свободу, непохожесть на себя, то союз индивидуальностей включает принцип различия и «право» на выбор общения в соответствии с ним. Такой нормой, или высшим типом человеческого общения, достойного подражания, является не только признание, но и утверждение в другом человечности. Признав право другой личности на самовыражение, человек делает первый шаг в этом направлении, но пока только пассивно признает необходимость такого общения и еще не содействует ему. На высшую ступень общения он поднимается в процессе утверждения в другой личности всего лучшего, что в ней есть, всего человеческого.

Потребность в общении с другим человеком не просто особая потребность в помощи, в понимании, в самовыражении и т.д. Личность в процессе общения не просто удовлетворяет свою потребность в дружбе, в помощи и т.д., а развивает способность утверждать в другом человека, учитывать его интересы и тем самым развивает и удовлетворяет свою высшую потребность — потребность в человечности. Такая личностная «установка» может реализоваться в общении и с близкими, и с «далекими» людьми. Она исходит из признания ценности самого существования человеческой личности безотносительно к тому, как последняя ко мне относится. При создании таких отношений личность как бы «выносит себя за скобки», отодвигает на второй план свои личные интересы. Это изменение «точки отсчета» при построении отношений между людьми, как правило, наиболее плодотворно. В этом наиболее оптимальном случае личности включают в общение все богатство своих отношений к миру, такой союз не сковывает, не ограничивает, а дает простор для их развития и самоопределения.

Как свидетельствуют эксперименты, проведенные под руководством С. Л. Рубинштейна¹⁶, пробуждение понимания как особого качества мышления связывается не только с фиксированием понятий в словах, но и с пониманием как вопрошанием (особенно характерным для возраста «почемучек» в раннем детстве), с активным отношением к воспринимаемому. Процесс общения между детьми и взрослыми отличается от «равноценного» обмена информацией между взрослыми своей пассивностью — зависимостью детей от получения, приема информации, поступающей из внешнего мира. Подчас неконтролируемое со стороны взрослых обилие телевизионных передач, знакомств, встреч, поток информации обрушивается на неподготовленного ребенка. Внутренняя неготовность (нежелание) ребенка (подростка) к общению не

является признаком его асоциальности, замкнутости. Во всяком случае «борьба» с необщительностью не должна производиться одним и тем же арсеналом средств (иди, делай, говори, общайся и т.д.), тем более что такая «методика» воздействия еще никогда не приносила успеха.

Этические проблемы касаются не только этических ценностей и законов нравственной жизни. Прежде всего, они затрагивают отношения людей и личностные способы регуляции этих отношений. Уровень этической зрелости личности определяется не только ее следованием нравственным ценностям, но, прежде всего, способностью гуманно относиться к другому человеку, строить и отстаивать отношения, достойные обоих. Исходя из этого можно сказать, что принцип «обратимости отношений» ни в нравственном, ни в психологическом смысле неправомерен.

Этот принцип был в свое время сформулирован И. Кантом, который считал, что человек должен поступать по отношению к другим так, как он хочет, чтобы поступали по отношению к нему. Данный принцип, хотя и неявно, предполагает известное взаимосогласование этических позиций в отношениях людей. Отсюда можно сделать вывод: поступай с людьми хорошо в той мере, в какой они хорошо относятся к тебе. Эта своеобразная этическая «договоренность» подрывает, на наш взгляд, суть этики как высшего регулятора человеческого поведения.

Принцип «взаимосогласования» и «соизмерения» этических позиций ограничивается практикой непосредственного общения, нивелирует этический идеал, сужает возможность следовать ему. Так появляется формула: «Ты — мне, я — тебе». Люди, разделяющие ее, перестают вести себя согласно моральному идеалу, нравственным принципам, поскольку другие часто ведут себя по отношению к ним безнравственно. Способность избегать, нивелировать давление ситуации, практику непосредственно сложившегося общения и есть реальная психологическая способность личности разрешать противоречие между этическим идеалом и тем, как поступают другие.

Способность абстрагироваться в процессе общения с другим человеком и от его субъективного отношения, и от ситуации показывает этическую воспитанность человека и умение разрешать сложные психологические противоречия. Абстрагирование от «обстоятельств», от непосредственной ситуации, от субъективного отношения другого и есть проявление истинной свободы в общении, а также способности к творческому созиданию людьми своих отношений друг с другом.

Творческое отношение, на наш взгляд, должно проявляться, прежде всего, не в сфере создания предметов, вещей, а в сфере человеческих отношений, т.е. в способности строить их согласно высшим гуманистическим идеалам. Задача психолога состоит в том, чтобы донести до людей ту простую истину, что способность и готовность идти навстречу жизненным трудностям и противоречиям и достойно разрешать их не только ничего не отнимают у человека, но, напротив, развивают в нем высокие человеческие качества — человеческое достоинство, душевную свободу и мужество.

Как отмечалось, характер общения влияет на процесс развития личности, хотя очевидно, что развитие личности происходит не только в общении с людьми, но и в совместной с ними деятельности. Личности различаются по тому, в какой сфере жизни они преимущественно развивают и проявляют себя — в интимно-личностной или в общественной, какую из них они превращают в сугубо личную потребность и ценность. Однако, на наш взгляд, неправомерно их противопоставлять и обособлять: одну — как сферу личных чувств, другую — как сферу общественно необходимого дела.

Личные чувства и отношения окрашивают все сферы жизни человека. Вместе с тем любую сферу общения нельзя свести только к проявлению чувств, симпатий, антипатий, к чисто субъективным отношениям. Общение как построение отношений, с одной стороны, формирует человеческие чувства, с другой — регулирует поведение, поступки. Строить отношения можно только на основе единства чувства и дела, на искренности. Поэтому противопоставлять личную сферу общественной (одну — как субъективное, другую —

как объективное проявление личности) неправомерно. Личные отношения должны основываться не только на любви и симпатии, но и на реальных действиях, заботе, помощи, поддержке. Не случайно одной из важнейших причин распада семейных отношений или неумения их создать является иллюзия, что чувства не требуют никаких реальных деловых «доказательств».

Конечно, при некоторых видах общения (дружба, любовь) определенную роль играет притягательность другого человека, его обаяние. При построении таких отношений люди должны проявлять способность абстрагироваться от некоторых качеств человека, от прошлых субъективных отношений. Необходимо уметь освободиться от личных пристрастий (подталкивающих иногда на ложный путь и формирующих мнимые ценности), ставить во главу угла интересы другого. Это заставляет человека подчас вступать в спор с самим собой, одерживая победу над первым порывом чувств, которые могут внести некоторый диссонанс в отношения.

Однако ни само общение, ни построение отношений, регулирующих поведение и коммуникации людей, не могут быть объяснены только симпатией или антипатией. Тем более они не могут объяснить, почему установились те или иные отношения людей в коллективе, в семье и т.д. Важно учитывать не только качества личности, необходимые для ее вхождения в коллектив, но и то, каким должен быть в коллективе тип отношений, чтобы он мог формировать соответствующие качества у членов этого коллектива. В структуре коллективных отношений имеет значение не только наличие микрогрупп, микроотношений, главное — это общественно значимые отношения: принципиальность, деловитость, условия для более полного проявления индивидуальностей, для развития людей. Следовательно, у перспективного коллектива преобладает тип отношений, которому свойственна высокая общественная ценность и который благодаря усилиям руководителя и всего коллектива может превратиться в преобладающий тип отношений между всеми членами коллектива.

Таким образом, для профессионального становления личности важна не та или иная формальная сетка межличностных отношений, а такой их тип, который представляет систему деловых и ценностных отношений, систему расстановки сил с учетом профессионального роста личностей, при которой требования к людям соотносятся с их возможностями. Этот тип отношений предъявляет требования не только к самим людям, их поведению, но и задает им эталон общения, создает деловую обстановку, атмосферу общения.

Вышесказанное позволяет подчеркнуть многоуровневость проблемы общения. Непосредственно наблюдаемые акты коммуникаций, средства общения, формы поведения, по-видимому, регулируются не только общающимися личностями, но и совместно создаваемыми отношениями. Качество отношений или дает простор, или ограничивает развитие субъектов общения. Высшим уровнем отношений является такой уровень, на котором реализуются нравственные ценности. Качество личности как субъекта общения, руководствующегося этическими принципами, заключается не только в том, чтобы строить свое поведение в соответствии с этими принципами. Активная борьба за достойные обоим общающимся нравственные отношения, за их прочность, перспективу, а не только за отдельные поступки — такова подлинно этическая позиция субъектов — участников общения.

Отношения могут быть условно названы функциональными, если другой человек выступает как средство для достижения личных целей. Тогда общение строится только на основе соблюдения некоторых ситуативных правил, а отношения протекают лишь на поведенческом уровне, т.е. принимаются в расчет лишь поступки партнера, а не его отношение. Иной вид отношения принимают, когда один относится к другому как к личности. Это означает, что другим признается вся совокупность человеческих качеств и прав, в том числе и право быть непохожим на меня, право поступать в соответствии со своими интересами, право на собственный жизненный путь. Такое признание другой

личности в значительной мере определяет характер складывающегося отношения. Будет ли это дружеский или деловой союз, он при всех условиях создает возможности для взаимного проявления личностных качеств. Такое отношение не ограничивает проявление способностей и черт личностей, которые включены в него, поэтому оно перспективно.

С. Л. Рубинштейн в книге «Человек и мир» раскрыл этическую основу человеческих отношений. Она заключается в признании самого существования другого человека. Он писал: ««Полюби нас черненькими, беленькими всякий нас полюбит» — подлинный смысл этого положения в том, чтобы любить человека не за тот или иной поступок, встретивший одобрение или порицание других людей, который может быть случайным, а за него самого, за его подлинную сущность, а не за его заслуги»¹⁷. Важно не то, как данный человек отнесется ко мне и что он захочет включить в сферу наших с ним отношений, а безотносительная ко мне, к моим потребностям и «интересам» объективная ценность его личности. Через анализ этого этического аспекта общения, в котором заключается подлинное общение субъектов, происходит сближение между личным и общественным, между «ближним» и «дальним». И здесь предстает иерархия ценностных отношений личности, характер ее жизненных отношений — к людям, к делу, к жизни в целом.

Характер общения личности является ее пробным камнем. Если человек способен на подлинное уважение к другому, на признание в нем личности, индивидуальности, если он еще не может признать личностями всех, с кем ему приходится общаться, то это в первую очередь характеризует его самого. Независимо от того, выступает ли другой человек в качестве другого «я», близкого «ты» или в качестве более далекого «он», личность должна строить отношение к нему как к субъекту, а не как к объекту. Это не просто следование нормам и ценностям как таковым, а утверждение ценности другого человека посредством построения соответствующих отношений с ним. Такие отношения требуют от людей не просто умозрительного знания нравственных истин, а всех душевных сил и способностей, ума, такта, спокойствия, воли и доброты.

Очевидно, что выводить все общение из психологии личности было бы так же неверно, как и «вычитать» ее из общения, типизируя общение безотносительно к личности. На наш взгляд, психология общения вычленяет свой предмет тогда, когда рассматривает, как двое, вступая в контакт, создают нечто третье, что и представляет собой отношение между ними. Отношение между людьми может быть результатом уступок со стороны одного, равным, основанным на взаимоприемлемых условиях или взаимным сердечным согласием. Однако в любом из этих случаев оно есть некоторый «идеальный продукт» взаимных усилий. Этот «идеальный продукт» обнаруживается через позиции общающихся. В свою очередь отношение начинает детерминировать конкретные акты общения, стратегии и тактики его участников. Так, например, уступка одного, зафиксированная в устоявшихся отношениях, может вызвать у него постоянное глухое или открытое раздражение в адрес другого. Здесь можно говорить уже о том, что это чувство вызвано не самим по себе поведением или субъективным отношением другого, а именно положением подчиненности, зависимости в сложившихся отношениях. В каждом акте общения, в его конкретной ситуации воспроизводится с теми или иными вариациями тип установленного прежде отношения. Существенно, что характер частных актов и ситуаций общения обусловлен не только мотивами, чувствами личностей, но и логикой их общего, совместно созданного отношения.

В свою очередь предположение об отношениях людей как о некотором «идеальном продукте», о некотором «мосте», связывающем их, позволяет наметить в предварительном порядке типологию отношений. Одни отношения выступают как простая кооперация, в рамках которой происходит своеобразное «разделение труда», взаимодополнение способностей друг друга. В таком случае две личности совместно создают то, что богаче и полнее каждой из них в отдельности. Другие отношения носят характер обмена, и, даже если речь идет об обмене духовными ценностями, это ограничивает их союз

функциональными рамками. Характер и тех и других отношений бывает весьма сложным, позиции участников союза могут в известных пределах меняться, не нарушая его самого.

Общественная активность личности, ее самоопределение, «обособление» в составе коллективного субъекта связаны с комплексом отношений, в который входят по крайней мере три взаимосвязанных элемента: отношение к коллективному субъекту (его задачам, целям и способу организации); отношение к своему месту, занимаемому в коллективе; наконец, отношение к другим членам коллектива. Синтез двух первых отношений составляет социально-психологическую характеристику личности, задает способ ее отношений к другим. Так, например, в коллективе личность может выступать как исполнитель, отвечающий только за свой «участок», не всегда связанный с общим делом и общими целями коллектива. В этом случае она обычно и к другим относится как к таким же исполнителям. Этим задается в свою очередь и способ общения: оно будет включать и сочувствие, и симпатию, и взаимопонимание, но не содействие, не взаимопомощь. Противоположный способ связи первых двух отношений заключается в принятии целей коллектива как личных и соответствующее отношение его членов друг к другу как к товарищам по общему делу.

Как правило, для всех людей в нашем обществе чрезвычайно важна оценка коллектива (чем мы, однако, нередко пренебрегаем в общественной и организационной работе). В то же время важны и оценки отдельных индивидов, причем тип людей, оценки которых значимы для личности, обнаруживает характер ее ценностной позиции: для одних важна похвала начальства, для других — одобрение друга, для третьих — кто хвалит, тот и становится другом. Обнаруживается определенная взаимосвязь между выбором значимых людей, на оценку которых реально опирается личность, и ее отношением к оценкам коллектива в целом. Честолюбивый человек как бы не слышит плохого мнения о себе, низкой оценки; даже если это мнение всего коллектива, он предпочтет мнение того, кто его хвалит. Человек, живущий интересами общего дела, всегда скорректирует оценку своих достоинств.

Зрелая личность, с гармоничной, непротиворечивой системой ценностных ориентации, если они не совпадают с отношениями, сложившимися в группе, способна активно противостоять им, не только отстаивать свое мнение, но даже перестраивать отношения в этой группе. Если личность маскирует свою эгоистическую ориентацию, рассматривая членов группы как объекты и средства достижения своих целей, ее безразличие к ним рано или поздно проявится. Эгоистический характер ориентации обоих партнеров формирует временные союзы, основанные на деловом обмене услугами, на достижении каждым личных целей, где, как уже говорилось, партнер становится средством достижения этих целей. Этическая характеристика общения проявляется в том, каким образом другой включается в общение — как человек, представляющий интерес сам по себе, как человек, выступающий как цель моего с ним общения, или как объект, контакт с которым служит лишь моим личным целям, как функциональное средство (последний случай типичен для «отчужденного», безличного общения людей).

Межличностные отношения могут различаться по своему ценностному социальному содержанию и тем самым иметь разные последствия для участвующих в них личностей. Одни отношения, складывающиеся в группе, обезличивают людей, «учитывают» их лишь как исполнителей, другие (характерные для настоящего коллектива) открывают возможность для развития каждого. Поэтому тип отношений в коллективе всегда может быть содержательно охарактеризован по личностному основанию.

В содержательно-ценностном аспекте существует, по-видимому, непосредственная связь типа межличностных отношений, преобладающего в коллективе, и характера непосредственного общения. Высокоморальные деловые отношения в коллективе создают такую атмосферу, в которой возникает и соответствующее личное общение (исчезают конфликты на почве зависти, неприязнь и т.д.). Напротив, в нездоровом коллективе, который по характеру преобладающих в нем отношений фактически теряет это высокое

звание, личное общение его членов приводит к их реальному отрицанию как субъектов в психологическом и социально-психологическом смысле слова. Хотя общение в этом случае происходит между личностями, по существу оно, как это ни парадоксально на первый взгляд, безлично, так как в нем происходит абстрагирование от самого ценного — человека как личности, как субъекта, раскрывающего себя в общении.

К сожалению, не всегда при расстановке кадров, при организации коллектива учитываются проблемы организации общения людей, но если такая расстановка происходит на деловой основе, в соответствии с принципами справедливости и равенства, то это отражается и на характере непосредственного общения людей. Так, отношение руководителя к членам коллектива может не носить интимно-личный характер, и на первый взгляд создается впечатление, что здесь собственно личностные, индивидуальные качества исключаются из делового общения. Однако в расстановке кадров, в их оценке, в дозировании сложности заданий и в мере доверия и ответственности, возлагаемой на каждого персонально, реально учитывается перспектива развития работников, раскрытия их индивидуальных качеств, повышения их активности.

Общественная и организационная деятельность такого руководителя имеет своей целью не только выполнение плана, объем и качество продукции, но и предполагает развитие, профессиональное и деловое продвижение подчиненных. Решение общественных задач любыми другими способами, ориентированными лишь на производственные результаты, неизбежно приводит к духовным потерям, оборачивается моральными издержками. Отношения с людьми теряют свою прочность, поддерживаются только административно. Утрачивается главное — видение перспективы роста людей, их развития, а, следовательно, и основа для построения делового общения, взаимопомощи и т.д.

Основная проблема в понимании собственно психологического аспекта общения состоит в том, чтобы точно определить то специфическое качество, в котором должны выступить его участники, и ту роль, которую общение играет в развитии личности. Оказываясь в той или иной типичной ситуации общения, личность вынуждена занимать определенную позицию, выбирать средства и принимать решения. Типичность ситуаций общения на первый взгляд ограничивает спектр поведения, предопределяет выбор средств и целей. На самом же деле личность становится субъектом того или иного поведения, отбрасывает те или иные средства общения как непригодные и т.д. Действуя в «рамках» разных типов общения (семейного, служебного, возрастного и т.д.), личность в свою очередь типизирует их по своему личностному основанию, причем, поскольку связи с людьми выступают в системе основных отношений личности к миру, последовательность реализуемых типов общения соотносится с особенностями ее жизненного пути.

СОЦИАЛЬНОЕ МЫШЛЕНИЕ — ОСНОВА ЖИЗНЕННЫХ СТРАТЕГИЙ

1. Общественное сознание и социальное мышление

Мышление людей, его особенности, закономерности, правила, является наиболее изученной областью и философии, и психологии. Логика как одна из философских наук довела свои знания законов мышления почти до математической точности. Однако существует область проблем мышления, вокруг которых время от времени возникают дискуссии, до сих пор почти не изученная. Даже их краткое перечисление потребовало бы много места, поэтому все эти проблемы можно выразить в вопросах: каким образом мышление человека участвует в реальной жизни, чем отличается жизнь человека мыслящего от жизни человека, живущего бездумно? Именно так поставленный вопрос связан с сюжетом данной книги.

Конечно, марксистская философская традиция всегда связывала мышление, сознание, познание с практикой, с практическим действием. Однако важно, насколько эту связь осуществляет реальный человек, насколько его жизненные потребности побуждают его мышление, побуждают к размышлению, а размышления воплощаются в жизненные реалии. При первой же попытке ответить на такой вопрос мы неизбежно обратимся к старым философским понятиям, которые могут помочь дифференцировать способы мышления в связи с жизнью, например понятиям «созерцание», «прагматизм» и др. В жизни отдельного человека его мышление может быть сугубо созерцательным, т.е., размышляя над чем-то и с удовольствием предаваясь этому занятию, человек затем прерывает его и обращается к практическим жизненным делам, как будто он и не совершал никакой теоретической умственной работы. Понятие прагматизма, будучи применено к способу мышления отдельного человека, позволяет распознать прагматика, т.е. человека, который рационально тратит свою мыслительную энергию не на бесплодные умствования, как созерцатель, а на решение локальных, конкретных, практически значимых задач.

Соответственно интуитивный тип личности находит верное и остроумное, оригинальное решение жизненных проблем без рациональных обоснований и долгих рассуждений, «чутьем», тогда как человек рационального склада постарается первоначально проследить все причины и следствия, выстроить все доказательства, хотя в результате иногда и не придет к новому продуктивному решению.

От этого самого общего представления о проблеме можно перейти к частной, обозначив ее как проблему способности к мышлению, более или менее связанную с характером человеческой жизни. Хотя проблема интеллектуальных способностей в психологии изучена очень детально, но некоторые ее аспекты совершенно выпали из поля зрения ученых. Мыслительные способности исследовались либо как наиболее яркие и концентрированные проявления общих особенностей мышления, либо, напротив, как совершенно уникальные способности к творчеству выдающихся людей. Но хотя их сущность объяснялась и посредством определенных эмоциональных, интуитивных состояний человека, «озарений», «ага-переживаний» (инсайтов), т. е. связывалась с личностью, многие моменты этой связи даже не обозначены. Возникло в известном смысле парадоксальное представление, что мыслит как бы само мышление, а личность является только его носителем, обладателем; что мысли сами приходят в голову и так же произвольно уходят; что задачи решаются или не решаются и т.д. Так, мыслящий человек был заменен его мышлением, а его мышление — некоторым набором задач ¹.

Однако в психологии несколько обособленно возникла и развилась другая

тенденция, другой взгляд на связь мышления и мыслящего человека — как на его креативность, т. е. способность к творчеству, способность или неспособность мыслить. Под креативностью имелись в виду особое качество самого человека и некоторые его личные особенности, несводимые к собственно мышлению². В числе последних, например, были такие, как когнитивная сложность, т.е. способность человека длительно удерживать сложное, неупорядоченное состояние объекта мышления, противоречивые тенденции, не пытаюсь их упростить, огрубить и навязать им сразу свою логику.

Существует еще целый ряд аспектов данной проблемы, необъясненных, неисследованных и даже вообще необозначенных в современной психологии. Способность к мышлению в отличие от мыслительной способности предполагает более или менее постоянную потребность в мышлении, т. е. мышление как жизненное занятие. Между тем потребность личности в интеллектуальной активности (или отсутствие таковой), ее привычка к интеллектуальным занятиям, ее интеллектуальная смелость, свобода мышления, решение жизненных задач (потребность в их осмыслении и теоретическом решении), т.е. жизненная функция интеллекта личности,— все эти процессы и явления практически не изучены. Психологические исследования механизмов мышления не учитывали его функционирования в реальной жизнедеятельности человека. Только в некоторых случаях, например, когда изучается развитие интеллекта соотносительно с нравственным развитием личности (Пиаже, Кольберг и др.) или когда сравнивается усвоение научных и житейских понятий (Выготский, Шиф и др.), эти проблемы в какой-то степени затрагиваются.

Первое различие потребностей в мышлении у разных людей состоит в том, что мышление одних отвечает научной, или собственно интеллектуальной, потребности, а других — жизненно-практической; в первом случае оно направлено на решение научных проблем, во втором — жизненно-практических. Способные люди иногда применяют свой интеллект в столь узкой области (например, математики), что он, становясь изолированным, тем не менее отрывается от жизни личности (оторванный от жизни и беспомощный в житейских делах ученый). В этом случае человек опирается на научный опыт, использует научный аппарат познания, а не свой собственный, как житейски-практичный человек.

Пожалуй, единственное и яркое описание интеллектуальной потребности дал Д. Дьюи, обозначив ее неразвитую (первоначальную) форму как любопытство, а развитую — как любознательность. Любопытство есть удивление, с которого, согласно Платону, начинается всякое знание. Удивление вызывается необычностью, несопадением того, что человек ожидает и что встречает в действительности, определенными ее несоответствиями. Любознательность — это уже более активная, сложившаяся форма постоянного интеллектуального поиска, интеллектуальной инициативы.

Однако эта уникальная потребность, так ярко проявляющаяся в определенном возрасте у детей, сплошь и рядом подавляется взрослыми. Либо взрослые не отвечают на детские «почему», раздражаются, дают банальные ответы, либо (это в основном происходит в школе) подавляют эту любознательность массивом знаний, предлагаемых в авторитарной форме, не учитывая, соответствуют ли преподносимые знания развитию интереса (любознательности) ученика. Часто вопросы детей остаются без ответа, и тем самым они отучаются от желания их ставить. Несовершенство системы образования состоит в том, что на ребенка обрушивается лавина готовых знаний, а его любознательность, которая должна всегда чуть забегать вперед, его потребность в мышлении, в интеллектуальной самостоятельности подавляются. Между тем только потребность понимать, ставить вопросы постепенно формирует и потребность самостоятельно искать на них ответы, т.е. интеллектуальный поиск человека, самостоятельность его мышления.

Болгарский психолог Х. Йолова обнаружила, что оптимальным развитие интеллекта становится тогда, когда подросток, юноша может его проявлять, применять, обнаруживать. А это в свою очередь возможно только тогда, когда интеллект становится

ценностью и для человека, и для окружающих. Между тем окружающие (учителя, родители) видят в формирующемся юноше ценность только как в ученике, в хорошем ученике, а не в самостоятельно и смело мыслящем человеке. Возникает противоречие между потребностью к развитию интеллекта у юноши и ожиданиями окружающих. Те, кто считает свой ум, способность к творчеству ценным качеством своей личности (вопреки ожиданиям окружающих), интеллектуально развиваются быстрее, смелее обнаруживают свой интеллект, свою мысль. Те же, кто равняется на окружающих, видящих в них только успешных учеников, отстают в своем интеллектуальном развитии³.

Таким образом, развитие интеллекта, его направленность, устойчивость интеллектуальных интересов зависят не от его формальных структур и даже упражнений, а от того, насколько сам человек научается ценить, развивать, применять эту свою способность, превращать ее в интеллектуальную деятельность, т. е. от того, насколько человек распоряжается своим интеллектом, своим умом. Советские психологи С. Л. Рубинштейн и Б. М. Теплов вернули понятие ума в психологическую науку, привлекли внимание к его индивидуальным характеристикам и связи с личностными особенностями, связи с деятельностью. Настойчивость, смелость, острота, гибкость, критичность ума оказываются теми качествами, которые не возникают из усваиваемой человеком системы знаний, правил мышления, а являются личностными особенностями, которые (добавим) развиваются в процессе жизненного функционирования. Особенность ума — это превращение мышления в постоянное жизненное занятие. «Степень критичности ума,— писал С. Л. Рубинштейн,— бывает очень разной у разных людей. Критичность — существенный признак зрелого ума. Некритический, наивный ум легко принимает любое совпадение за объяснение, первое подвернувшееся решение — за окончательное»⁴.

Возвращаясь к рассмотрению потребности в мышлении, можно сказать, что любознательность есть своеобразная «бескорыстная» потребность, в известных пределах обособленная от удовлетворения других жизненных, практических потребностей человека. Она есть интерес к всестороннему, глубокому рассмотрению предмета как такового безотносительно к его непосредственной пользе. Эта потребность и удовлетворяется особым образом, и это удовлетворение связано не столько с самим по себе результатом — решением, сколько с насыщением познавательной потребности и одновременно с ее новым порождением, с удовлетворенностью тем, что разрешены противоречия, преодолены трудности, с тем, что продвигается познание.

Интеллектуальная потребность иногда удовлетворяется деятельностью, по существу приближающейся к игре ума, но не к его работе. Решение головоломок есть своего рода испытание интеллекта. Потребность в познании есть более глубокая личностная потребность в сравнении с простым интеллектуальным любопытством, любознательностью. Именно она порождает активный, длительный и упорный интерес к предмету мысли, постоянное его мысленное «поворачивание», всестороннее рассмотрение.

Было бы ошибкой считать, что заслуживает уважения только мыслительная деятельность человека, отвечающая его интеллектуальной потребности, а мышление, отвечающее практической потребности,— это мышление второго сорта, обыденное, житейское.

В философии такое убеждение существовало в той мере, в какой научное познание, разум резкой чертой отделяли от обыденного, житейского. Последнему приписывались предрассудки, эмпиризм, мифологизм и т.д. Однако на самом деле существуют два разных вопроса: один — о специфике форм научного и обыденного познания и сознания (последнему действительно присущи особые символические и иные формы), другой — о связи научного познания и практической жизни, практической деятельности и обыденного познания. В той мере, в какой практическая жизнь опирается на научное познание, использует его результаты, оно перестает быть стихийным, неуправляемым процессом, а

интеллектуальная и мыслительная деятельность все более отвечает жизненным, практическим потребностям людей.

Важно учитывать и то, что практическая жизнь людей есть не только деятельность по преобразованию мира, производству предметов. Она включает общение и взаимодействие людей. Поэтому ум человека должен направляться не только на познание закономерностей природы, на совершенствование техники, но и на познание другого человека. Было бы глубоким заблуждением считать, что обыденная жизнь, включающая взаимоотношения людей, должна обслуживаться так называемым обыденным мышлением как мышлением второго сорта, а мысль теоретическая — устремляться к вершинам познания физического и космического мира и отвечать только интеллектуальной потребности. До последнего времени было распространено такое заблуждение. Это проявлялось в том уже упомянутом вначале факте, что люди решали математические, физические, производственные задачи, а человеческих, т. е. связанных с познанием друг друга, пониманием причин их поведения и т. д., задач перед ними никто не ставил.

В советской психологии категория «общение» заняла свое законное место лишь в 70-х годах, однако особенности познания другого человека в известной мере ограничивались лишь уровнем его восприятия, хотя еще в 30-х годах в работах В. Н. Волошинова, Ю. В. Франкфурта и других философов и психологов обсуждались проблемы мышления как диалога, т. е. в самой его структуре выявлялись особенности, связанные с общением людей, а само мышление соотносилось с их социально-психологическими позициями.

В. Н. Волошинов раскрыл социальную ориентацию слова на собеседника, учитывающую его социально-психологическую позицию. «Какой бы момент выражения-высказывания мы ни взяли,— писал В. Н. Волошинов,— он определяется реальными условиями данного высказывания, прежде всего ближайшей социальной ситуацией»⁵. Слово ориентировано на собеседника, на то, кто этот собеседник: человек той же социальной группы или нет, выше или ниже стоящий (иерархический ранг собеседника), связанный или не связанный с говорящим какими-либо тесными социальными узами (отец, брат, муж и т. п.). «Внутренний мир и мышление каждого человека,— отмечал В. Н. Волошинов,— имеет свою стабилизированную социальную аудиторию, в атмосфере которой строятся его внутренние доводы, внутренние мотивы, оценки и т. д.»⁶. В отличие от Л. С. Выготского, который принципиально ограничивался интересубъективной стороной семантической категоризации, В. Н. Волошинов сумел раскрыть диалектику внешнего и внутреннего. Он показал вовлеченность внутреннего переживания в высказывание и в социально-психологическую ориентацию и ценностную направленность говорящего в зависимости от социальной позиции его личности.

Открытие В. Н. Волошиновым принципиально незеркальной природы общения, т. е. разности позиций в диаде и диалоге, которое наиболее полно выражено в его литературоведческих работах, постепенно реализуется в современных исследованиях диалогового характера мышления (В. М. Кучинский и др.).

С. Л. Рубинштейн, рассматривая становление речи ребенка, раскрыл, что ее этапы связаны сначала с потребностью ребенка понимать взрослого, затем — быть понятым взрослым⁷. Здесь ярко видна зависимость развития мышления и речи от жизненных потребностей, в качестве которых здесь выступают потребности в общении, в понимании. Понимание представляет собой совершенно особую сторону мышления, связанную именно с общением. По мере того как общение становится опосредованным — общением с людьми другой культуры, другой эпохи,— потребность в понимании перестает удовлетворяться решением конкретных коммуникативных задач понимания данного человека и превращается в потребность в информации, в чтении и т. д. Здесь понимание соединяется с тем теоретическим мышлением, которое не только констатирует и воспринимает информацию, но и выдвигает задачи, проблемы, ставит вопросы.

Коммуникативный аспект мышления проявляется не только в понимании, но и в

более теоретичной процедуре объяснения, которая, прежде всего, состоит в раскрытии причин и целей поведения людей, в ответах на вопросы «почему?» и «зачем?». Эта сторона мыслительной активности стала предметом обширных исследований, которые выделяли так называемые атрибутивные процессы, т.е. причины поступков, возникновения мотивации. Но эта область была областью скорее социально-психологических исследований. Однако некоторые ученые выразили известный скептицизм по поводу того, насколько сами люди действительно испытывают потребность раскрывать эти причины, а не социальные психологи в специально организованных экспериментах толкают их на осмысление этих причин. Наконец, важнейшим интеллектуальным феноменом, который также стал предметом изучения психологов, явились так называемые экспектации (или атрибутивные проекции), т.е. ожидание данным человеком определенного отношения, мнения, оценок со стороны конкретных людей или группы в целом.

Это своего рода теоретическое идеальное представление и предвосхищение реального отношения чрезвычайно интересно тем, что оно может (поскольку оно строится самим субъектом) совершенно не соответствовать реальному отношению и даже реальным (скажем, отрицательным) действиям со стороны этого другого в адрес субъекта. Эти экспектации часто соединяются в некоторый свой имидж, когда человек смотрит на себя глазами других людей. Характер этого имиджа, безусловно, зависит от реалистичности ума данного человека, от его способности объективно воспринять и обобщить многочисленные и порой разнообразные оценки его персоны другими людьми. Но он зависит и от потребности субъекта в этих оценках, скажем от его сильнейшего желания получать только позитивные оценки, что помогает ему строить свой социальный образ в «розовом свете».

К сожалению, развитие или угасание этой потребности также проходит мимо внимания психологов, поскольку такое исследование требует определенного жизненного угла зрения. Между тем, как отмечалось, сначала у ребенка чрезвычайно велика потребность в оценке со стороны взрослых, он готов к восприятию ее. Стратегия, пропорции негативных и позитивных оценок, характер их конкретности или обобщенности могли бы помочь ребенку действительно сформировать свой образ не только как продукт внутреннего мира, но и обобщения ребенком отношений к нему окружающих. Однако преобладание в оценках серых красок, командных тонов, поучений и т.д. постепенно снижает трепетность этих ожиданий (экспектаций), доверие к ним, потребность в них со стороны ребенка, и он воспринимает преувеличенно-негативный или преувеличенно-позитивный образ себя в глазах других, который в силу своей черно-белой окрашенности не может помочь строить продуманное, точное и тонкое взаимодействие с людьми.

Если ранее в качестве особенностей ума были названы его гибкость, критичность, то в общении (и благодаря тому или иному типу общения) возникают его другие характеристики: способность к пониманию как способность мысленно встать на точку зрения другого или как способность представить его на своем месте, т.е. способность к восприятию различий и сходства личностных и социально-психологических позиций людей. Человек научается объяснять причины поведения другого человека его подлинными намерениями или как «невольное», вынужденное обстоятельствами; сравнивать постоянную линию поведения данного человека с отдельными несвойственными ему поступками; анализировать особенности поведения, порожденные социальным характером (конформизмом, соглашательством).

Здесь нужно сделать пояснение. Практически вся сфера мышления, связанная с общением людей, в психологии и философии относится к сфере проблем сознания. Мы начали рассматривать эти проблемы как проблемы мышления, чтобы преодолеть скрытое здесь осложнение, состоящее в том, что их квалификация как сферы сознания часто приводит к тому, что они рассматриваются как некоторое покоящееся в головах людей содержание, знание, не требующее никаких интеллектуальных усилий и мыслительной

работы. Это — следствие определенного способа рассмотрения и соотнесения индивидуального и общественного сознания, при котором индивидуальное сознание представляется как некая проекция общественного сознания, содержание которого якобы возникает путем «пересаживания» знаний, информации в конкретные головы. Специфика сознания связывается с ценностями и значениями, которые приобретают в индивидуальном сознании лишь некоторую свою окраску, индивидуально-особенный смысл.

Но, на наш взгляд, необходимо выявить, какие механизмы индивидуального сознания являются только констатирующими то, что задано общественным сознанием, а какие — представляют собой активную интеллектуальную сознательную работу личности, ее мышление.

Усваивая речь и развиваясь, ребенок всего-навсего усваивает то, что составляет все особенности человеческой культуры, человеческого способа действия и образа жизни. Все это представляет собой «констатирующую» часть его сознания, а позже вообще уходит в подсознание, существуя как навыки жизни в человеческом обществе. То же происходит с присвоением все новых достижений культуры и техники.

Однако было бы огромным заблуждением считать, что такие констатирующие формы детского сознания есть универсальные формы всего индивидуального сознания и что они исключают работу мышления по внутреннему преобразованию воспринимаемого. Не рассматривая всего массива проблем общественного сознания, мы предварительно выделяем только те его особенности, которые на уровне индивидуального сознания действительно порождают способность к повторению, воспроизведению и констатации, которые общественное сознание «передает» индивидуальному как некие нормы, правила, не только не требующие теоретического осмысления, но и исключаящие его.

Вторая особенность заключается в различных общественных условностях, традициях, которые фиксируются в общественном сознании и закрепляются в индивидуальном подсознании. Это нравы и традиции данного общества, отличающиеся от нравов и традиций другого общества (эстетическая культура, уклад семьи, взаимоотношения поколений и т.д.). Человек как член данного общества усваивает их, не осознавая, использует на практике, принимая как данность.

Третья часть содержания общественного сознания несет индивидам информацию, которая необходима для нормального функционирования и поведения в обществе (сообщения, где, что, когда происходит, откуда и куда отправляются поезда и т.д.). Эта информация требует только принятия к сведению. Такова, кстати, и большая часть технических, а также бюрократических и коммуникативных правил, инструкций и т.д., которые и создаются для согласования массовых, тиражированных социальных действий. Индивиду для его функционирования как члена общества нужно принять их к сведению и руководствоваться в действии.

Четвертая составляющая содержания общественного сознания, как правило, есть результат отражения общественной жизни, социальных процессов и представляет собой ее определенную трактовку, интерпретацию, даваемую классами общества, предназначенную членам этого общества. Это есть идеология в широком смысле слова: теория и концепция общественной жизни, ее процессов и событий, выработанные данным обществом и необходимые его членам для осуществления текущей социальной жизни. Как правило, специфика идеологии состоит в том, что она требует не только констатации в индивидуальном сознании своих лозунгов и тезисов, оценок и целей, но и их фиксации, т.е. их принятия. Идеологические положения, оформленные в теорию на уровне общественного сознания, на уровне индивидуального сознания требуют не новых объяснений и доказательств, а веры, убежденности и принятия к социальному действию.

Активная теоретическая деятельность индивидуального сознания, интеллектуальное осмысление индивидом социальной действительности начинаются тогда, когда он, во-первых, становится активным членом общества, участником совместной деятельности,

общественных отношений, познания. Во-вторых, теоретическая «работа» индивидуального сознания связана с его основной функцией — функцией обеспечения самоопределения, индивидуального способа жизни личности в обществе, осознания ее жизненного пути. В первом случае индивид посредством своего сознания преимущественно индивидуальным образом решает задачи общественной жизнедеятельности, во втором — задачи личной жизни в обществе.

Опираясь на основной марксистский тезис о зависимости сознания от бытия, можно выявить такую зависимость и для индивидуального сознания: чем более индивидуализирован общественный способ жизни и действия людей, тем более индивидуальному сознанию свойственна подлинно теоретическая работа, а не простая констатация, пассивное отражение объективной действительности. И соответственно, чем более самостоятелен способ жизни личности, тем более конструктивно, активно индивидуальное сознание, регулирующее эту особенную жизнь.

Таким образом, на наш взгляд, индивидуальное сознание в соответствии с разным характером своих связей с общественным имеет две стороны: констатирующую (сюда относятся и «навыки» общественной жизни, и информация, и идеологические позиции, которые в совокупности можно назвать социальными знаниями) и творческую (когда личность размышляет, анализирует, обобщает).

При дифференциации этих разных сторон индивидуального сознания — констатирующей, т.е. просто воспроизводящей данные, выработанные общественным сознанием, и деятельной, творчески-конструктивной — для обозначения этой второй стороны индивидуального сознания мы предлагаем понятие «социальное мышление». Этим подчеркивается тот факт, что индивидуальное сознание ставит и решает проблемы, которые возникают в процессе осознания объективной действительности, а не только впитывает готовые результаты, информацию и другие данные общественного сознания. Это указывает на регулятивную функцию индивидуального сознания, которую оно оказывается способным осуществлять, если сопровождается активной теоретической деятельностью, мышлением.

Мышление определяется как социальное (в более узком и точном смысле слова) не потому, что оно является мышлением человека как социального существа, а потому, что это мышление личности о социальной действительности, которая является его объектом. Мышление, относящееся к социальной действительности и решающее ее проблемы, отлично от мышления, решающего задачи предметного мира (математические, физические, технические и т.д.). Его конкретным предметом являются взаимоотношения людей, социальные процессы, в которых реализуются общественные отношения, сами люди (особенности их поведения) и, наконец, сам жизненный путь личности.

Социальным это мышление является и по своим механизмам, которые свойственны его субъектам. Эти механизмы, с одной стороны, близки общепсихологическим, присущим всякому мышлению, с другой — от него отличны. Эти механизмы, конечно, в целом отвечают логическим законам, по которым осуществляется познание мира человеком, но вместе с тем в них обнаруживается и своя «логика» — социально-психологическая и социальная. Эта логика нацелена на то, чтобы связать познание с деятельностью, с практическим преобразованием действительности. В механизмах этого мышления противоречиво сталкиваются две логики — логика познания и логика действия, которая отвечает целям субъекта.

Социальное мышление отвечает как познавательной потребности, так и ряду других потребностей (практических, общественных, жизненных), возникающих во взаимоотношениях личности с миром. При определении этой потребности важна ее особенность, вытекающая из сравнения познавательной и практической деятельности. Познание мира — это выявление его объективных связей и отношений безотносительных к человеку, не зависящих от субъекта познания. Напротив, познание, связанное с практической деятельностью, раскрывает особенности, связанные с субъектом познания.

Поэтому мышление, отвечающее практическим потребностям и целям, в определенной мере субъективно пристрастно⁸.

В процессе познания происходит доказательство объективности, истинности и общезначимости знания, т.е. независимости результата от процесса познавательной деятельности субъекта и его известной субъективности. Социальное мышление личности и ее мыслительная деятельность включают в себя два диалектически противоположных качества: независимость познания мира от субъекта (и его интерпретации) и зависимость от субъекта оценку мира относительно к субъекту и субъектом.

Известно, что одну из важнейших характеристик и индивидуального, и общественного сознания составляет его ценностный аспект, функционирование в нем значений и смыслов. Ценность социальной действительности заключается в ее относительности и отнесенности к субъекту, его целям, действиям и в самом общем смысле — к жизненным общественным позициям. Однако в ценностях, в оценках помимо отражения действительности выражается отношение субъекта к окружающему миру. Поэтому индивидуальному и общественному сознанию свойственна постоянная активная работа оценивания, осмысления происходящих социальных процессов, явлений, событий.

Но и ценности функционируют в сознании и мышлении в двояком качестве; с помощью одних ценностей констатируется то, что есть в действительности, посредством других происходит ее активное осмысление и переосмысление. Если общественный способ жизни требует от своих членов преимущественно констатировать существующие ценности, то их сознание становится пассивным, а удельный вес мышления уменьшается. Если, напротив, общество заинтересовано в активном сознании своих членов, то возрастает функция самостоятельного оценивания людьми происходящего в мире и роль их мышления.

Подчеркнем, что именно в этом проявляется общественная детерминация социального мышления. Если общество на определенном этапе своего развития интенсивно совершает социальные преобразования, перестраивает общественные отношения и т.д., то оно заинтересовано не в констатировании своих стабильных, уже сложившихся ценностей, а в их переосмыслении и выработке новых. Общественная детерминация индивидуального сознания идет по двум «каналам»: через общественное бытие, конкретную деятельность людей, требующую выработки ее целей, выявления ценностей, связанных с ее осуществлением, а также через воздействие общественного сознания на индивидуальное. Эти два направления могут не совпадать в силу противоречий между бытием и сознанием, возникающих в данном обществе, на данном этапе развития, что сказывается на сознании личности.

Если обратиться к состоянию нашего общества в недавнем прошлом, то можно сказать, что общественное сознание носило констатирующий и даже догматический характер, а потому не требовало от индивидов проявления активности их сознания, мышления. Но в той мере, в какой в самом общественном бытии, в реальной социальной практике решались новые сложные задачи, от участников такой деятельности требовалась их индивидуальная интеллектуальная активность. Эти противоречивые тенденции сталкивались в индивидуальном сознании. Присущая отдельным личностям способность к социальному мышлению, выработанная на почве их реальной социальной деятельности, не могла проявить себя в сфере общественного сознания, которая для подобной активности мышления была закрыта.

В период перестройки нашего общества важнейшую роль в активизации социального мышления личности играет социальный запрос со стороны общества, общественного сознания и практики к интеллектуальной активности, к интеллектуальной деятельности людей. Опросы общественного мнения выражают принципиальный переворот, происшедший в этом отношении. Если до сих пор от индивида требовалось лишь повторение данных обществом оценок, воспроизведение и констатация существующих ценностей, то сегодня от него потребовалась способность самому

оценивать происходящее, у него спрашивают его мнение, что и является запросом, стимулирующим социальное мышление личности.

Отсутствие запроса к интеллектуальной активности, социальному мышлению людей в период застоя приняло совершенно особые, можно даже сказать извращенные, формы, которые нужно назвать, чтобы их преодолеть. Одной из таких форм служит вербализм.

Вербализм, или злоупотребление фразами, словами, проявился в превращении вербальных процедур в социальные действия, ритуалы: чтение текстов и речей, лозунгов, общих мест и фраз вместо осмысления, действительного решения назревших социальных проблем и реальных действий. Вербализм оторвал не только слово от дела, но и речь от мышления. Реальная постановка проблем, исследование социальных причин и следствий подменялись многократным воспроизведением одних и тех же общих фраз. Эта словесная активность, исключившая само мышление, проявилась и на уровне личности: первичная связь слова и дела, мысли и действия разрушилась, социальная ценность реального действия девальвировалась, возникла и фиксировалась установка личности на пустое словотворчество. В силу этого индивидуальная интеллектуальная активность мыслящих людей устремлялась в сферы досуга, в хобби, в чтение научной фантастики, в увлечение интеллектуальными играми и т.д. У некоторых людей сформировалось так называемое «щелевое» сознание, при котором ум использовался лишь для решения житейских задач. У части образованных людей начали формироваться установки «не задумываться», т.е. происходило сознательное подавление работы мысли. Наконец, у некоторых возникли такие интеллектуально-духовные противоречия, которые невольно своей неразрешимостью подавляли движение мысли, замораживали ее или вообще толкали личность на переоценку ценностей. Духовный протест против задалбливания социальных ценностей перерастал в протест против самих ценностей.

Сегодня выражен общественный запрос не только на общую интеллектуальную творческую активность личности, но именно на ее социальное, новое мышление. Намечается ряд преобразований в науке, состоящих в отмене фиксированных бюрократических должностей, которые давались независимо от творческих данных ученого. Благодаря этим преобразованиям уровень и активность интеллекта приобретут утраченную социальную ценность. Переосмысление нашего прошлого, осуществление новых актуальных задач социального преобразования должны способствовать активизации индивидуального мышления. Тем самым возникает возможность преодолеть интеллектуальный инфантилизм, существующий до сих пор даже у образованных людей, интеллектуальную созерцательность, развить интеллектуальную инициативу именно социального мышления людей.

Для этого способ подачи социальной информации не должен быть направлен на констатацию, а включаться в проблемный контекст, побуждать к размышлению и поиску дополнительной информации, а главное, к осознанию социальных проблем. Констатирующий способ подачи социальной информации, в известной степени необходимый для передачи информации, подавляет любую активность индивидуального мышления, ставит интеллектуальный барьер осознанию социальных задач и проблем, закрывает стремление к поиску причин и следствий событий, о которых дается информация, ограничивая сознание личности уровнем восприятия (Й. Кхол).

Поскольку личность функционирует как член общества, осуществляет его функции и роли, решает совместно с другими общественные задачи, то ее сознание, являясь индивидуальным по своей принадлежности индивиду, становится и общественным по существу. Соответственно индивидуальное сознание определяется и особенностями той общности, в которую входит данная личность. Общности, слои, группы, классы имеют социально-психологические особенности сознания и мышления. Наиболее ярко они проявляются в механизмах установок, ожиданий, стереотипов.

Роль этих механизмов состоит в следующем: чтобы каждый индивид не проходил заново того социального пути, который прошла его группа, общность, ему даются в

готовом, и притом зафиксированном, виде определенные установки, готовые способы ориентации в социальной действительности, готовые матрицы поведения в ней, готовые клише для интерпретации ее событий. В силу природы общественной жизни каждый индивид вооружается и готовыми орудиями труда, и своеобразными теоретическими «орудиями» общественной жизни, и в этом смысле стереотипы необходимы и неизбежны. Если же речь идет о преодолении стереотипов, значит, общественное развитие достигло такого этапа, когда нужна смена старых теоретических «орудий» на новые, и она должна происходить и в обществе в целом, и в его группах, слоях, и в головах отдельных людей.

Как же соотносятся друг с другом эти различные механизмы в индивидуальном мышлении? Это вопрос не только научно-теоретический, но и жизненно-практический, потому что только оптимальная связь этих равных механизмов может способствовать активизации социального мышления в целом.

2. Основные процедуры и типы социального мышления

Социальному познанию общества в целом свойственна совокупность следующих познавательных операций: категоризации, интерпретации и, наконец, проблематизации социальной действительности. Социальное мышление имеет свои особые процедуры. Понимание — интерпретация информации, ценностей, сообщений, предлагаемых обществом индивиду — первая из них. Информация, ценности, общественные оценки присваиваются, т. е. понимаются индивидом, становятся достоянием его социального мышления, он может свободно ими оперировать. Процессы понимания близки по процедуре переводу текста с одного языка на другой: происходит перевод информации с социального языка на язык индивидуальный, личный. Кстати говоря, процессы интерпретации как процедуры понимания изучались в ситуациях трех типов (при переводе с одного языка на другой; при чтении текста, где происходит переход от одной культурно-исторической системы к другой, от одной, авторской, к другой, читательской, концепции; наконец, в диалоге, когда каждый из партнеров извлекает некий тезис из своей системы понятий, мыслей, своей интеллектуальной «кухни» и преобразует его для другого, чтобы тот понял его, т. е. мог соотнести со своей системой понятий, мыслей и т.д.).

Для правильной интерпретации важна диалектичность мысли: с одной стороны, должна быть достигнута идентичность того, что говорится, и того, что понимается (произвольная трактовка услышанного не есть понимание); с другой — понимание предполагает включение информации в свой контекст, в свою концепцию. Таким образом, интерпретация — это субъективная переработка воспринятого, раскрытие его смысла и значения. Широкое распространение процессы понимания и интерпретации приобрели в связи с расширением в обществе проблем оформления, передачи и принятия информации.

Информационные процессы охватывают передачу научных, технических, социальных сведений и способы функционирования и восприятия массовой культуры. Индивидуальные особенности интерпретации информации возникают как следствие функционирования информационных процессов в обществе: бедность информации, ее неадекватность порождают узкую, ограниченную ее интерпретацию и соответствующее социальное мышление («от сих до сих»). Отсутствие научной, или глубокой, информации порождает обыденную оценку и интерпретацию людьми событий и социальных действий. Неполнота информации порождает своеобразную компенсацию ее в виде слухов, сплетен и т.д., которыми восполняется недостающая информация, и ей дается соответствующая интерпретация.

Информация может нести в себе почти эмпирическую, описательную, поверхностную констатацию действительности, порождая соответствующие установки индивидуального сознания и мышления. Сообщение фактов без их оценки и анализа, описание событий, не заключающее их обобщений, сравнений, проблематизации, — таков

исходный дефект той информации, который порождает бедность интерпретации и ограниченность индивидуального сознания и мышления, отмечает чехословацкий психолог Й. Кхол.

В мышлении каждого индивида представлен понятийно-проблемный уровень мышления его эпохи, свойственный ей способ понимания социальных процессов и явлений, что в свою очередь усиливается или ослабляется установками или другими социально-психологическими механизмами (например, ритуально-символическими и др.), характерными для данного общественного слоя. Каждой личности, живущей в обществе, доступен выработанный им определенной сложности понятийный аппарат, символика, с помощью которых обозначается социальная жизнь людей. Отдельному человеку также присущ свой, индивидуальный способ, стиль мышления.

Таким образом, в мышлении индивида разные уровни мышления находятся в сложном соотношении. Поэтому при исследовании социального мышления личности необходимо выявлять, насколько в нем проявляются общественные механизмы мышления, социально-психологические механизмы обыденного, житейского, мифологического и т.д. сознания, каково их позитивное и негативное влияние.

Как отмечалось, важную роль в активизации мышления личности играют социальные требования общества к интеллектуальной активности людей, социально-психологические установки, представленные в групповом, обыденном сознании, которые могут либо поощрять, либо препятствовать развитию личной интеллектуальной инициативы, интеллектуальной активности.

Проблематизация свидетельствует о творческом, преобразующем, конструктивном характере мышления. Постановка и решение проблем есть общая и сущностная характеристика познания, а не только характеристика социального мышления. Выявление проблемы начинается в том случае, когда явления действительности становятся предметом мысли человека. «Проблема, или проблемная ситуация, является таковой прежде всего, поскольку в ней имеются неизвестные, как бы незаполненные места... выступающие внутри ее, которые подлежат заполнению... на место которых должны быть подставлены их значения» — так определяет суть проблемности С. Л. Рубинштейн⁹. Это неизвестные до сих пор человеку свойства, стороны, отношения объектов, которые связаны с уже известными, т. е. этими известными они определенным образом предполагаются. Субъект ставит для себя вопрос, какие это неизвестные явления, выдвигает предположение, гипотезу, которая и является более или менее четкой формулировкой проблемы.

Проблема возникает и в том случае, если налицо противоречие между двумя известными положениями, событиями, которое человек осознает и пытается разрешить. Проблема предстает в таком случае как предположение о конструктивном способе разрешения данного противоречия. Возникновение проблем связывают, далее, с практической деятельностью субъекта, в которой в силу тех или иных причин на определенном этапе оказывается невозможен старый способ действий и возникает необходимость в выработке нового. Проблемы могут возникать как следствие социальной активности субъекта, направленной на преобразование наличной социальной действительности. Наконец, как это обычно происходит в науке, проблематизация выступает как способ разрешения противоречий между старым и новым знанием, старым знанием и новыми данными и т.д. Для социального мышления проблемы возникают и формулируются не только на абстрактном или не только на конкретном уровне, иногда сущностные проблемы обнаруживаются через конкретные условия их проявления.

Проблема возникает в случае перехода от явления или явлений, по которым как бы скользит мысль человека, от фактов, от информации к их сущности, когда она сначала внезапно, интуитивно как бы «проглядывает» за явлениями, вызывая догадку о возможном способе связи этих явлений, их причинах, их целях, вынуждая человека осознать и поставить проблему. Проблемность — основная особенность познавательной

деятельности человека, главная форма, в которой он охватывает действительность познанием, открывая нечто новое.

Проблема радикально отличается от задачи, хотя в психологии мышления их практически отождествляли. Задача всегда имеет свою четкую структуру: в ней нечто всегда дано (условия), причем совокупность этих условий для мысли человека уже четко ограничена, задана, определена. Если он расширит число условий, он уже будет иметь дело с другой задачей. Далее, в ней существует требование или неизвестное, вопрос, на который должен быть найден ответ именно при данных условиях, на их основе. Условия и требование уже внутренне связаны между собой, и человек должен выявить, обнаружить именно эту связь. Задачи обычно уже сформулированы, поставлены, даны, их требуется только решить, причем уже на основе существующих знаний, которые должны быть привлечены к их решению. Кроме того, всегда существуют аналоги решения задач данного типа (каждый со школьной скамьи помнит задачи про трубы, в которые одновременно вливается и выливается вода, и т.д.), т.е. поиски решения происходят с опорой на существующее знание, на отнесение задачи к соответствующему классу задач, что позволяет выработать стратегию их решения, перебрав возможные, уже известные способы.

Постановка проблемы подобна составлению новых задач; трудность этого легко испытать, попытавшись составить новую задачу (даже по аналогии с существующими в алгебре, физике и т.д.). В форме задач выступает связь мышления индивида с обществом: как бы охраняя его мышление от излишних усилий, ему предлагают уже определенным образом оформленные фрагменты, структуры, за пределы которых нужно выходить лишь для того, чтобы найти ответ только в пределах, заданных вопросом. Здесь мысль не сама наталкивается на проблему, а побуждается, стимулируется, иногда почти вынуждается задачей. В постановке проблем человек менее скован. Во-первых, потому, что он может в качестве ее условий взять любые. Во-вторых, потому, что его мысль может обратиться в поисках решения к любой другой области знания, тогда как задача всегда принадлежит не только к одной области, но и к одному классу, типу. В задаче не может быть никаких противоречий, они возникают только в результате неправильного способа решения и являются показателем его ошибочности. Если при решении задачи человек должен избегать противоречий, то при решении проблемы он, напротив, их постоянно должен иметь в виду, удерживать, мысленно рассматривать, анализировать. Если в задаче его мысль освобождена от привлечения новых условий, то при решении проблемы он постоянно вынужден прикидывать, могут ли те или иные факты, явления, данные стать условиями постановки проблемы.

Исходя из этого очевидно, что сама постановка проблемы, т.е. ее обнаружение, формулировка, определение, является самой сложной интеллектуальной деятельностью. Творческие личности обладают существенными для этого интеллектуальными качествами: они не боятся сложности, противоречивости, неясности, могут удерживать множество данных в своем сознании в еще неопределенном, неупорядоченном состоянии. Люди более ограниченного интеллекта всегда стремятся к интеллектуальным стандартам, к избеганию противоречий, к упрощению, стремятся все свести к более или менее локальной, несложной задаче.

Проблема отличается от задачи также и тем, что последняя своей формой, фактом требует решения. Проблема может существовать долгое время как открытая, над решением которой, скажем, многие годы могут биться ученые.

Это обстоятельство особенно явно обнаруживается на уровне индивидуального мышления: есть люди, интересующиеся исследованием проблем в той или иной области общественного знания, обсуждением проблем политики, однако, обладая интеллектуальной любознательностью, они никогда не проявляют потребности и даже не делают попытки их самостоятельного решения. Таким образом, представленность некоторых социальных проблем в индивидуальном сознании еще не означает их превра-

щения в предмет социального мышления данной личности, для чего, по-видимому, нужны дополнительные интеллектуальные и собственно личностные потребности. Такая умозрительность, или созерцательность, индивидуального мышления связана также с особой неосознаваемой установкой личности, что решать данные проблемы должно общество, что это «не нашего ума дело».

Некоторые советские социологи связывают формирование проблем с социальной критикой¹⁰. Однако другие считают, что выявление и решение проблем есть прерогатива общества, а не отдельной личности. Между тем на самом деле новые постановки проблем являются продуктом мышления отдельных людей, а уже затем эти проблемы, будучи приняты обществом, начинают распространяться в общественном сознании. Примеры проблем могут быть взяты из самых разных областей социальной действительности: на определенном этапе для руководителя могут стать сложной проблемой взаимоотношения с подчиненными (поскольку одни активно выходят из-под его подчинения, другие не выполняют порученных заданий, третьи конфликтуют между собой), осознание и решение которой он может откладывать. Но без этого решения ситуация только усугубляется. Проблемными могут стать взаимоотношения в семье (матери и дочери), когда позиции меняются и требуют нового типа взаимоотношений, а навязывание прежних вызывает конфликты. В общественной жизни часто называют проблемой отсутствие продовольствия и товаров потребления и т.д. Часто словом «проблема» обозначаются наметившиеся в жизни противоречия, несоответствие или трудность. Негативные явления, связанные с молодежью, называются проблемой молодежи и т.д.

Действительными проблемами являются те, которые уже выявлены, определены. Например, центральной проблемой воспитания в школе является противоречие между авторитарным стилем управления, который исключает подлинное самоуправление, и необходимостью осуществлять это самоуправление как условие действительного формирования личностей, их социальной активности и коллективизма.

Можно, по-видимому, различать два типа социальных проблем по степени их объективной выраженности: одни представляют собой уже выявившиеся следствия противоречий, которые себя реально обнаружили и настоятельно требуют своего решения, другие проблемы возникают в порядке опережения реального развития противоречий, т.е. существуют потенциально, в тенденции, которая и должна быть выявлена мышлением. Первые — более жесткие, неотложные и, как правило, обнаруженные уже самой социальной ситуацией, а потому ограничивающие число возможных решений, «выходов из положения». Эти проблемы скорее приближаются к задачам. Обычно в практике они называются острыми проблемами. Вторые требуют прогнозирования, проектирования самим субъектом, который, как правило, может сам вводить более широкий круг условий, проблемные пространства, предлагать различные способы их решения, альтернативы.

Существуют и социальные задачи, достаточно конкретно выявившиеся или поставленные людьми, но они чаще всего требуют или практического действия, или принятия решений. Их решение также является предметом социального мышления, но не раскрывает процедуру проблематизации. При выявлении проблемы в социальной действительности субъект чаще всего сам должен определить, что является необходимым и достаточным для ее решения, т.е. выявить условия ее решения, существо противоречия, составляющее проблему, определить его стороны, альтернативы и т.д.

Наиболее сложными в изучении проблематизации представляются два момента. Первый заключается в том, что, как говорилось, постановка проблемы, т.е. ее выявление, обнаружение, может быть оторвана от ее решения. Проблема ставится одними людьми, в одно время, а решение вовсе не обязательно осуществляется ими же и в то же самое время. Более того, представленность проблем в сознании людей (о чем свидетельствует их способность формулировать эти проблемы) еще не свидетельствует о готовности к их решению, о способности к такому решению. Возможно и противоположное соотношение:

у субъекта есть социальная потребность в решении проблем, возникающая из восприятия им определенных объективных противоречий, но это еще не означает, что проблема им осознана и конструктивно сформулирована. Отсутствие конструктивных постановок проблем, их осознания, так же как и отсутствие их конструктивных решений, не может быть исчерпывающе объяснено интеллектуальной несостоятельностью тех или иных субъектов.

От чего же зависит представленность проблем в индивидуальном сознании и их превращение в предмет активного мышления личности? Прежде всего, это зависит от постоянства работы интеллекта, от наличия интереса к данной области действительности, от глубины знаний о данной области жизни.

В ответ на вопрос: «Какие Вы можете назвать пять проблем?» — часть опрашиваемых констатировала: «Общие места», не будучи в состоянии дать их сколь-нибудь содержательную характеристику (проблема с продовольствием, проблема семьи и т.п.). Другая часть лишь ставила вопросы. Более активно думающие лица указывали на некоторые противоречия, определяя их стороны, их существо. Наконец, только четвертая категория людей действительно формулировала проблемы. Иными словами, обнаружилась разная глубина мышления, разная степень его активности, низшим уровнем которой является постановка вопроса, а высшим — постановка проблемы.

Венгерские социологи, разработавшие методику анализа представленности проблем в сознании личности, распределили ответы опрашиваемых по степени «близости» называемых проблем данному человеку (поскольку опрашивались рабочие, то одни называли проблемы своей собственной работы, другие — проблемы своей бригады, третьи — проблемы цеха и т. д.).

Мы провели исследование, в котором пытались выявить, в какой мере одна и та же (например, педагогическая) ситуация, предложенная для анализа будущим педагогам и студентам других специальностей, может рассматриваться и формулироваться ими как проблема. Ситуация предлагала для анализа конфликт между учеником, учителем и родителями. Один способ решения состоял в том, что отвечающие (как правило, будущие педагоги) рассматривали ситуацию достаточно теоретически, однако не проблемно, поскольку решение они пытались найти не в ее существе, а в некоторых аналогиях, профессиональных стандартах. Второй способ решения, предложенный другими лицами, состоял в переносе на ситуацию своего личного прошлого опыта, в переживании заключенного в ней противоречия, что как раз и мешало рассмотреть ее теоретически. Наконец, третий способ решения заключался в соединении значимости ситуации для личности и способности ее обобщенного теоретического рассмотрения, в формулировке ее как проблемы.

Следовательно, проблематизация как высшее проявление индивидуального мышления достижима разными путями, детерминирована разными причинами. И в первом, и во втором случае проблемному видению, постановке проблемы угрожает стереотип, сформированный прошлым опытом, который сейчас же снимает проблемность, в одном случае переводя ее на типичное решение, т.е. своеобразный профессиональный или иной стереотип, в другом — отдавая личность во власть переживания проблемы.

Выделение проблемы, ее формулирование и т.д., как отмечалось, еще не является гарантией того, что субъект готов взяться за ее решение (не говоря о том, что будет найдено ее конструктивное решение). В исследованном нами случае важным моментом для выявления проблемы являлась определенная пропорция абстрактно-типичного и конкретно-контекстуального ее рассмотрения. Чрезвычайно существенным этапом является формулирование противоречия, что предшествует подлинной проблематизации. Таким образом, способность личности ставить социальные проблемы, проблемно относиться к действительности обусловлена и уровнем развития ее интеллекта, познавательной мотивации, и общей интеллигентностью, и личностной значимостью этих проблем.

В этом исследовании была в известной мере выявлена связь мышления с жизненными потребностями личности (тогда переживание противоречий может блокировать мышление), связь способа мышления с профессиональными стереотипами, которые препятствуют подлинной проблематизации, и, наконец, то оптимальное сочетание личностной жизненной и собственно интеллектуальной потребности, которое ведет к проблематизации. Следовательно, проблематизации действительности препятствуют стереотипы, недостаточно высокий уровень интеллектуальной активности, иногда жизненные потребности или переживания, мешающие теоретическому анализу и осмыслению проблемы. Последний случай проявился при опросе населения сразу после событий в Нагорном Карабахе, когда люди могли выразить свою растерянность, потрясение, сожаление и т.д., но не могли дать теоретическое определение существа проблемы, говоря, что они не задумывались над этим.

На личностном уровне часто обнаруживаются такие особенности социального мышления, как привычка к интеллектуальной поспешности, категоричности, упрощенности, в чем проявляется своеобразная «беспроблемность» индивидуального мышления. Часто она вызвана способом подачи информации, носящим принципиально констатирующий характер, без анализа, оценок и указания причин происходящих событий. Поскольку это происходит на уровне общественного сознания, проявляется в общественном структурировании информации, то воспитывается соответствующее некритическое, поверхностное, констатирующее мышление индивидов.

Другой важнейшей операцией социального мышления наряду с проблематизацией социальной действительности является процедура интерпретации. Интерпретация есть оценочная процедура сознания, познания и мышления, т.е. раскрытие смысла, значения происходящих явлений и процессов.

Интерпретация в разной мере может проникать в сущность явлений (и в зависимости от этого в разной мере способствовать проблематизации). Как говорилось, в одних случаях мышление раскрывает причины, в других — цели, ценность происходящих процессов, отвечая на вопрос «зачем?». На уровне общественного сознания (и мышления) в оценках, интерпретациях используются научные и идеологические критерии, на уровне социальной психологии групп, слоев, общностей иногда функционируют суждения, не имеющие критериев, необоснованные мнения, предрассудки, связанные с различными социальными позициями, интересами, образом жизни этих групп. Оценки могут носить иллюзорный или реалистический, рациональный характер в зависимости от включенности этих субъектов в более передовые или в более отсталые области общественной практики, от степени активности их социальных действий. Наконец, на уровне индивидуального сознания представлены, как говорилось, в форме стереотипов, само собой разумеющихся правил, оценок общественные оценки, суждения, критерии, но вырабатываются и свои собственные.

То, что интерпретируется обществом как расхищение общественного добра, личностью может интерпретироваться как восполнение своими силами того, что ей обществом недодано, как восстановление справедливости. Продвижение работника на следующую иерархическую ступень карьеры одними рассматривается как почетная ссылка, другими — как выражение доверия к его возможностям. Для одного человека уход на пенсию — долгожданное благо, для другого — трагедия. Таких различий в интерпретациях одного и того же факта, события, явления можно привести множество. Нужно еще раз подчеркнуть, что интерпретация и проблематизация тесно связаны друг с другом: стереотипная интерпретация, так же как и поверхностная, не выходящая к сущности явлений, препятствует проблематизации.

В индивидуальном сознании интерпретация выступает в виде процессов понимания, которые являются разновидностью социального мышления. Благодаря пониманию личность либо использует получаемые данные, сведения, информацию в деятельности, либо включает их в контекст своего мышления, знаний, теоретических представлений.

Понимание предполагает определенную степень субъективности, но одновременно и тождества исходному содержанию — нельзя понять нечто путем искажения сказанного, услышанного. При исследовании процессов понимания обычно ограничиваются достижением именно такой относительной идентичности понимаемого и понятого. Существует другая операция мышления, обратная пониманию, которая может раскрыть степень понимания вопроса субъектом материала и свободного владения им,— объяснение.

Обычно во время лекций часть студентов почти механически записывает текст, не ставя перед собой задачу понять его. Однако группа студентов педагогического института, прошедшая накануне в школе практику, представляла собой уникальных в этом отношении слушателей: они только что сами побывали в роли учителей, объясняющих текст, и обнаружили, что между пониманием и объяснением лежит дистанция огромного размера, большая интеллектуальная работа, а потому на лекции слушали с установкой на предстоящее объяснение. Объяснение как раз и является важнейшей процедурой социального мышления, дополняющей и уточняющей интерпретацию, поскольку оно направлено на обоснование, доказательство истинности того, что сообщается. Объяснение должно даваться и обществом при интерпретации социальных явлений, что ведет к активизации индивидуального мышления, формированию потребности понимания причинности, и одним индивидом при передаче сообщений другому. При самых сложных интерпретациях, допускающих многозначность толкования, требуется не только объяснение, но и доказательство. Например, при интерпретации преступлений, законов, статей закона, определяющих их состав, нужна система фактов и доказательств, из чего и строится судебная процедура, включающая защиту, которая требует доказательств вины подсудимого.

Как отмечалось, важнейшей характеристикой сознания является его диалогичность, выражающая коммуникативную направленность сознания и соответственно особенность социального мышления. Однако коммуникативность мышления личности имеет, по крайней мере, три все более усложняющихся качества, или способности. Первое состоит в самой мысленной адресованности к другому человеку, в оценке его позиции и в учете его самого при мысленном рассмотрении проблемы, на чем мы подробно остановимся ниже. Второе состоит в предвосхищении, т.е. в прогнозировании, в ожидании мнений другого человека, его оценок, понимания, суждений. Как уже говорилось, наше представление о том, что думает о нас другой, может совсем не совпадать с тем, что он думает на самом деле. Однако наше собственное мнение о его отношении может быть настолько фиксированным, что воспринять и понять его реальное отношение к нам так и не удастся. Или, напротив, человек не видит очевидного и требует от другого доказательств его хорошего отношения к себе (как это часто требуют любящие друг от друга). Однако, как мы увидим, эти экспектации (или атрибутивные проекции) у разных людей развиты в неодинаковой степени, в различной мере реалистичны, конкретны или обобщены и т.д.

Наконец, третья составляющая, или качество социального мышления, состоит в степени развития способности и склонности к диалогу. Это уже не сама по себе особенность сознания, но интеллектуальная особенность личности. Последняя, скажем, может быть столь эгоцентрична, что не допускает ни возражений своему мнению, ни необходимости его обосновывать. Французский психолог М. Жилли идею очень интересным исследовательским путем, выявляя момент, когда у ребенка возникает такая способность: он сначала предлагает детям, сидящим друг против друга, сообща, совместно управлять движением несложной игрушки. Но их правые руки и соответственно представления о движении вправо асимметричны, что и требует мысленного переворачивания вектора движения при соединении усилий с партнером. Затем дети садятся перед компьютером, не видя друг друга, и таким образом они должны скоординировать свои усилия, опираясь не на зрение, а на теоретическое представление о другом и направлении его движения. Только при наличии такой теоретизации,

учитывающей свою позицию, позицию партнера и равнодействующую усилий, можно, например, объяснить партнеру, почему он действует неправильно, и т.д.

Подобно этой в общем-то несложной теоретизации происходит и коммуникация двух людей, имеющих каждый свое мнение и желающих прийти к единому. Каждый из них должен постоянно совершать мысленные преобразования: представлять себе, как партнер видит его позицию, и соотносить это и со своим видением его позиции, и со своей реальной позицией. Эта способность к умственным преобразованиям и составляет способность к диалогу и дискуссии. В ней присутствуют и аргументы своей правоты, и аргументы неправоты другого, и, главное, стремление совершить конструктивный синтез, т.е. найти то новое видение проблемы, при котором позиции не будут альтернативными, а совпадут. Нетрудно заметить, что здесь, так же как и в проблематизации, присутствует противоречие, альтернативность.

Однако важнейшей является именно способность теоретически представлять себе позицию другого, а не замыкаться в своей. Это и есть существо способности к диалогу, дискуссии. Когда в эксперименте со студентами им было предложено организовать дискуссию, обнаружилось, что ни теоретически, ни практически они к ней не готовы. Так, одна сторона, взявшись защищать преимущества американской системы образования, заранее не предвидела, что в качестве аргументов ей понадобятся конкретные данные об этой системе, не говоря уже о фактах ее преимуществ. Другая сторона, защищавшая преимущества советской системы, также не обладала знаниями, чтобы раскрыть недостатки американской системы и на этом фоне показать преимущества нашей.

В диалоге и дискуссии человек должен не только сообщить другому свое понимание, он должен понять позицию другого, мысленно сопоставить ее со своей, выявить степень понимания партнером своей позиции, выстроить систему аргументов в защиту преимуществ своей и раскрыть недостатки позиции другого. Самым главным является различие двух типов дискуссий, которое основывается на различии двух типов мышления. Если встречаются стороны, стремящиеся только опровергать друг друга или доказывать свою правоту и неправоту другого, то такая дискуссия не будет конструктивной и продуктивной, поскольку единства позиций выявить не удастся. Нужны специальная мотивация, установка личности не на конфронтацию, а на теоретическую кооперацию, взаимодополнение точек зрения, снятие их противоречий на новом уровне, выход в новое проблемное пространство, в котором не просто достигается согласие, а начинается новый совместный продуктивный интеллектуальный поиск, достигается конструктивное решение.

Что препятствует продуктивной дискуссии? По крайней мере, два обстоятельства, каждое из которых раскрывает новую процедуру социального мышления. Первым является так называемая категоризация, которая представляет собой социально-психологическую особенность социального мышления, его социально-психологический механизм. Когда вырабатывается та или иная оценка, теоретическая позиция и т.д., то она провозглашается как позиция данной группы, в которой частные мнения уравниваются, и одновременно как противоположная и противопоставляемая позиции другой группы. Происходит, с одной стороны, социальное выравнивание позиций в точке зрения «мы», с другой — это выравнивание происходит за счет конфронтации с позицией, которую занимают «они». В наиболее ярком виде социальная категоризация в недавнем прошлом проявилась в формировании образа врага, противника и т.д., посредством которого осуществлялась конфронтация двух крупнейших держав. Возникновение такого образа не только не случайно, но и отвечает широко исследованным закономерностям формирования национального и других форм сознания и самосознания. Почему же категоризация препятствует конструктивной дискуссии? Прежде всего, потому, что теоретическому обсуждению уже заранее предшествует установка на неправоту, на ошибочность точки зрения противника. В таком случае аргументами дискуссии являются не доказательства и обоснования, а лишь взаимные обвинения.

Конструктивному диалогу препятствует (или способствует) индивидуально-психологическая способность-неспособность к диалогу, но не с партнером, а с самим собой. Способность к внутреннему оппонированию есть способность и свидетельство зрелости социального мышления личности. Личность не просто принимает на веру усваиваемое, предлагаемое ей знание, информацию, а обладает внутренней критичностью, способностью развернуть систему вопросов и обоснований. То же самое относится к положениям, мыслям, проблемам, которые личность хочет предложить другим. Их внешнему выражению, высказыванию должна предшествовать стадия проверки, взвешивания аргументов своей правоты, истинности сообщаемого другим. Способность вести с собой диалог и даже дискуссию является предпосылкой конструктивного диалога с другим, поскольку уже изначально человек не считает свою точку зрения единственно возможной (или во всяком случае уже мысленно прикинул возражения против нее, опроверг доводы и контраргументы).

Возвращаясь к трем перечисленным выше коммуникативным особенностям мышления, необходимо подкрепить их эмпирическими данными, их раскрывающими. В исследовании выявлялось, как один человек мысленно представляет себе другого, в каком качестве он его мыслит. Для этого было установлено, как он оценивает самого себя, других людей (членов группы) и какие оценки ожидает от них, т.е. налицо три оценочных параметра.

В результате выделились различные типы личностей по характеру связи само- и взаимооценивания. Три составляющие в сознании разных типов личностей были связаны следующим образом: у первого типа три отношения: к другим, к себе и других к нему (представленные характером самооенок, оценок других и ожиданием их оценки) — оказались не связанными друг с другом. Например, он оценивает себя в отрыве от оценки других, без сравнения себя с другими, по другим основаниям и критериям, а ожидание их оценки (атрибутивная проекция) никак не связывает со своей оценкой других.

Второй тип имеет структуру сознания, в которой связаны преимущественно два отношения, а третье отношение изолировано от них или слабо выражено. Например, человек оценивает других в зависимости от ожидаемых оценок ими себя или самооценку связывает с ожиданием оценок, тогда как оценку других строит изолированно (самолюбивый тип, равнодушный к мнению о себе) или самооценку связывает с оценкой других, пренебрегая их мнением (эгоцентрический тип, равнодушный к мнению о себе). Иными словами, второй тип имеет несколько подтипов, у каждого из которых две составляющие были связаны между собой в разных сочетаниях попарно, но третья была изолирована (или совсем слабо выражена).

Слабая выраженность или отсутствие третьей составляющей сознания проявлялись в том, что у одного была потребность оценивать окружающих, но не было потребности в их оценках (атрибутивной проекции), у другого — наоборот. Обнаружились и такие различия. У одних высокий уровень самооценки сочетался с высоким уровнем оценки других. Напротив, у ряда испытуемых наметилась противоречивая зависимость: чем выше самооценка, тем ниже оценка других, чем ниже самооценка, тем выше оценка других. Все результаты исследования оценочно-самооценочных отношений были затем проанализированы и представлены в виде восьми типов.

1.Самооценка вне связи с оценкой себя другими и своей оценкой других, самооценка постоянная, высокая. Тип получил условное название эгоцентрического.

2.Самооценка, даваемая через сравнение себя с другими, опора на оценки других и себя другими, постоянная положительная самооценка (коллегиальный тип).

3.Самооценка через свою «репутацию», т.е. через оценку себя другими (директивный тип — с положительной, эгоистический — с отрицательной репутацией), преобладание негативных оценок в адрес других.

4.Самооценка через сравнение с другими, но путем ориентации на нормы («хорошие студенты»), а не на их отношение, самооценка средняя, непостоянная, потребность

оценивать других и получать их оценку выражена слабо (функциональный тип).

5. Самооценка проявилась как уверенность в хорошем отношении других и вместе с тем как потребность их критически оценивать (инициативный тип).

6. Рефлексивность и самокритичность вне связи со своей оценкой других и оценкой себя другими, самооценка непостоянная («рефлексивный» тип).

7. Самооценка неопределенная, невыраженная, вне связи с другими: есть потребность в оценке другими, но нет потребности их оценивать («рефлексивный» тип).

8. Противоречивая, низкая самооценка: есть потребность оценивать других, но нет потребности в их оценках.

Итак, самооценка может формироваться путем противопоставления собственного мнения о себе мнению окружающих, а может еще более парадоксальным образом брать за основу мнение других, но отказываться от их реальных оценок. Далее, одни личности восприимчивы к мнению других о себе, но сами о них не имеют собственного мнения и т.д. Низко оценивая окружающих, определенный тип и не нуждался в их оценке, т.е. в сознании уже сформировался барьер: не было ожидания оценки, а потому и не было ее адекватного восприятия, когда она давалась. Другой тип, напротив, сильно нуждаясь в оценке (особенно при низкой самооценке), не испытывал потребности оценивать других, а потому, скажем, у него отсутствовала способность сравнивать себя с другими и т.д.

Все эти данные о связи самооценки и оценок других (и другими) послужили основанием для выявления способа мышления о другом человеке, поскольку ожидание его оценки или его негативное (позитивное) оценивание еще не являются исчерпывающим показателем этого способа. В последующем исследовании каждый из студентов получил задание выступить организатором семинара (в форме диспута), для чего он должен был составить предварительную программу своих действий и задач участников. Когда сравнили программы, оказалось, что проектирование, прогнозирование действий других людей осуществлялось разными способами. Первый тип прогнозировал действия других так, как если бы они были только исполнителями его указаний (по управленческому типу). Он писал о том, какие темы им даст, что они скажут, как сделают доклады. В его плане отсутствовала атрибутивная проекция: ожидание встречных действий, возражений и т.д. Иными словами, он был совершенно не способен к диалогичному мышлению, мыслил эгоцентрически, монологически. (Так, вероятно, мыслили в эпоху застоя все авторитарные руководители, исключавшие любую инициативу снизу.)

Второй тип прогнозировал встречные действия других, т.е. мысленно рассматривал их в качестве субъектов, а не объектов (он предполагал, что кто-то может отказаться, переменить тему, предложить свою и т.д.). Наконец, третий тип, который был условно назван «шахматистом», расписал все варианты возможного взаимодействия (рассматривая при этом других как субъектов). План был составлен в категориях «если» (если он откажется, я предложу такой-то вариант; если я скажу ему то-то, он может возразить то-то), что свидетельствует о диалогичности мышления. Это способность не только представить себе точку зрения партнера, но и расписать последовательность хода дискуссии, как это делается в шахматной партии. Ко второму и третьему типу относились те лица, у которых по первой типологии было выражено ожидание оценок со стороны других, т.е. отношений к себе других (атрибутивная проекция).

Когда все «организаторы» приступили на основе своих программ к проведению семинара, каждый тип оказался в совершенно различной когнитивной коммуникативной ситуации. Первый тип находился в наихудшем положении, поскольку он (как плохой полководец) не предвидел встречных действий, инициатив, отказов, т.е. проявлений субъектности со стороны своих «исполнителей». Когда же он реально с этим столкнулся, это было для него неожиданностью, и ему пришлось либо выбрать стратегию «взаимодействия», либо подавить «сопротивление» волевым путем и добиться исполнения своих указаний (что довольно трудно для студента как еще неопытного педагога), либо пустить все на самотек. В поведении таких «руководителей» и выявились

две стратегии — приказ или отказ от дела (приказ вел к конфликту и т.д.). Для второго типа ситуация была иной, поскольку он допускал множество вариантов поведения других. Поэтому его взаимоотношения с другими складывались в виде диалогических проблем, где находился вариант совместного решения. Для третьего типа задача была чисто исполнительской, поскольку он уже «проиграл» в уме все варианты и теперь реализовывал один из них.

Итак, первый тип представлял себе партнера лишь как объекта своих действий, исполнителя своих планов, не предвидя, что он будет проявлять собственную инициативу, предложит собственную программу и т.д. Второй тип представлял партнера как субъекта, заранее предполагая, что тот будет поступать по-своему, иметь свое мнение, свою программу и т.п. Соответственно последующая реализация этой программы для него представлялась как открытая проблема, которую придется решать в процессе ее осуществления в зависимости от активности партнера и совместно с ним. Третий тип планировал взаимодействие, также оценивая своего партнера как субъекта, и его программа представляла собой своеобразный расчет, наподобие расчета шахматных ходов с учетом вариантов встречных ходов. Третий тип не только воспринимал партнера как субъекта, но и прогнозировал варианты коммуникации с ним.

К первому типу относился такой тип (по первой серии), который имел высокую самооценку и низкую атрибутивную проекцию, т.е. не нуждался и не ожидал со стороны окружающих тех или иных оценок. Оказалось, что данный тип действует эгоцентрически, планирует только собственные действия, только себя рассматривает как субъекта ситуации, сводя партнера к объекту, т.е. исполнителю своей воли и программы. Такая структура сознания принципиально некоммуникативна, поскольку не прогнозирует встречное действие. У этого типа в разных вариантах выявилась неспособность к урегулированию коммуникативной ситуации, неспособность к согласованию своих действий с партнером.

Ко второму типу относились только те лица, которые имели атрибутивную проекцию (ожидание оценок), во-первых, и высокую оценку других сравнительно с самооценкой, во-вторых. Иными словами, ожидание оценок со стороны других, потребность в этих оценках здесь сказались в проектировании другого человека в качестве субъекта. У второго типа выявилась способность к сотрудничеству и кооперации.

К третьему типу относились те лица, у которых были выражены все три оценочно-самооценочных отношения, т.е. комплекс был полным и гармоничным. Они обладают способностью к гибкой, не установочной коммуникации, а потому могут регулировать коммуникативные проблемы по ходу их осуществления и заранее прогнозировать их.

Способность к диалогичности мышления оказалась, далее, связана и с реальным способом общения. Второй тип рассматривал взаимоотношения с другими как проблему, которая требует согласования усилий, нахождения совместного решения. Первый тип оказался не способным к урегулированию отношений, поскольку воспринимал партнера только как объект своих действий, не ожидая встречных, а когда сталкивался с ними, вступал в конфликт. Таким образом, выявились предпосылки и условия, при которых отношения с партнером рассматриваются как проблема, теоретически учитываются обе позиции. Так на основе проведенных исследований оценок и диалогичности мы вернулись к проблематизации взаимоотношений людей. Отсутствие диалогичности определялось отсутствием представления о другом человеке как субъекте, о его отношении к конкретным людям.

Те же данные подтвердились на группе молодых учителей младших классов, среди которых оказалось очень мало лиц, обладавших ожиданием отношения к себе детей, т.е. атрибутивной проекцией. Здесь мы столкнулись с тем, как в сознании зафиксировалась система бюрократических авторитарных отношений. Своё отношение к ученикам учителя строили наподобие управленцев, которые видят в подчиненных только исполнителей и совершенно блокируют, пренебрегают их отношением к себе, их оценками, их

инициативами. Учителя рассматривали детей только в качестве объектов педагогических воздействий, но не в качестве субъектов учения, хотя, казалось бы, профессия учителя выбирается при любви к детям, а любовь предполагает ожидание встречного, внимательного, любовного отношения к себе. Конечно, педагог не должен превращаться в игрушку детского отношения, идя на поводу любви или недоброжелательства, но в данном случае мы столкнулись с тем, что в педагогическом процессе, который и должен прежде всего пробудить в ребенке субъекта мысли, субъекта учения, субъекта отношения к взрослому, это отношение отсекается, причем оно «отсекается» в самой структуре сознания педагога.

Проблемное отношение к другому человеку (другой как субъект, который может проявить себя неопределенным, заранее неизвестным образом), проблематизация отношений (коммуникации) с ним оказалась связанной с наличием определенных составляющих в структуре сознания и связей между ними. Поэтому проблематизация, которая по существу и есть в данном случае диалогичность мышления, связана не только с мотивацией, интеллектуальной активностью субъекта, но и со сложившимися и фиксированными структурами его сознания.

Что дал нам типологический метод исследования? Он показал разные варианты, разные причины, в силу которых в сознании отсутствует атрибутивная проекция, а потому способность видеть отношения с другими как проблему, требующую диалога, совместного продуктивного решения. Поэтому проведенное исследование показало, что для разных типов нужны различные стратегии формирования у них этой способности. Общей стратегией для формирования такой способности должна стать коллективная практика взаимных оценок.

Когда начали проводить исследование среди старшеклассников на самооценку и оценку других, выяснилось, что такая процедура для них необычна и они ею не владеют. Они не владеют иным набором характеристик для оценки другого человека, кроме понятий «отличник», «отстающий», «комсомольскую работу ведет активно», «хулиган», в лучшем случае — «умный», «способный», «надежный». Когда мы продолжили это исследование среди студентов, картина оказалась той же. Тогда мы исследовали педагогов, которые были способны дать характеристики учеников только по успеваемости и поведению: «вертится», «не любит отвечать у доски», «часто убегает с уроков». Эти данные свидетельствуют о социальной трагедии, поскольку, как уже отмечалось, в определенном возрасте ребенок стремится стать именно тем, что в нем видит взрослый. А взрослый дает ему в качестве перспективы личностного развития убогий набор оценок, сводящихся к отметкам.

Чем разнообразнее, диалектичнее характеристики, даваемые молодыми людьми друг другу, тем больше «измерений» личности они включают (не только поведенческих, но и отношенческих, не только социально-стандартных, но и личностно-психологических), тем быстрее формируются основания для восприятия другого человека как субъекта, тем больше активизируются размышления о его личностных качествах. Педагог (и родители) и хороший руководитель коллектива должны видеть не только наличные, сегодня проявляющиеся качества личности, но и будущие, т.е. строить проекцию личности, моделировать направление ее развития и тем самым ставить проблемы, связанные с этим развитием. Однако нужно прямо сказать, что если любой инженер умеет проектировать модель будущего станка, который сначала состоит из разрозненных деталей, то в отношении другого человека такой способ мышления мало кому доступен. Одновременно осуществляемая встречная оценка людьми друг друга, которая совершается с позиции признания в другом человеке субъекта, позволит каждому и более адекватно строить ожидания оценок со стороны других, и более гибко (под разными углами зрения) оценивать самого себя.

Способность видеть самого себя и «изнутри», и «извне», гармоничное согласование этих видений служат основой адекватного самосознания человека. Самосознание

выступает не только как осознание своего «я», даже не только как осознание своих индивидуальных особенностей. Сложность работы самосознания в том, что определенные структуры сознания блокируют адекватное восприятие самого себя: человек видит себя как в кривом зеркале. Неважно, что один видит себя лучше, другой — хуже, чем он есть на самом деле, в обоих случаях человек оказывается «запертым» в субъективном видении самого себя, а потому и других. Поэтому одной из важных жизненных задач оказывается способность к пониманию самого себя, к формированию проблемного отношения к себе. Именно поэтому человек должен искать как можно большее, число проекций, планов, аспектов видения себя, своих проявлений. Он не должен зафиксироваться в позиции «пусть все принимают меня таким, каков я есть». Как уже говорилось, человек не останавливается в своем развитии, у него есть возможность изменяться, но она реализуется и интеллектуальным, и практически-жизненным путем. Как часто людям в жизни не хватает воображения, попросту усилий мысли, чтобы представить себя чем-то иным, по отношению к себе сегодняшнему, и как велика одновременно возможность самоизменения, стоит только человеку проблемно отнестись к себе, представить себя не как данность, а как иную возможность. Эта возможность реализуется не путем усилий, направленных непосредственно на себя, а путем изменения своих жизненных стратегий, апробирования новых позиций, обращения к новому классу жизненных задач. Это означает, что и сама жизнь, человека предстает перед ним не как задача, в которой нужно только найти всем уже заранее известный ответ, а как совершенно новая и никем не решавшаяся проблема.

Глава VI

ЖИЗНЕННАЯ СТРАТЕГИЯ: КАК ЕЕ СТРОИТЬ?

1. Притязание, саморегуляция и удовлетворенность личности

До сих пор мы не ставили вопросы о том, почему, возникнув, тот или иной мотив не реализуется, какова «судьба» неудовлетворенной, нереализованной потребности, насколько она способна сохранить свою активизирующую силу, в каких случаях она принимает превращенные формы, компенсируется иными путями, наконец, что является причиной снижения уровня притязаний личности. Эти вопросы могут быть изучены только при учете обратной связи, которая является подтверждением (или отрицанием) успешности, ценности проявленной жизненной активности личности. Эта обратная связь выступает и в виде оценок окружающими результатов и способов активности личности, и в виде обращенных к личности ожиданий, требований, и в виде ее собственной оценки удачных (неудачных) способов самовыражения.

Реализовавшись в деятельности, в общении и т.д., активность может быть оценена окружающими как бессмысленная, неуспешная и т.д. Тогда и возникают вопросы о внутренних результатах этой обратной связи: подавляет ли личность свою последующую активность (хотя сама может считать ее актуальной, ценной), продолжает ли она действовать прежним образом, игнорируя негативные оценки, вносит ли коррективы и какого рода в последующий способ действия и общения?

Очевидно, что у взрослой личности вырабатывается некая осознанная или неосознанная программа, предшествующая ее активности или следующая за ней, в которой так или иначе моделируется весь (или частично) контекст ее активности, предвосхищаются ее последствия, оценки ее окружающими, запрос общества или группы на эту активность. Активность имеет определенную структуру, в которой одно из важнейших мест занимают притязания личности.

Притязание — более обобщенный, глобальный механизм личности, чем ее мотивы. Если мотив можно рассматривать как конкретное побуждение, направленное на предмет, то притязания охватывают ту зону (смысловое пространство), в которой могут возникнуть мотивы. Если мотив может быть ситуативным, то притязания — это личностное выражение потребностей. Притязания выражают единство стремлений личности и ее требований к тому способу, которым они должны быть удовлетворены. Если мотив — структурная составляющая деятельности, то притязание — важнейшая составляющая личностной активности. Притязания включают не только предметную, но и ценностную особенность связи личности с действительностью, они есть аспект самовыражения: ориентация личности на характер самовыражения. Именно притязания побуждают ее к осуществлению деятельности, причем не просто любой деятельности, а именно той, которая отвечает этим притязаниям.

В психологии понятие притязаний было введено К. Левиным и исследовалось соотносительно с достижениями личности. Методика экспериментального исследования уровня притязаний была разработана Ф. Хоппе. В. Н. Мясищев различал две стороны притязаний — объективно-принципиальную и субъективно-личностную. Последняя тесно связана с самооценкой, чувством неполноценности, тенденцией самоутверждения и стремлением видеть в результатах своей деятельности снижение или повышение трудоспособности. В. С. Мерлин придавал большое значение социальным факторам, считая, что в одной и той же деятельности существуют различные социальные нормы достижений для разных социальных категорий в зависимости от должности, специальности, квалификации индивида.

Уровень притязаний непосредственно связан с образом «я» и самооценкой. Представление о своей личности, о своих возможностях, о планируемых, предполагаемых достижениях в жизни влияет на характеристику притязаний. Завышенная самооценка непосредственно связана с завышенными притязаниями, с переоценкой своих возможностей, талантов и перспектив. Заниженная самооценка, напротив, отражается в невысоком уровне притязаний, ограничивает пространство будущей активности, проявляется в ожидании неудач, неуспеха и т.д.

Как показали исследования, самооценка определяется в комплексе отношений к другим людям и атрибуции (ожидании) их отношений к себе. Самооценка складывается не только в общении, но и в деятельности, поэтому она зависит не только от взаимоотношений с другими, но и от успешности-неуспешности субъекта в жизни и деятельности. Сложность самооценки как личностного образования в том, что она может сложиться (и зафиксироваться) преимущественно на основе сравнения с другими (с их успехами, достижениями), например на основе их низких оценок данной личности. При этом оцениваемый, обладая способностями, просто еще не проявил себя в каком-либо значимом деле, не заявил о себе, но у него уже заранее складывается низкая самооценка, которая влияет и на последующую деятельность: он действует неуверенно, заранее ожидает, предвидит неуспех, неудачу.

Заниженная или завышенная (т.е. неадекватная) самооценка в равной мере негативно влияет на интеллектуальную деятельность, на интеллектуальное развитие и социальное продвижение личности. Завышенная самооценка ведет к самоуверенности, отсутствию критичности и самокритичности, ожиданию легкого результата, неучету предстоящих трудностей и в итоге — к неудачам.

Притязания личности выражают не только желаемое (значимое), но и оценку желаемого по целому ряду критериев: легкости-трудности, приемлемости-неприемлемости окружающими, значимости-незначимости, ценности (для личности и тех, кто оценивает) или ее отсутствия. Притязания выражают соответствие и всей деятельности, и ее результата определенным критериям, устанавливаемым личностью. Поэтому удовлетворенность, оценку результата, достижений соотносят с исходными притязаниями личности. Однако между притязаниями и достижениями как начальным и конечным моментами деятельности находится процесс и способ ее осуществления, который часто упускается из виду. Он может быть обозначен как процесс саморегуляции. Важнейшей характеристикой этого процесса на основе исследования ответственности оказалась следующая: в своих притязаниях личность выдвигает требования не только к ожидаемому успеху, но и к самой себе — уровню, качеству, способу своей активности при осуществлении деятельности.

Притязания личности ярче всего выражают гармоничность или противоречивость ее природы и структуры. Высокие притязания могут сочетаться с небольшими способностями, и тогда личность сразу вступает в общение или деятельность с грузом противоречий. Она не предвидит ожидающих ее трудностей, не готова к ним. Высокие притязания блокируют адекватное восприятие и самого себя, и будущей деятельности, общения, и ожидания реальных результатов. Поэтому важно определить, насколько эти притязания фиксированны или гибки, могут ли они стать более адекватными или нет. Иногда разрушение завышенных притязаний приводит к падению мотивации, к отказу от деятельности, к снижению активности. Притязания, отличаясь от мотива, включают в себя мотивацию достижения; при этом их соотношение также может быть разносторонним и противоречивым. Притязая на многое, человек может не иметь сильной мотивации достижения, и, наоборот, имея мотивацию, он не обладает большими притязаниями.

Таким образом, удовлетворенность соотносится не только с исходными потребностями и притязаниями личности на успех, но и с представлением о своих возможностях достигнуть его, а также с определенными требованиями к собственной деятельности. Выдвигая требования к собственной деятельности и определяя

соответствующие критерии, личность оценивает соответствие-несоответствие усилий результату, ценность результата в соответствии с системой других ценностей, уровня трудности на основе притязаний и т.д. Поэтому часто человека не удовлетворяет чрезмерно легкая деятельность. Уже в последующем процессе саморегуляции личность дозирует свои усилия, выявляет, какая мера этих усилий требуется для осуществления данной деятельности, а не только устанавливает меру активности относительно ожидаемого результата. Она притязает на определенный уровень трудности деятельности согласно своим представлениям о своих способностях, расширяет и сужает задачи деятельности в соответствии с этими ценностными критериями и т.д.

В свою очередь притязания опираются на представление человека о внешних условиях и внутренних возможностях достижения результата, на представление об их соотношении. Притязания предполагают ограниченный выбор условий и средств достижения («я» претендую на результат, но только при таких-то условиях и таким-то способом полученный) или, наоборот, предполагают неопределенное расширение пространства достижений (такой человек обычно обещает «золотые горы», строит грандиозные планы, берется сразу за многое и т.д.). Притязания дифференцируют то, что будет делать сам субъект, и то, что он относит к внешним условиям, обстоятельствам и ожидает от других людей. Поэтому на основе притязаний и очерчиваются контуры деятельности, ее пределы и выделяются внешние и внутренние опоры.

Соотношение притязаний, саморегуляции и удовлетворенности мы обозначили как семантический интеграл (который отличается от семантического дифференциала Осгуда и некоторых других методов). Важнейшей качественной характеристикой притязаний, которая обнаружилась в ходе разработки метода семантического интеграла, является адресованность, направленность притязаний на окружающих или на самого себя, которые трудно вычленишь при исследовании инициатив самих по себе. Между тем именно такая адресованность является, как оказалось, одним из ведущих мотивов инициативности (у старших школьников, у студентов I—II курсов). Показать другим, на что способен, выделиться, доказать окружающим свое превосходство и т.п.— такова характеристика притязаний. Она показательна как индикатор значимости группы, межличностных отношений или оценок самой личности. Однако только саморегуляция и удовлетворенность обнаруживают, насколько такая адресованность к социальным оценкам в реальной деятельности проявляется как самостоятельность-несамостоятельность, уверенность-неуверенность, разумное и свободное отношение к оценкам группы (дифференциация их справедливости-несправедливости и т.д.), насколько социально-психологическое окружение служит действительной опорой в индивидуальной деятельности.

Притязания соотносительны не только с результатом, достижениями, но и со способом достижения. Способ достижения объединяет в себе как структурирование (организацию) деятельности, так и организацию включаемых в нее личностных свойств. Именно в этом проявляется способность к саморегуляции. В ней выражается личностная настойчивость, уверенность, способность к контролю за ситуацией и событиями, самоконтроль. В ходе саморегуляции важно проследить, как соотносит субъект внешние и внутренние опоры, внешние и внутренние условия, внешний и внутренний контроль и как разрешает неизбежные противоречия между ними. Положившись на помощь окружающих, субъект может утратить контроль над своей деятельностью, ослабить собственные усилия и т.д. Это в свою очередь зависит от того, что берется субъектом под свою ответственность, каковы его притязания на успех, одобрение, расчет на помощь и т.д.

Саморегуляция по своим параметрам (уверенность-неуверенность, самоконтроль, сохранение сложности деятельности и т. д.) служит показателем того, насколько связь с группой, прежде всего с ее оценками, является короткозамкнутой или опосредованной самой личностью, насколько она оказывается жесткой, негибкой, разрушая самостоятельность, сводя на нет инициативу и ответственность субъекта. Эта связь обнаруживается в

нестабильности саморегуляции, в утрате внутреннего контроля, в сужении контура деятельности и т.д. при колебаниях групповых оценок. Здесь не только выступает внешне детерминированное поведение, но и его внутренние последствия, проявляющиеся в способе осуществления деятельности (в ее упрощении, в утрате уверенности, в сокращении контура и т.д.). Напротив, опосредованный личностью тип связи с социально-психологическим окружением проявляется уже на стадии притязаний в обращении требований не к другим, а к самому себе. При этом на стадии осуществления инициативно начатой деятельности саморегуляция отличается большой четкостью, стабильностью, высоким уровнем самоконтроля и сохранением уровня сложности на всем протяжении деятельности.

Важным показателем личностных достижений является удовлетворенность. По этому показателю можно судить, насколько личность способна нивелировать рассогласование между первоначальными притязаниями, неудачами, оценками ее окружающими и самооценками, на что она преимущественно ориентируется, испытывая удовлетворенность-неудовлетворенность, насколько эффективно она может провести анализ своей деятельности. Оказалось, что лица с развитой ответственностью достаточно легко абстрагируются от негативных оценок и даже иногда от малорезультативной деятельности, но удовлетворяются тем, что им удалось преодолеть трудности (причем и негативные оценки окружающих они квалифицируют как трудности). При наличии результатов, но сбоях в саморегуляции (например, при вынужденном переходе к менее сложной деятельности и т.д.) такой тип личности испытывает чувство неудовлетворенности.

Другой тип личности, которого удовлетворяли позитивные оценки при явной для него самого неуспешности деятельности, обнаруживает признаки конформизма, что является причиной отсутствия чувства ответственности. К нему оказался близок и другой тип: объективно высокий результат деятельности не вызывал у него удовлетворенности, если результаты этой деятельности низко оценивались окружающими.

Таким образом, личность строит собственную систему деятельности, конечно, по определенным параметрам. При высоких притязаниях и низких способностях такая система становится противоречивой и поэтому требует от личности либо волевого усилия, либо внешней поддержки, опоры.

В традиционной структуре деятельности не учитывалось, что, имея мотив, личность не всегда сразу определяет цель, а, определив цель, может утратить мотивацию. Не учитывалось то, что усилия не всегда оцениваются как пропорциональные (или нет) цели, что, скажем, заранее может привести к отказу от деятельности, от инициативы («игра не стоит свеч»).

В процессе саморегуляции идет контроль за качеством, временем и другими параметрами деятельности. Но в целом саморегуляция должна обеспечить единство субъективных и объективных требований деятельности. Она должна (в тенденции) стремиться к оптимальному сочетанию и субъективных, и объективных требований, что и составляет личностную сверхзадачу в деятельности. В характере саморегуляции сказываются типологические особенности (расчет на помощь других, принятие их оценок, передача им функций контроля и т.д. или, напротив, опора на собственные силы, самоконтроль).

Включение удовлетворенности в структуру активности не характерно ни для психологических традиций (уже отмечалось, что Левин рассматривал только соотношение притязаний и достижений), ни для социальных. И в психологии постоянно говорилось об эффективности, результативности, оптимальности, успешности только по отношению к объективному результату. Понятие субъективного, психологического результата (как эффективности), а с ним и понятие удовлетворенности-неудовлетворенности нивелировалось в психологии, в то время как нарастающее противоречие между социальной объективной эффективностью и удовлетворенностью (неудовлетворенностью)

в реальной жизни требовало своего решения. Получение результатов любой ценой приводило к перенапряжению и неудовлетворенности людей. Валовые оценки результатов в производстве, обесценение результатов труда, отсутствие гибких и реалистических его оценок и многие другие обстоятельства привели к зачеркиванию проблемы удовлетворенности, к ее игнорированию.

Это сформировало типы людей, которые были удовлетворены низкими и некачественными результатами, и типы людей, не удовлетворенных высокими результатами, достигнутыми непомерными усилиями (авралами, штурмами и т.д.). Вопросы о критериях способов достижения результатов, о разумной цене их достижения не ставились, план выполнялся любой ценой. Поэтому был потерян субъективный результат — удовлетворенность (неудовлетворенность) людей своим трудом. И когда остро встал вопрос о причинах падения мотивации труда, мало кто связывал его с проблемой удовлетворенности. Между тем именно в наличии обратной связи между удовлетворенностью и последующей активностью заключен источник возникновения и последующей мотивации, и активности.

Не учитывалось, что важен не только результат труда, но и общественная оценка этого труда. В период застоя оценка социальных достижений общества в целом завышалась, а оценки конкретным достижениям конкретных людей не давались. Даже если речь шла о высоких показателях, например при подведении итогов социалистического соревнования, эти показатели не всегда объективно отражали реальный вклад людей. Не ставился вопрос о том, как — легко или трудно, квалифицированно или нет, профессионально или нет — получены эти достижения. Порой не ставился вопрос и о том, честно или нечестно, путем ли грубых нарушений, махинаций и т.д. получен этот результат. Анализ результатов труда был оторван от обсуждения организации и качества производства, изучение которых только и могло способствовать повышению результативности, определять истинную ценность результатов с точки зрения человека. На уровне индивидуального субъекта это и есть вопрос об организации его деятельности, о повышении качества и способа саморегуляции этой деятельности.

Изучение личности методом семантического интеграла, на наш взгляд, позволяет решить многие методологические и теоретические задачи. Оно дает возможность преодолеть разрыв составляющих активности (ее результаты и психологические личностные способы их достижения и т.д.), исследовать многие качества, параметры и уровни саморегуляции — этого оркестра деятельности, от слаженной игры которого зависит ее и объективный, и субъективный результат.

Типы притязаний, являясь устойчивыми личностными образованиями, представляют собой своего рода семантическое пространство, в котором возникают и с позиций которого оцениваются (иногда отвергаются) те или иные мотивы, побуждения («это меня недостойно», «это не стоит моих усилий» и т.д.). Иными словами, притязания личности так или иначе представлены в ее сознании и самосознании, становятся или являются объектом самопознания и самокритики. Конечно, есть люди, слабо осознающие свои притязания, хотя последние имеют большую побудительную мотивирующую силу. Есть категория людей, неадекватно осознающих свои притязания. Однако в целом «я»-концепция, образ «я» включает в обобщенном виде совокупность притязаний личности: ее требования, ожидания от жизни, ее собственные намерения, устремления, цели и требования к самой себе.

Совокупность представлений о самом, себе, о своем образе «я» зависит от адекватности-неадекватности, реалистичности-нереалистичности представлений о себе. (Наиболее ярко неадекватность выступает при завышении или занижении самооценки.) Одни люди оценивают себя намного лучше, чем они есть на самом деле, другие — занижают свою самооценку. Такое завышение или занижение самооценки представляет собой желательную для личности «поправку» к образу «я» (или концепции «я») ¹. Однако

дело не только в факте завышения или занижения самооценки, но и в тех личностных причинах (барьерах), которые ведут к такому занижению самооценки и притязаний. Притязания представляют собой не только самооценку и даже не только отношение к себе. Они скорее выражают отношение человека к миру, к людям и, главное, к жизни на основе того или иного отношения к себе. Притязания представляют собой обобщенное представление о себе, о том, на что претендует, надеется, чего ожидает человек от жизни, то, чего он хочет и считает, что достоин получить от жизни. Если мотивация выражает побудительную, динамическую сторону потребностей, а ее содержание — то, на что они направлены (т.е. их предметную адресованность), то притязания выражают ценностную характеристику и самого субъекта, и его жизни, отвечают ее смыслу.

Говоря о потребностях, заметим, что важнейшие жизненные потребности сходны у большинства людей: это потребность в уважении и любви других людей, в самовыражении. Притязания данного человека включают индивидуализированный, типичный для него комплекс и профиль потребностей. Основным же, как говорилось, является воплощенное в них представление о том, как человек хочет выразить, воплотить себя в жизни и что получить от нее. Именно притязания для одного человека делают ценными, значимыми одни сферы жизни, для другого — другие. Как показали работы В. А. Ядова, М. Х. Титмы и других социологов, ценностные ориентации, или диспозиции, личности определяют ее предпочтения, направления активности.

Способный и осознающий свои способности человек может снизить свои притязания, свою потребность в самореализации в сложившихся жизненных условиях². Не обладая высокой мотивацией достижения, силой воли, настойчивостью, он заранее осознает ожидающие его жизненные трудности и отказывается от борьбы за свой талант, за его воплощение в жизнь. Возникает концепция «скромной жизни», заявка на высокие профессиональные успехи заранее обесценивается, человек живет жизнью, которая заведомо ниже его возможностей. Это и есть его жизненная позиция, основанная на сознательно заниженных притязаниях. Лишь иногда по большому самолюбию данного человека можно распознать то, что он не сумел и не захотел реализовать себя в жизни.

Притязания довольно устойчивая характеристика личности, но они возрастают или падают в зависимости от реальных жизненных достижений, от решенности или нерешенности тех внутренних противоречий, которые возникают в ходе жизни, в зависимости от удовлетворенности или неудовлетворенности своими достижениями. Первые жизненные поражения или отсутствие достижений в жизни на первых ее этапах, невозможность выразить себя приводят иногда к падению притязаний молодого человека, хотя он по-прежнему может высоко оценивать себя, свои способности. Возникает чувство разочарования начавшейся (скажем, профессиональной) жизнью, и вслед за этим снижаются притязания, возникает установка на легкую, состоящую из отдельных событий жизнь, отказ от серьезных жизненных планов, перспектив.

Механизмом, который порой сильно воздействует на притязания и «я»-концепцию, является механизм социального сравнения и социально-психологической идентификации³. Этими сложными научными терминами обозначается механизм сознания, соотносящий личность, ее «я», ее притязания с другими людьми. Человеку кажется, что он исходит из собственных потребностей, желаний, устремлений, целей. На самом деле он (и что очень важно часто неосознанно) ориентируется на принятые эталоны, на цели и устремления окружающих, подражательно усваивает эти цели и убежденно принимает их за свои собственные.

Например, потребность в любви, в семье является глубоко личностной потребностью, но сколь глубока и часто неосознаваема ориентация на то, что уже все вышли замуж, все женились и т.д. Здесь иногда и возникают притязания, несущие завышенную оценку своих данных безотносительно к своим реальным способностям, возможностям, чувствам, потому что они как бы «с чужого плеча». Человек побуждается уже не тем, что он действительно хочет, но тем, что он не хуже (или лучше) других.

Вместо продуманных представлений о том, что действительно нужно именно мне, что отвечает моим собственным потребностям, человек создает (скажем, в качестве притязаний и ожиданий от партнера или партнерши) некие эталоны внешности, характера, привычек, в которых на первом месте стоят второстепенные признаки, тогда как представления о подлинно человеческих, желательных и тем более необходимых (в данном примере — для брака) качествах у него вообще отсутствуют. В таком случае его собственные притязания уступают место набору стандартов, образов будущей жены, будущего брака, будущей квартиры и обеспеченной жизни, совершенно очищенных от всякого индивидуального, личностного, вообще человеческого содержания.

Притязания на уважение, внимание, любовь, притязания на терпимость к своим недостаткам проявляются во всех отношениях и сферах семейной жизни, во взаимоотношениях мужа и жены, родителей и детей. Родители убеждены, что дети автоматически при всех условиях должны их уважать, дети — что родители всегда должны о них заботиться, и т.д. Конечно, в этих примерах речь идет не о притязаниях в строгом смысле слова, а о тех ожиданиях (как их называют, экспектациях), которые бессознательно усваивает личность, отождествляя себя с той или иной ролью, группой, социальной позицией. Но именно эти образования также входят в структуру жизненных притязаний, формируют реальную мотивацию поведения.

Из сказанного можно сделать вывод о том, насколько важно, чтобы у человека сложился совершенно адекватный, реалистический образ самого себя. Иногда этого трудно достигнуть в силу психологических особенностей личности (чрезмерной эмоциональности, становящейся барьером для самооценки, и т.д.). Но тогда необходимо, чтобы социальное мышление, о котором шла речь как о функционировании сознания, выделяло и ставило перед человеком те или иные проблемы (отношений к нему других людей, его возможностей и достижений, его собственных устремлений в отличие от готовых эталонов). При этом не менее важно, чтобы сознание не функционировало стереотипно, установочно.

Огромную роль в формировании образа «я» (особенно у молодых или личностно незрелых людей) играет их образ, который создается в глазах окружающих. Есть люди, ориентирующиеся не столько на реализацию своих индивидуальных, личностных устремлений, сколько на этот имидж в глазах окружающих. Человек не осознает и не хочет осознавать, что он может жить более самостоятельно, интересно, по-своему, не ориентируясь на готовый эталон. Свой собственный образ как деловой преуспевающей женщины снижает притязания и возможность женщины выразить себя в том, что находится за пределами карьеры, деловых связей, деловой «выправки». Личность постепенно утрачивает свое подлинное «я», отбрасывает сомнения, раздумья, сложности, пройдя через которые она могла бы стать глубже, значительнее, тоньше, и превращается в своего рода социальную маску, живущую запрограммированной этим имиджем жизнью.

Когда женщина, следуя своему образу примерной матери, примерной жены, деловой женщины и т.д., вступает в противоречие с ходом жизни, когда ей, например, чтобы остаться примерной женой, приходится совершать поступки, противоречащие этому образу, наступает осознание своих реальных (а не мнимых) возможностей, реальных поступков и, как это ни странно звучит, своих реальных желаний.

Эти два механизма — тенденция к завышению (или занижению) роли «я» и ориентация на оценки окружающих — могут непротиворечиво и гармонично сочетаться, что ведет к формированию реалистического образа «я». «Я» идеальное, каким бы мы хотели видеть себя, и «я» реальное, не совпадая, все же сближаются друг с другом. Глядя на себя глазами окружающих, мы не просто приписываем себе их оценки и надеваем на себя чужой имидж, а начинаем отчетливее осознавать, какое «я» является нашим подлинным. Это позволяет делать не только внешние, но и внутренние поправки, вносить коррективы. Разные оценки и суждения о нас разных людей нами более или менее объективно обобщаются. Что-то в этих оценках отвергается, признается необъективным, а что-то не

прямо и непосредственно, но косвенно служит поводом задуматься о своем подлинном «я».

Притязания, даже будучи не всегда основаны на своих возможностях, способностях, желаниях, становятся более реалистичными, когда у личности возникает требовательность к себе, ответственность за способ достижения этих притязаний. Человек такого типа способен сопоставлять свои действия и их последствия, свои намерения и свои реальные действия, видеть противоречия между ними, оценивать их, сопоставлять оценки своих действий и оценки окружающих, ставить перед собой проблемы правоты своей и других, а затем отстаивать свою правоту.

Личности, которых психологи называют амбициозными, обладают другого рода притязаниями. Они не только не выдвигают требований к себе, но внутренне убеждают, оправдывают, фиксируют себя в своих притязаниях («да, я таков, и всем придется с этим считаться»). Люди, не принимающие во внимание реальность обстоятельств, настойчивы до упрямства; требовательные к другим, они, как правило, добиваются определенных социальных успехов. Однако жизненная позиция таких людей часто глубоко противоречива, поскольку они не реалистичны в оценке и себя, и своей жизни. Эти люди лишены (в силу характера притязаний и образа «я») способности к тонким, дифференцированным оценкам, глубоким социальным и нравственным суждениям, интерпретациям, которые обычно свидетельствуют о напряженной работе сознания, об активности социального мышления.

Возникает ли образ «я» в результате углубленной работы самосознания, самопознания или усваивается как внешний имидж, он все равно изменяется и подвергается испытаниям. Последние условно можно разделить на два вида: жизненные неудачи (или достижения, где проверяется личностная устойчивость к «успеху») и социально-психологические оценки окружающих (негативные или позитивные). Образ «я» первоначально довольно однозначно определяет жизненную концепцию молодого человека. Осознание своих способностей, своих «прав» формирует оптимистическую перспективу жизни и ее концепцию. Однако трудности, неудачи, проба своих сил в разных сферах являются той обратной связью, на основе которой и образ «я», и концепция жизни изменяются и углубляются. Человек начинает осознавать свои не только профессиональные способности, но и способности к жизни в целом: умение преодолеть трудности, неожиданности, с честью выйти из сложной ситуации, т.е. то, что называется обычно жизненной стойкостью и не имеет научного названия.

К сожалению, исследования ценностных ориентации личности часто носили и носят внеличный характер. В них преобладают скорее социологические данные, хотя они также важны. Социологические исследования выявляют ориентации личности на образование, на те или иные профессии, на семью и т.д. В некоторых странах (например, в Болгарии) для многих людей становится ценностью не семья, а одиночество. Для психолога важно то, что такие люди не оказываются реально одинокими в силу демографических или иных социальных причин, а сознательно выбирают жизненный путь одиноких. За этим, вероятно, стоят некоторые жизненные концепции (стремление избегать трудностей, связанных с семьей, представление о большей социальной неуязвимости человека, не имеющего семьи, более высокая материальная обеспеченность одиноких людей).

Для психолога важен именно личностный аспект ценностных выборов (не та или иная профессия, а почему та или иная профессия и т.д.), а также укрепляющаяся или ослабевающая уверенность в правильности этих выборов в процессе их реализации. Человек не просто заявляет о себе в своих притязаниях, а приобретает жизненную стойкость, осознает правомерность своих притязаний, обретает уверенность в правильности выбранного им жизненного пути. Поэтому в образ «я» включается не только его стабильная индивидуальная характеристика, но и осознание своей индивидуальности и права на жизнь, соответствующую ей. Концепция жизни для челове-

ка — это и есть его убежденность в адекватности способа своей жизни, своей личности. Удовлетворенность жизнью, а не только своими отдельными действиями и поступками, отдельными достижениями возникает только при такой убежденности. Напротив, даже при сохранении высокого уровня притязаний и при успешной их реализации человек может внезапно осознать, что он живет не своей жизнью, занят не своим делом, живет не так. Резко изменить жизнь не у всякого хватит сил, но в таком случае смысл жизни обесценивается, теряется, и тогда социальная активность падает. Это происходит, когда сознание личности фиксирует как данность представление о своем «я», а реальное проявление ее способностей, возможностей оказывается гораздо богаче представления о себе, даже выше своих притязаний. Казалось бы, что такая ситуация ведет к негативному осознанию уже сложившейся жизни. Но важна не сама по себе негативная или позитивная оценка, а способность на ее основе поправить свою жизнь, отрегулировать ее. Именно поэтому так важно формировать не раз и навсегда фиксированную «я»-концепцию, а активизировать работу самосознания, выявляющего возможности, ограничения, перспективы, противоречия личности для постановки и решения жизненных задач.

Образ «я» становится неустойчивым и противоречивым в том случае, если человек не может свести воедино свои оценки себя и оценки окружающих. К тому же последние могут быть настолько противоречивыми, что личность не в силах вывести обобщенную оценку себя другими. Как показали наши исследования, в таких случаях происходит либо отказ от ориентации на эти оценки вообще, блокирование потребности в оценке других, либо выбор тех оценок, которые ближе к самооценке. Человек перестает слышать о себе плохое, ориентируется только на тех, кто хвалит, поскольку оценивает себя позитивно. Однако возможны варианты более гибких механизмов сознания, когда личность приемлет противоречивые оценки, расхождение между самооценками и оценками со стороны других, более того, признает наряду с позитивными и негативные суждения о себе. Тогда деятельность сознания становится более проблемной, а самосознание — более глубоким.

Проводившиеся нами исследования показали, что способность обобщать и дифференцировать оценки себя со стороны других людей, выявлять их адекватность и причины — это социально-психологическая способность личности. К сожалению, эта способность достаточно редкое качество; процесс оценивания людьми друг друга, особенно в том возрасте, когда в этом имеется особая потребность, осуществляется далеко не всегда. Между тем именно взаимооценивание должно выделять не стандартные, формальные качества людей (как отличников, успевающих, общественников), а индивидуальные, психологические, человеческие, нравственные качества. Именно во взаимооценивании может выработаться адекватность, принципиальность оценок людей, включенных в данную группу с точки зрения не случайных симпатий или антипатий, а ценностей данной группы.

Психологи, работающие в школе, отмечают, что в подростковом и юношеском возрасте потребность в оценке взрослого, сверстников огромна, но она не удовлетворяется. Например, старшеклассники писали сочинение на тему: «Кто я?» Они с нетерпением ожидали разбора этого сочинения. Но психолог, предложившая тему сочинения, уклонилась от разбора, сославшись на то, что в классе плохие взаимоотношения и исповедь каждого о нем самом может быть высмеяна, воспринята неуважительно, может нанести вред автору. В последующие дни почти каждый ученик стремился узнать у нее в личной беседе, каково ее мнение о нем.

После этого в классе была проведена беседа, в ходе которой обсуждались критерии оценок друг друга. Оказалось, что у старшеклассников очень беден набор этих критериев («хороший» «плохой» «умный», «честный»). Однако после неоднократного обсуждения взаимооценок, выработки более тонких критериев школьники оказались способны на более диалектические суждения, например, такие, как инициативный, но инициативу реализовать сам не может; способный, но разбрасывается; вежливый, но не принципиальный; принципиальный, но не борец за свои принципы; не смелый, но не

предаст; умеет говорить правду в лицо; требователен к другим и к себе и т.д. После прошедших дискуссий по поводу правильности оценок, их адекватности, их «обидности» для оцениваемого человека в этой группе (классе) стали устанавливаться нормальные взаимоотношения. Учителя отмечали рост активности, повышение интереса к учебе.

Из этого нетрудно сделать вывод относительно структуры сознания и самосознания: человек оказывается неспособным диалектически соотнести критические и позитивные самооценки. Это имеет место в силу несформировавшихся образа «я», устойчивых притязаний, отсутствия осознания своего права на определенную жизнь и уверенности в своих притязаниях. К сожалению, иногда такое обобщение так и не совершается. Люди остаются психологически незрелыми, чрезмерно остро реагирующими на каждое критическое замечание в свой адрес, идут на поводу у окружающих.

Когда же речь заходит о саморегуляции на основе «я» концепции и притязаний, то она также оказывается слишком прямолинейной (если речь идет о линии поведения) или стереотипной (если речь идет о деятельности). В этом проявляется особенность притязаний (жизненных или ситуативных, частных, связанных с данной работой, делом, событием). Притязания, как показывает анализ поведения и деятельности, уже в ходе саморегуляции носят принципиально различный — констатирующий или перспективный — характер. Одни притязания (последний тип) как бы очерчивают зону возможностей (ошибок и неудач, достижений и успехов, трудностей и препятствий), другие — только качества человека, с которыми он входит в ситуацию, дела или общение. Последний тип притязаний (даже если они не направлены на успех, на легкий результат и т.д.) таков, что они не сопоставляют возможности человека с условиями и требованиями деятельности. В таком случае он и ставит цели, не учитывая ни реальную обстановку, ни свои возможности, цели, лишь открыто выражающие его притязания («победить во что бы то ни стало», «подчинить во что бы то ни стало» и т.д.). Поэтому саморегуляция таких людей носит негибкий, прямолинейный характер, они не выбирают средства, не строят стратегию, не учитывают, какие методы использовать сейчас, а какие в дальнейшем.

Какие изменения происходят в удовлетворенности таких людей? Чаще всего у них блокируется обратная связь удовлетворенности с притязаниями. Они, если еще не встали на путь самообмана, разочарованы своим неуспехом, но обвиняют в нем других людей, обстоятельства и т.д., не делая никакой коррекции в своих притязаниях, не продумывая детально своей последующей деятельности (ее реалистичность, четкость цели, средства, качество осуществления). В их дальнейшей активности проявляются все те же прямолинейность, нереалистичность, тенденциозность, которая свидетельствует уже не только о психологической и личностной незрелости, но и о фиксированности «я», об убежденности в непогрешимости своей жизненной концепции, своей позиции.

2. Жизненные стратегии

Определение структур жизненного пути и характеристик его субъекта (как субъекта деятельности, как субъекта общения и как субъекта познания) позволило, далее, выявить, каким образом личность как субъект жизнедеятельности осуществляет интеграцию этих характеристик. В процессе своей жизни личность выступает в качестве то субъекта общения, то субъекта деятельности, являясь при этом субъектом своей жизни, объединяющим в единое целое свою жизненную практику, мировоззрение, отношения. В качестве субъекта своей жизни личность получает возможность интегрировать свои способности в разных сферах (профессиональной и личной, духовной и обыденной), соотносить свои возможности с поставленными жизненными целями и задачами, распределять их во времени (и с точки зрения их своевременности, и с точки зрения правильного соизмерения своих жизненных сил). Основную жизненную стратегию личность осуществляет только в качестве субъекта своей жизни. Стратегия жизни — это ее интегральная характеристика. Это стратегия поиска, обоснования и реализации своей личности в жизни путем

соотнесения жизненных требований с личностной активностью, ее ценностями и способом самоутверждения.

Невозможно научиться правильно мыслить, распределять время, общаться, тем более правильно действовать, если все эти отдельные жизненные процессы не связаны личностью в единую жизненную стратегию, которая помимо основной жизненной цели определяет и способ ее достижения (красота, этичность жизни, с одной стороны, и полнота, глубина — с другой). Вопрос о том, как прожить свою жизнь, отнюдь не праздный, но поиск конечного, «логического» смысла в ней не всегда дает ответ на этот вопрос. Ответ на него может дать сам процесс жизни, и по тому, как он организован личностью, и по тому, чем он наполнен. Поэтому этичность жизни не воспринимается как легкость, плавность, беспрепятственность жизненных периодов, как логически вымеренная, математически точная последовательность в «смене форм», а как наполненная глубоким личностным содержанием, значимостью, ценностью, составляющими единственное подлинное основание всех жизненных перемен, переходов, коллизий. Стратегия жизни в том, чтобы достигнуть такой этичности, и в том, какой ценой, какими средствами.

Стратегия жизни в широком ее понимании (в отличие от многочисленных жизненных тактик) — это принципиальная, реализуемая в различных жизненных условиях, обстоятельствах способность личности к соединению своей индивидуальности с условиями жизни, к ее воспроизводству и развитию. Для каждой личности (в соответствии с ее индивидуальностью) характерен свой, неповторимый (уникальный) способ жизни, способ ее структурирования, организации, с одной стороны, и оценивания, осмысления — с другой. Возникает необходимость в научной (не только жизненной) дифференциации различных способов организации жизни. Типологический подход позволяет рассмотреть не только индивидуальные особенности различных психических процессов (с точки зрения их биологической и личностной организации), но и особенности их взаимодействия, интеграции в организации личностью своей жизни.

К сожалению (или к счастью), приметами нашего времени становятся скорости, стрессы, которые оставляют человеку мало жизненного пространства для размышлений, созерцания, наблюдения. Поэтому правильная организация времени жизни превращается в одну из ведущих способностей личности к построению стратегии ее жизни. Способность личности к регуляции времени жизни (ее темп, ритм, частота в смене жизненных ситуаций, отношений) выступает динамической предпосылкой для «опережающей» стратегии (иногда ее отсутствие является причиной возникновения стратегии «запаздывания»).

Строгие временные режимы, ограничения, рамки, создавая во многом стандартизированный образ жизни, ограничивают и количество типов организации личностью времени жизни. Рассмотрев эти типы, мы выяснили зависимость временных параметров и от личностной активности (пассивности), и от способов их регуляции (краткосрочного и длительного), выделили основные временные стратегии (четыре типа организации времени). Признавая тот факт, что каждый тип личности имеет и свою индивидуальную временную психическую структуру, и свой индивидуальный способ регуляции времени, необходимо признать и существование социально-психологических различий в регуляции и способе организации других жизненных структур (активности, мышления, общения). Выявить эти особенности также позволяет типологический метод исследования.

Вопрос о том, как соотносить (сообразовывать, структурировать) свой тип личности со способом жизни, составляет принципиальную сторону жизненной стратегии. Если, например, в жизни животных такое соответствие определяется строением организма и образом жизни (одни живут на деревьях, другие — на земле, одни питаются растениями, другие — животными) и не требует доказательств (в силу своей очевидности), то в жизни человека это соответствие устанавливается произвольно, в зависимости от его

способности организовать свою жизнь с помощью психики и сознания. Поэтому задача соорганизации (соотнесения) своей личности со способом жизни (индивидуально присущим ей, индивидуально характерным для нее) является, прежде всего, задачей человеческой психики, сознания, которую человек (в отличие от животного с изначально присущим ему природным соответствием строения и образа жизни) должен решать постоянно. Решение этой задачи, осуществляемое человеком на протяжении жизни, составляет собственное содержание индивидуальной жизни. Общественным сознанием и наукой признаются только различия способностей (в соответствии с которыми, сегодня проводится профессиональная ориентация). Однако индивидуальность личности в целом является особенно существенной для определения самим человеком своего способа индивидуальной жизни, что происходит как осознанно, так и бессознательно.

Личная жизнь, которая признавалась индивидуальной как факт обыденной, реальной жизни, постепенно становится объектом изучения науки. Для выявления существенных социальных и психологических различий в биографиях разных людей уже оказывается недостаточным понятие образа жизни, требуются новые критерии, новые точки отсчета. Понятие образа жизни, ставшее привычным в социологии (и социальной психологии), не дает ответа на вопросы, почему один тип личности имеет притязания, а другой — и притязания, и мотивацию достижения; почему один тип инициативен, а другой — и инициативен, и ответствен; почему один руководствуется чувством долга постоянно, а другой — время от времени; почему каждый тип личности имеет такие особенности, с которыми он должен соотносить свою жизнь?

Построение жизненных стратегий на основе учета типологических различий в способе индивидуальной жизни является предпосылкой ответа на эти и многие другие вопросы. Если время — ведущий внешний фактор для выявления индивидуальных различий в способе жизни, то основным внутренним критерием личности в реализации ее жизненной программы становится активность. В самом общем понимании стратегия может быть либо активной, либо пассивной. Это активность или пассивность в организации времени, деятельности, познания, общения и т.д. Активность выделяется нами в ведущий параметр при построении жизненных стратегий, потому что она пронизывает собой все сферы жизни человека, служит своеобразным «лакмусом» на все виды человеческой жизнедеятельности. Активность личности в осуществлении ее жизненной стратегии и проявляется как способность к оптимальному балансу между желаемым и необходимым, личным и социальным.

Такой баланс (оптимальный или неоптимальный для личности) устанавливается при помощи инициативы и ответственности в соотнесении меры желаемого и необходимого, меры требуемого и достигнутого и т.д. В различных стратегиях личностью осуществляется индивидуальный способ реализации своей активности, при котором происходит распределение инициативы и ответственности (во времени, в способе жизни и т.д.). Если в структуре активности преобладает ответственность, то такой тип личности всегда сам стремится создать себе необходимые условия, заранее предусмотреть, что нужно для достижения цели, подготовиться к преодолению трудностей, неудач. Тип личности с развитой инициативой находится в состоянии постоянного поиска, стремится к новому, а не удовлетворяется наличным, готовым, заданным.

Инициативный человек руководствуется в основном только желательным (в распределении желаемого и необходимого), интересным, «загорается» своими и чужими идеями, охотно идет на любой риск. Но, столкнувшись с новым, неизвестным, отличающимся от созданного его воображением, от замыслов, планов (поскольку редко отчетливо представляет себе, насколько они реальны), он не может четко обозначить цели и средства, отделить достижимое от недостижимого, наметить определенные этапы в реализации планов, определить зависящее и не зависящее от него.

Часто инициатива, не связанная с ответственностью, не достигает нужного (для личности) результата. Инициативный тип личности удовлетворяется чаще всего не

результатом, а самим процессом поиска, его новизной, широтой перспектив. Несомненно, что даже при бедности жизненных событий инициативный человек живет интересно и разнообразно. Он сам постоянно «создает» противоречия, неожиданности, поскольку без оглядки предпринимает нечто новое, предлагает, изобретает. Такая позиция создает (субъективно) разнообразие жизни, ее проблемность, увлекательность. (При этом стремление противоположного типа личности к упорядоченности, определенности и размеренности жизни он воспринимает как недостаток. Попытку ответственного типа сдержать его инициативу он отвергает.)

Конечно, инициативные люди бывают разными. Например, инженер-изобретатель «забрасывает» окружающих своими проектами, предложениями; ученый готов делиться своими идеями с учениками, всем о них поведать. Способ жизненного самовыражения таких людей — самоотдача, саморастрата, и тем более интенсивная, чем более они инициативны. Такова их жизненная стратегия — они интенсивно вовлекают многих людей в круг своих творческих поисков, берут на себя ответственность не только за их научную, но и за личную судьбу. Эти люди возлагают на себя ответственность за судьбы данной области и даже науки в целом только при гармоничном сочетании инициативы и ответственности. Инициативность других людей ограничивается благими и добрыми намерениями. Порой их инициативы не претворяются в жизнь, а ограничиваются лишь порывами, замыслами. Целостность или частичность («от сих и до сих») их активности зависят от характера их притязаний и степени связи с ответственностью. Таких людей мы часто встречаем в жизни; они постоянно меняют работу, место жительства, даже семью, искусственно придавая динамичность своей жизни, избегая всякой стабильности, статичности, и т.д.

Об инициативности как жизненной стратегии личности можно говорить, если человек постоянно идет на поиск новых условий, на активное изменение всей жизни. Инициативность из качества личности становится жизненной стратегией, когда постоянно расширяется круг жизненных занятий, дел, общений. У инициативных людей всегда существует личностная перспектива, они не только постоянно обдумывают что-то новое, но и строят многоступенчатые планы. Но насколько реалистичны и обоснованны эти планы, зависит уже от степени ответственности, от уровня развития личности.

Способ самовыражения человека с развитой ответственностью также во многом зависит от его притязаний, его направленности. У исполнительного типа низкая способность самовыражения, индивидуальность выражены неярко, он не уверен в своих силах. Такой человек больше рассчитывает на поддержку окружающих, на внешние опоры, ситуативен, подчинен внешнему контролю, условиям, приказам, советам. Вместе с тем он очень боится перемен, неожиданностей, стремится зафиксировать и удержать достигнутое. Он не имеет своего собственного жизненного пространства, а напоминает рисующего ребенка, рукой которого водит взрослый, его жизнь сводится к тактике.

Другой тип личности испытывает удовлетворение от выполненного долга, самовыражается через его выполнение. Таким рисует Л. Н. Толстой Каренина, всецело находящегося во власти долга (в его понимании), снова и снова возвращающегося к тягостному выяснению отношений, подавляющего не только свои чувства, но и чувства близких ему людей (Анны) ради долга, порядка и т.д. Стратегия жизни таких людей в самопожертвовании, в постепенной утрате своего «я», в позиции униженной и зависимой от других, которая часто кончается жизненным крахом, поскольку эти другие перестают платить им взаимностью.

Как часто нам встречаются люди, живущие расписанной до мельчайших деталей, безрадостной, однообразной жизнью, воспринимающие любое незапланированное событие как вторжение в их личную жизнь. Они со страхом и раздражением относятся к мысли о возможных переменах. В чем же внутренний личностный механизм такой жизненной стратегии?

Люди с таким типом ответственности определенным образом планируют свою

жизнь во времени, живут определенным ритмом. Ежедневное, ритмичное выполнение раз и навсегда очерченного повседневного круга обязанностей приносит им по окончании дня чувство удовлетворения. Жизнь таких людей, естественно, лишается далеких перспектив и горизонтов, они не любят мечтать, а в будущее заглядывают только постольку, поскольку нужно предусмотреть обязательные для тех же семейных нужд дела: через год кому-то что-то приобрести, скопить деньги. Они не ждут перемен, не ждут ничего для себя, но они всегда в ожидании и готовы выполнить чужие требования и даже капризы.

Встречаются люди с иного рода жизненной ответственностью, которые могут иметь и друзей, и знакомых, но по существу оставаться одиночками. Их одиночество проистекает из чувства «один на один» с жизнью, причем сознание этого исключает какую-либо ориентацию на поддержку, помощь, с одной стороны, и возможность кого-то «тащить» на себе всю жизнь — с другой. Они считают, что жизнь трудна настолько, что выжить можно только в одиночку, что ответственность за других увеличивает зависимость от жизни и тем самым связывает свободу самовыражения. Жизненная стратегия таких одиночек может быть достаточно разнообразна, поскольку их ответственность реализуется в самых разных ролях.

У людей, сочетающих инициативу и ответственность, сбалансировано стремление к новизне с готовностью к риску, готовностью к неопределенности, связанной с риском, и т.д. Они стремятся к постоянному расширению семантического и жизненного пространства, но могут быстро и уверенно распределять его на необходимое и достаточное, реальное и желаемое и т.д.

Ответственность предполагает не только продуманную организацию деятельности, создание для нее необходимых условий и средств, но и отстаивание права на предложенный личностью способ жизни и способ действия. Ответственность является такой формой активности, которая дает человеку возможность не быть на «короткой привязи», не жить ситуативно, а сохранять автономию и возможность, проявить инициативу, т.е. целостно и гармонично вписаться в социальный мир.

Вопрос о том, как личность разрешает противоречие между личной убежденностью в правильности своей жизни и своего дела и общественной оценкой, является очень существенным. Это противоречие проявляется в реальном общении, в профессиональной позиции и т.д., но по существу это противоречие между стабильными, принятыми, апробированными и потому реализуемыми большинством людей способами действия и тем новым, что предлагает данная личность.

Деятельность является основным общественным способом жизни человека: труд, профессия занимают главное место в его жизни. Мы видели типологические особенности субъекта деятельности, как индивидуальной, так и совместной. Они состоят в способности к организации целостного контура деятельности, ее структурированию, в свободном владении всеми ее особенностями, в умении отделить частные моменты деятельности от существенных, в способности выбирать средства, адекватные целям; деятельности, прогнозировать результат. Наконец, решающей для качественного осуществления деятельности, для достижения адекватного ее внешним и внутренним требованиям результата является способность к саморегуляции.

Эти способности субъекта определяются также основным для его жизни отношением к деятельности, профессии, труду. Оно выражается в способе включения в труд как в дело всей своей жизни, которое осуществляется по инициативе самого субъекта, принявшего раз и навсегда ответственность за это отношение. Другие люди, хотя и осуществляют это дело добросовестно, все же сводят его только к отдельным занятиям, мероприятиям, уничтожая его значение как дела всей жизни.

Однако все эти характеристики, являясь существенными при формировании отношения к труду, должны быть рассмотрены в более широком плане. Выше говорилось о самовыражении, объективации личности в жизни. Но объективация представляет собой лишь одну из сторон основного жизненного противоречия: между объективацией (как

отдачей своих сил обществу) и присвоением (как потреблением) того, что общество дает личности в обмен за ее труд.

Опираясь на понятия опредмечивания и распредмечивания, выдвинутые К. Марксом, можно так раскрыть суть присвоения и объективации: присвоение указывает на степень активности личности в овладении культурой, опытом, социальными возможностями; оно раскрывает меру активности, самостоятельности, творчества, а также меру целостности при овладении общественным опытом, профессией, культурой и т.д. Понятие объективации обозначает аспект деятельности, участия индивида в общественном производстве (в широком смысле слова — духовном и материальном), его индивидуальный вклад в деятельность. В этой объективации самовыражается, самоосуществляется, самореализуется личность. С. Л. Рубинштейн, например, выделяет два способа существования человека, один из которых связан с реализацией непосредственных отношений, связей. Сначала это отношения в семье, затем в группе (сверстников), в коллективе (сотрудников), причем эти отношения никак не связаны между собой (не имеют преемственности на уровне личности, не совершенствуются, не усложняются, опыт общения переносится «автоматически» с переходом из одной возрастной группы в другую).

Другой способ жизни связан с отношением к жизни в целом, с умением абстрагироваться от ее излишней «конкретики», «специфики» отношений, в которых человек только «вязнет», но не развивается, не двигается вперед. Для такого способа жизни нужна, с одной стороны, самореализация как постоянное практическое выражение своего «я», а с другой — философское осмысление жизни для постоянной обратной связи между поступками человека и его ценностями, между активностью и самоконтролем как средством ее регуляции. «Марксистское понимание сознания распространяется при этом на понимание созерцательности как *иного по отношению к действию* (курсив наш — К. А.) способа отношения к миру, восприятия, осознания мира человеком», — писал С. Л. Рубинштейн⁴.

Для психологии важен вопрос, насколько полно, целостно, творчески личность воплощается в своей деятельности, в ее процессе, продуктах, в способе ее осуществления. Однако деятельностный момент присутствует и в процессе присвоения: в отличие от пассивного участия присвоение предполагает такую деятельность и активность, которые дают человеку не только знания, впечатления и т.д., но и возможность их воспроизведения, переживания, применения на практике.

Присвоение предполагает свободное распоряжение присвоенным, его индивидуальную переосмысленность. Присвоение предполагает также воспроизведение духовным индивидуальным образом присвоенного, т.е. внутреннюю жизнь. Между тем психика, сознание и сама личность часто рассматриваются лишь как своего рода «компьютер», как средство для более точного и оптимального функционирования чего-то другого, для достижения результата. В присвоении раскрывается не узкопрагматический смысл внутренней жизни.

Поисковый характер процесса присвоения, отвечающий на вопросы, что я хочу, могу, что я должен и в каких формах дать обществу и получить от общества, позволяет понять и объективацию не как простое функционирование личности в обществе, а как индивидуальный вклад в его ценности, как ее «отдачу» и самоотдачу. Таким образом, объективация — это присущий личности способ воплощения себя в жизни, структурирования жизни, ее условий, который создает существенные для ее самовыражения отношения, выявляет направления ее активности, формирует определенное жизненное пространство. Сюда включается и значимая профессиональная деятельность с точки зрения способа ее личностной организации (как исполнителем, участником или субъектом, о котором выше шла речь).

Объективация — это своеобразная «отдача» личности, ее вклад в общественное производство, способ участия в нем и одновременно опора личности на те или иные

общественные тенденции, условия, которые обеспечивают более или менее оптимальное для личности и общества осуществление этого вклада. Объективация как способ самовыражения личности в ее жизненных отношениях, деятельности, общении может быть более творческим, индивидуализированным или исполнительским, стандартным, может предполагать большую или меньшую степень активности личности (причастность, самоотдача, самопожертвование и т.д.). Стратегия жизни отвечает избранному способу объективации, соотношению потребления и отдачи.

Объективация соотносит способности личности и меру (характер) их реализации в деятельности, труде. Способ самовыражения, найденный личностью в данных условиях жизни, может отвечать или не отвечать ее способностям и потребностям (в признании, достижении и т.д.). Личность реально живет ниже своих возможностей, способностей, потребностей или, полностью их реализуя, постоянно развивает их. Противоречия объективации (неадекватный способ самовыражения, неполнота самовыражения, отсутствие оценки обществом этого способа самовыражения и т.д.) в свою очередь активно разрешаются личностью или ведут к падению активности.

По соотношению потребления и объективации жизненная позиция личности может быть или продуктивной для общества, или ограниченной, неустойчивой, несамостоятельной, ведущей к застоям, регрессу личности, ее пассивности. Не овладев отношениями, которые способствуют развитию личности, не выработав продуктивных опор и перспективных направлений активности, человек снижает уровень жизненных притязаний, превращается в пассивного потребителя.

Соотношение объективации, отдачи и потребления по-разному складывается в жизни каждого. Потребляются не только знания, но и результаты труда других людей, их способности, их позиции и т.д. Если соотношение между тем, что человек отдает обществу, и тем, что он получает от него, складывается в пользу получения, потребления и в ущерб объективации, то возникает потребительство. Один тип личности живет по принципу самосохранения, увеличивая «фонды» своего потребления, другой готов себя растратить, целиком вложить во что-то, от третьего этого требует общество, конкретная ситуация. В юности преобладает накопление, поскольку человек преимущественно получает и мало отдает (причем это касается не только профессии, труда, но и взаимоотношений с людьми, прежде всего с родителями). Затем появляется потребность в самовыражении, самореализации, самоотдаче, которая сопровождается теми или иными притязаниями на способ потребления — притязаниями на социальную оценку, успех, положение, блага, свободное время. Происходит выбор сферы самореализации и ее способа («отдать то, что похуже, получить то, что получше»). Некоторые сразу ориентируются на низкий уровень активности («ничего не получать, но ничего и не тратить»). Все эти соотношения складываются у всех по-разному, хотя кажется, что все трудятся одинаково.

Удовлетворенность связана с выявлением ценностного содержания жизненных потребностей. Один удовлетворен не просто тем, что получил максимум любых благ, а именно тем, что получил легко, ничего не затратив (под затратами имеются в виду любые их формы — труд, время, личные усилия и т.д.). Другой, напротив, получив максимум социальных благ, испытывает состояние неудовлетворенности, потому что не затратил никаких усилий, ничего не внес «своего».

Соотношение потребления (присвоения) и объективации (отдачи) определяет смысл жизни личности, концепцию жизни. Встречаются люди, которые считают, что они как бы должны платить «выкуп» за полученное в жизни, даже если это касается таких «благ», как хорошая семья, удачная профессиональная карьера, которые, собственно, никто им не «выделял». Они легко соглашаются работать сверхурочно, готовы прийти на помощь незнакомым людям, поскольку оценивают себя незаслуженно одаренными жизнью. Другие, напротив, считая себя обделенными, недополучившими от жизни, общества, культивируют в себе сознание права получать, брать и даже отбирать. Это право брать, а

не зарабатывать определяет их реальную жизненную стратегию. Такова иногда бывает философия молодого поколения, когда оно стремится к жизненным благам, которые заработаны всей жизнью старшего поколения.

Довольно распространены взаимоотношения, связанные с потреблением и объективацией, основывающиеся на принципе «ты — мне, я — тебе». Эквивалентами обмена становятся самые разные предметы, услуги (денежные, человеческие, статусные). Это и устройство на работу как плата за помощь в защите диссертации или получении квартиры; доставание различных дефицитов в обмен на «расположение» начальства. Не хватает фантазии, чтобы перечислить все формы таких обменов. (Кстати говоря, нередко социальные условия жизни (наличие дефицитов) толкают людей на эти часто кажущиеся дикими обмены.)

Смысл жизни каждого человека определяется только в соотношении содержания всей его жизни с другими людьми, писал С. Л. Рубинштейн. Отношение к другим как к субъектам, прежде всего, характеризует самого человека как этического субъекта, способного строить человеческие отношения с другими людьми. Причем имеются в виду не те характеристики, которые обычно называются коммуникативными особенностями личности, такие, как общительность, способность интересоваться партнером (собеседником), умение общаться и т.д. Здесь существенны даже не те особенности характера человека, которые делают его для других «легким» или «трудным» в общении (упрямство, вспыльчивость, подозрительность и т.д.). Мы выявили (в первом приближении) и обратили внимание на такие характеристики субъекта общения, обладая которыми человек в состоянии проблемно, т.е. непредвзято, широко строить взаимоотношения с другим человеком, способен учесть его намерения, желания, его личность. Он способен и к внутреннему, и к внешнему диалогу, который имеет целью не конфронтацию позиций, не доказательство только своей правоты, не настаивание только на своем, а выработку совместной позиции сотрудничества, кооперации. Выше говорилось, что такие люди могут столкнуться с очень сложными жизненными противоречиями, но можно с уверенностью сказать, что они готовы и способны разрешить эти противоречия.

Считают, что способ разрешения противоречий сводится лишь к выбору одной из альтернатив, которые часто представляют довольно примитивно.

С. Л. Рубинштейн писал, что «надо отдать себе отчет в том, что при всей необходимости перестройки общества никакой общественной строй не устранит всех горестей человеческого сердца». В то же время он отмечал, что «неверно валить на «природу» человека беды, порожденные капиталистическим строем, но заблуждением, иллюзией является... представление, будто разрешение социальной проблемы — распределения всех производимых обществом материальных благ — ликвидирует все жизненные проблемы, всю проблематику человеческой жизни».

Стратегия жизни и состоит в разработке определенных жизненных решений как конструктивных способов преодоления этих противоречий. Творчество личности проявляется именно в способности вырабатывать такие решения, с помощью которых преодолевались бы, казалось, неразрешимые жизненные проблемы. В этом и состоит сущность социального мышления личности, ее мудрость.

Социальное мышление играет принципиальную роль в принятии человеком жизненно важных решений. К сожалению, долгие годы в нашем обществе социальная жизнь не способствовала развитию социального мышления ни в плане глубокого осознания общественных проблем, ни в плане решения личных. Росли социальная и интеллектуальная пассивность, безответственность, поверхностность. На уровне личности не развивалось прогностическое мышление, его конструктивность, проблемность, способность предвидеть последствия. Даже интерпретация тех или иных проблем, как правило, носила поверхностный, ситуативный характер, поскольку были расплывчаты или противоречивы критерии общественных оценок.

В течение нескольких десятилетий набор критериев оценки людьми друг друга обеднялся, стандартизировался, лишался идеальных эталонов. Соответственно и способность выявлять все противоречия, определять их иерархию, ценностный характер, конструктивно сформулировать проблему не развивалась. Зрелость социального мышления встречалась лишь у немногих людей. Ориентация на сиюминутные жизненные потребности формировала жесткие стереотипные установки, эмоционально блокировала мысль. Отсутствовала ответственность за принимаемые решения, которая обычно расширяет кругозор личности, позволяет видеть варианты решений.

Однако каждый человек, несмотря на сложившуюся инерцию мышления, несмотря на установки и стереотипы, должен уметь проблемно относиться к своей жизни. Только тогда, когда он сумеет осознать свои цели, цели окружающих его людей, причины и следствия своих действий, он перестанет жить автоматически. Только тогда он сможет вырабатывать стратегию своей жизни, спрашивать себя, отвечают ли его каждодневные действия и поступки основным принципам его жизни. Сегодня, когда идет процесс демократизации советского общества, ощущается огромная потребность в активности, в инициативности масс. Однако формирование этой активности, скорее ее восстановление, может происходить как в социальной жизни в процессе развития демократии, так и в личной жизни. Причем под личной жизнью имеется в виду отнюдь не сфера семьи, быта или досуга, как она трактуется социологами, а именно жизнь с точки зрения осмысления, построения, организации личностью своего жизненного пути. Право и обязанность (перед самим собой) каждого человека состоят в том, чтобы разумно распорядиться собственной жизнью, суметь привести в соответствие свои данные природой способности и типологические личностные свойства с условиями жизни, ее возможностями и ограничениями.

Сегодня остро стоит вопрос о воспитании нравственности, о культуре общения, о высоком профессионализме, об освоении мировых культурных ценностей. Однако глубоко заблуждаются те, кто считает, что эти качества можно воспитать лишь на рациональной, логической основе. Необходимо в первую очередь учитывать все достижения наук о человеке, о его психологии в особенности. Уровень культуры, нравственности, профессионализма не только характеризует человека как личность, не только изначально присущ ему, но и формируется самой личностью на протяжении всей жизни.

Довольно интересны исследования уровня образования родителей школьников, условно разделенных на две группы: ориентированных и не ориентированных на изучение предметов гуманитарного цикла (история, литература). «Опрос родителей показал, что уровень образования родителей двух групп школьников мало различается (74% родителей у ориентированных на литературу и 65% у неориентированных имеют высшее образование). Однако родители любителей литературы чаще предпочитают книги другим видам искусства, чем родители нелюбителей чтения (69% против 52%). В то же время более 2/3 родителей и в той и в другой группе ничего не знают о литературных интересах и любимых героях их детей»⁶.

Вопрос о приобщении к культуре в семье должен ставиться, прежде всего, с точки зрения преемственности культурных традиций (семья композиторов, семья режиссеров и т.д.). При этом вовсе не обязательно, чтобы дети осваивали дело, начатое родителями (в науке, искусстве, литературе), они могут выбрать свой индивидуальный путь и добиться при этом больших успехов и без протекции. Важно другое: чтобы культурный уровень детей (нравственный, ценностный) не понижался по сравнению с культурным уровнем родителей. В этом состоит стратегия семейной жизни, когда семья выступает хранительницей своих традиций, принципов, ценностей, передающихся из поколения в поколение. В основе культуры, нравственности лежит и способность личности построить свою жизнь в соответствии с ценностями, и способность их переживать, т.е. психологически присваивать ценность жизни, удовлетворяться ее ценностным

характером, и искать, открывать для себя новые ценности. Таким образом, самореализация человека в собственной жизни, в своих делах, поступках, взаимоотношениях, ситуациях может достигать уровня, отвечающего общечеловеческим ценностям, т.е. в конечном счете ценностям нравственности, творчества, культуры в широком смысле слова, непреходящим принципам духовности человека.

Человек стремится установить соответствие своих интересов условиям жизни на основании критериев, которые избираются им самим или помимо него. Легкость жизни может служить таким критерием для людей одного типа. Нельзя сказать, что эта легкость служит смыслом жизни, но, как говорилось, своеобразным чувством оптимальности жизни, ощущением ее правильности является наиболее доступный способ удовлетворения потребностей. Выбирая стратегию легкой жизни, без затраты усилий, человек должен быть готов к тому, что однажды все легко дающееся будет исчерпано. Для другого типа людей таким критерием (или ориентиром) служит принцип эгоцентризма, созданный самосознанием образ «я», за которым нет определенной концепции жизни, кроме «мне нравится», «мне удобно», «я привык поступать так». Для людей третьего типа — принцип соответствия внешним требованиям, поскольку им не приходилось даже задумываться, чего они, собственно, хотят и как они обычно поступают, для четвертого — принцип следования общественным целям, интересам и т.д. Однако определенный способ (или принцип) жизни не всегда выбирается человеком в соответствии со строго продуманной системой жизненных правил, установок, а часто случайно, когда жизнь сама заставляет рано или поздно на чем-то остановиться.

Именно поэтому каждый человек должен найти возможность, даже когда нет ни времени, ни условий, осознать, что можно жить, следуя разным принципам, разным ориентирам. Соответствие личности характеру ее жизни должно быть опосредовано самопознанием. Человек должен осознавать и свои способности, и свои личностные качества, такие, как инициатива, ответственность, способ мышления, способ организации времени, не говоря уже об особенностях своего характера. Говоря о самопознании, мы не имеем в виду только логический, рациональный способ познания себя. Убедиться в своих возможностях чаще всего удается в жизненных испытаниях, противоречиях, увидев себя глазами других людей, и т.д. Но такие итоги нужно подводить постоянно, чтобы осознать самого себя, свои жизненные критерии, ценности. При этом самопознание не должно становиться самоцелью.

Познавая себя, человек может научиться «примеривать», мысленно «прикидывать» на себя предстоящие, предлагаемые или соблазняющие на первый взгляд жизненные возможности, ситуации, дела, статусы. Такого рода жизненная рефлексия у многих происходит только постфактум, после того, как события или поступки совершены. «За это не нужно было браться», «с этим не нужно было связываться» — так говорит себе человек, который, взявшись за непосильное дело, терпит неудачу, попадает в сложные взаимоотношения. Но рефлексия вполне может предварять поступки, действия, выбор человека, не соответствующие его склонностям, способностям, чертам личности, уровню профессионализма, осуществляясь своевременно и заблаговременно.

Несовпадение у большинства людей реальных и идеальных качеств (как показывают специальные исследования самооценки) рассматривается в психологии как своеобразное противостояние «я» идеального и «я» реального. Интересно, что, осознавая свой идеал, его отличие от своего реального «я», многие люди не стремятся себя изменить. А в этом-то и заключается важнейшая потребность личности — потребность в саморазвитии. Самосовершенствование (саморазвитие) включает, на наш взгляд, процесс приобщения к культуре (своего общества, своей эпохи), постоянное повышение уровня своих знаний (в процессе непрерывного образования, пополнения имеющихся знаний новыми) и, наконец, процесс активной реализации себя в жизни (в труде, творчестве). Самосовершенствование — это такая жизненная стратегия, в которой человеком осуществляется поиск более адекватных своим возможностям путей их реализации, воплощения в жизни. Для зрелой

личности этот поиск необходимо не меньше, чем для личности формирующейся. При этом не существует идеального принципа в осуществлении такого поиска. Самосовершенствование происходит неполно (или невозможно совсем) не только в том случае, если отсутствует один из вышеназванных процессов, но и в том случае, если пути самореализации личности выбраны неадекватно ее возможностям.

Наиболее тонким и непосредственным критерием адекватности личности и жизни, имея в виду, конечно, ее конкретную ситуацию, род занятий, конкретные события, дела и т.д., является способность к удовлетворению, или ценностному переживанию. Среди множества разнообразных жизненных чувств — страха, грусти, гнева, зависти, злобы, радости — существуют чувства, которые дают нам ощущение подлинности, полноты данного момента жизни, ее данного состояния, достижения.

Так, многие люди могут изучать прекрасные произведения искусства, не переживая эстетического чувства; пытаясь что-то понять в картине, как-то ее интерпретировать, они не способны пережить эстетическое наслаждение. Аналогичны и особенности переживания ценности жизни: стремление к переживанию не всегда порождает само переживание, оно может возникнуть (или не возникнуть) только в результате определенного адекватного соотношения личности с жизнью.

В детстве ребенок не связан с жизнью необходимостью, долгом, ответственностью, поскольку его потребности удовлетворяют взрослые, а он только пассивно потребляет, ничего не отдавая взамен. Однако именно в этот период он свободно проявляет, апробирует свои способности, возможности, развивая их под руководством взрослых. По мере взросления к нему уже предъявляют определенные требования, он вынужден приспособляться к окружающим условиям. При этом формируется потребность личности в автономии, возникает концепция «я», которая в последующем дает возможность личности осознать себя как целостность и апробировать свою способность целостным образом соотноситься с жизнью. Разные типы людей во взрослой жизни уже по-разному соотносятся с жизнью: одни в основном приспособляются к ее требованиям, другие — приспособляют условия жизни к своим требованиям, третьи — постоянно разрешают противоречие между собственными требованиями и требованиями жизни и т.д.

Очень часто стратегии жизни, как отмечалось, складываются стихийно. Они могли бы быть более оптимальными, если бы строились на основе учета всех индивидуальных типологических особенностей личности. Зная себя, человек мог бы избегать тех видов деятельности, которые требуют от него особых, несвойственных ему качеств, не соответствуют его возможностям организации времени, и стремиться к тем, где его особенности могли бы проявиться оптимально. Он мог бы избегать социальных ролей, чуждых ему, и искать те, которые развивали бы его данные. Трудно быть педагогом так называемому интроверту, т. е. обращенному в себя, малообщительному, малоразговорчивому человеку. И, тем не менее, многие люди тратят огромные волевые усилия на преодоление несоответствия своих типологических особенностей и жизненных обстоятельств, которые они выбрали сами или позволили их себе навязать. Еще более трагичны такие соотношения личности и жизни, при которых она либо не может в полной мере проявить присущие ей способности, либо теряет их.

Психологические и личностные потери, к сожалению, сопровождают весь жизненный путь человека. Например, условия воспитания и образования в школе приводят ко многим личностным потерям: активности, инициативности, способности к общению, чувства товарищества, умения согласовывать свои действия с другими людьми, уважения к взрослым. Гармоничная для каждого возраста связь между словом и делом, поступком извращается. Дети, особенно подростки, видят бесчисленные примеры нарушения взрослыми этой связи: ложь, безответственность поступков и т.д. Еще не проанализирована психологическая роль в этом разрушении телевидения. Можно представить себе, как придет к преступлению человек, никогда не видевший преступлений, не знающий, что такое убийство: он должен пройти свой психологически

личностный путь к этому преступлению. Его может толкнуть на это либо сильнейший аффект, либо неразрешимые, выстраданные жизненные противоречия. Совершенно иным оказывается смысловое пространство современного подростка, который уже тысячи раз увидел и знает, что такое преступление. Нарочито заостря постановку проблемы, можно сказать, что в первом случае переживание является причиной поступка, действия, во втором — действие воспроизводится, чтобы испытать переживание.

Ситуативность жизни навязывается личности и тем самым либо затрудняется, либо вообще не возникает способность к формированию обобщений, стратегий, перспектив жизни. Человек начинает планировать свою жизнь по совершенно иным критериям, делать то или иное дело по мере его срочности, внешней необходимости и перестает формировать собственные планы. Возможность располагать собой, условиями своей жизни исчезает, а вместе с ней исчезает и соответствующая способность строить стратегию жизни.

Так личность лишается возможности органично связать во времени, согласно внутренней логике, все сферы своей жизни, равномерно и сообразно внутренним ценностям распределить свою активность не функционально, а осмысленно. Следовательно, не формируется ответственность за свою жизнь, исчезает инициатива, жизнь становится безличностной, т.е. складывается помимо воли личности, стратегия превращается в пассивную.

Способность человека выработать и осознать свою устойчивую жизненную позицию, отделить существенные отношения, из которых складывается эта позиция, от случайных общений, случайных бессмысленных встреч и отношений, осознать дело своей жизни и отделить его от мелких, преходящих, формальных дел и есть жизненная стратегия. Она по самому большому счету есть способность оградить свою жизнь от всего мелкого, суетного, навязанного и внешнего. Говоря о внешнем, мы не имеем в виду необходимость, требования общества, окружающих, которые не являются случайными, поскольку они составляют объективную характеристику жизни человека. Но можно и нужно задуматься и о преодолении стихийного, стереотипного, случайно навязанного способа жизни, когда с человеком как бы помимо него самого что-то происходит, в чем он вынужден участвовать.

Конечно, введенная нами категория субъекта жизни, который способен сам направить события, изменить ход своей жизни, на первый взгляд, является научной абстракцией, идеалом. Однако эта абстракция нужна, чтобы донести до сознания каждого человека такую возможность, чтобы перенести идеал из тех социальных высей и далей, которыми человек сплошь и рядом живет (и которых никогда не достигает), в те выси и дали, которые доступны воле отдельного человека,— в перспективы его собственной жизни. Будет заблуждением считать, что тем самым личность перестанет активно участвовать в общественной жизни и, всецело посвятив себя личной жизни, останется во власти мещанских ценностей. Наиболее полноценны, уже в смысле общественном, узкосоциальном, люди счастливые, удовлетворенные, живущие собственной жизнью.

3. Типология личности и стратегия жизни

В данной книге речь шла о типичных особенностях организации времени, мышления, инициативы и ответственности личности. Резюмируя, можно высказать ряд соображений о том, что же такое типология личности, как она строится, чем отличается от индивидуальных различий и, наконец, как связана с жизненной стратегией. В советской психологии (в отличие от зарубежной, где издавна строились различные типологии) долгие годы преобладал взгляд на личность, который отвечал определенному социальному стандарту и предполагал, что существует один тип личности — советский человек.

Между тем за последние годы уже за пределами науки возник огромный интерес к

гороскопам (своеобразным личностным календарям), определяющим индивидуальные черты, особенности поведения (вплоть до любви к власти и умения одеваться). Но, критикуя «научность» этих календарей, следует подумать о том, какой человеческой потребности отвечает это увлечение и, главное, правомерно ли выделять разные типы людей. По-видимому, в этом кроме неистребимого интереса человека к своей судьбе проявляется и потребность в самопознании, желание знать свои психологические особенности и качества личности. Стандартизация общественной жизни, которая долгие годы выравнивала всех людей, все же не сумела до конца истребить этого интереса к индивидуальному, особенному в другом и в самом себе.

Психология обязана давать тот материал, те средства и язык, с помощью которого научно и вместе с тем жизненно могут быть описаны, схвачены и познаны разные качества разных типов людей, а вместе с ними своеобразные профили их жизни. На наш взгляд, типология не является самоцелью и тем более не может быть средством простой классификации людей, за которой обычно скрывается желание доказать, что один — лучше, другой — хуже. Типология, или типологический подход, тем отличается от индивидуального, что число индивидуальных различий бесконечно и в своем пределе ведет к утверждению неповторимости каждого. Между тем в разных типах представлено и определенное разнообразие (отличие одного типа от другого) и сходство, поскольку в один тип включается множество людей с некоторыми вариациями присущих данному типу особенностей. Тип человека — ключ к его истории, жизни, ее коллизиям, удачам. Например, построение типологии активности позволило нам не только констатировать ее отсутствие, но и показать причины пассивности, безынициативности: у одного типа эти причины уходят в далекое детство, у другого они связаны с внутренними противоречиями, у третьего — с взаимоотношениями в группе, которые блокируют активность.

Используя научные данные о своем типе организации времени, особенностях мышления, сознания и т.д., каждый человек может строить свою стратегию жизни. Например, зная свои особенности организации времени (трудности или преимущества работы в одном из многих режимов времени), человек сможет выбирать более адекватные для себя ситуации, предпочитать работу в подходящих для себя режимах, избегать трудных режимов и т.д. Это стратегия учета своих наличных возможностей. Но при тех же знаниях своих особенностей возможна и другая стратегия — стратегия развития способности к рациональной организации времени, стремления к работе в трудных для себя режимах. Это будет своего рода стратегия развития, совершенствования своих психических возможностей, а не просто учета своих особенностей. Возможна и третья стратегия — избегание неадекватных для себя условий, трудных ситуаций, видов работы, общения и т.д.

Это же относится к таким качествам, как инициатива и ответственность. Человек, зная, что инициативные качества у него особенно развиты, а чувство ответственности несколько занижено, может оптимально «использовать» их в жизни, работая там, где нужны инициаторы, и избегая тех участков, где за свои инициативы нужно отвечать. Это стратегия использования наличного. Но и в данном случае возможна развивающая стратегия, суть которой — формировать у себя чувство ответственности, искать трудные для себя задачи, брать на себя ответственность, подавляя неуверенность.

Если человек, чтобы не стать инвалидом, не должен поднимать веса, превышающего его физические возможности, то он в такой же мере не имеет права пренебрегать своими психическими особенностями, превышать «нагрузку» на них. Однако часто получается именно так, поскольку психические особенности людей сплошь и рядом мало известны даже им самим. Если сегодня так остро встал вопрос об экологии природной среды, то не менее важна проблема психической экологии — бережного, рационального использования психических возможностей, психических особенностей людей. Такой должна быть не только личная, но и социальная стратегия. Однако бытует представление,

что психика — это постоянное средство, которое всю жизнь должно нам безотказно служить. Между тем если старится тело человека, если оно уродуется в результате неправильного образа жизни, то психика в еще большей мере подвержена «износу» и даже ломке. При неподлинной жизни сильные побуждения, стремления, порывы исчезают, глубокие чувства притупляются, при жизни убогой они вообще не развиваются, мышление остается бедным, сознание — поверхностным, а сама личность — грубой, пассивной, примитивной. Психика, которая могла бы возвысить внутренний мир человека до вершин человеческого духа, запирает его в мир телесных радостей и элементарных потребностей.

Но пока общество еще недостаточно учитывает психические особенности людей, человек должен сам бережно и разумно расходовать этот потенциал своей жизни, адекватно его использовать и охранять. Он должен научиться не только согласовывать свои намерения и действия, но и придавать единство, цельность своим разнообразным психическим свойствам. Если у человека есть способности, но нет силы воли, характера, то эти способности в конце концов бездумно растрачиваются. Если мотив, желание не поддержаны волевым усилием, то могут исчезнуть, не воплотиться в цель, если чувства выходят из-под власти ума, то человек перестает контролировать свои поступки и т.д. Слаженность, согласованность всех модальностей, «инструментов» психической жизни личности умножает его жизненные возможности, и наоборот.

Способность действовать, общаться, познавать (прежде всего мир людей и человеческих отношений), а также способность к организации времени есть высшие жизненные способности. Если способность к организации времени сочетается с интеллектуальными особенностями оптимальным для данной личности образом, то она действует своевременно и адекватно. Знание человеком своих высших личностных жизненных качеств дает ему возможность стратегически использовать их и наиболее оптимально сочетать. Ум, чувство, воля действуют слаженно или вступают в противоречия, рассогласуются друг с другом в зависимости от того, насколько личность способна к саморегуляции, самоконтролю, насколько она стремится к гармонии. Способность к организации времени, использованию особенностей своего мышления, направлению своей активности (инициативы и ответственности) может стать предметом самосознания и самоорганизации, может согласовываться, изменяться, совершенствоваться. Здесь необходима работа самосознания не только по упорядочиванию своих психологических особенностей, но и по их развитию и использованию для выработки собственного способа жизни.

Человек должен осознавать и свои цели, и особенности своей психики, и масштабы своей личности, их соответствие-несоответствие обстоятельствам, определять, что и как нужно изменить для достижения этих целей, в каких пределах, каким способом что-то нужно изменить, а чем-то и пожертвовать. Стратегия жизни и есть составление определенной композиции того, чем обладает, располагает личность, что она использует, потребляет, что создает, что от нее требуется и чего она способна достичь.

Такие задачи большего или меньшего масштаба люди решают всю жизнь — ежедневно. Соглашаясь на новую должность, связанную с руководством людьми и большой ответственностью, человек, особенно молодой, радуется получаемой самостоятельности, свободе от подчинения другому. Но всегда ли он предвидит, может представить себе те качества, способности, которые окажутся нужны для новых обязанностей, всегда ли учитывает, что его независимость может обернуться гораздо большей зависимостью, если эти качества он в себе не сможет быстро сформировать.

Человек должен предвидеть, что при высоких притязаниях мелкие, но быстрые достижения неизбежно приведут к разочарованию, потере смысла жизни. В этом плане стратегия выжидания своего времени, своего часа, стратегия, противоположная погоне за мелкими успехами, благами, почестями, практически всегда оправдывает себя. Боязнь упустить время, упустить свою выгоду приводит к неразборчивости и потерям в главном:

получая жизненные мелкие удачи, человек начинает обманывать сам себя. Жизненная суетливость не имеет ничего общего со своевременностью, которая как раз предполагает точный расчет внешних и внутренних обстоятельств для «главного удара». Обладая яркой индивидуальностью, большими способностями, человек должен понимать, что стремление достичь цели, «как все» (самым простым, легким и, главное, быстрым путем), неизбежно приведет к утрате этой индивидуальности или к утрате высоких целей. И наоборот, завышение жизненных притязаний при слабом характере, неразвитых способностях неизбежно приведет либо к разочарованиям, либо к утрате нравственных качеств.

Очень важно осознать не только свои достижения, но и возможные, иногда даже явно не ощущаемые потери, например жизненного времени. Часто такие потери просто неисчислимы. Хорошо, если человек жертвует временем своей жизни, своего цветения, своего восхода, желая уступить дорогу другому, дать ему возможность реализовать себя. Но жаль, когда потоки времени тратятся на пустые разговоры, пустое времяпрепровождение, пустые взаимоотношения, когда люди, обманывая себя, заполняют этим лучшие часы и годы жизни. Так же бессмысленно и бесцельно тратятся не на того и не на то направленные лучшие человеческие чувства, когда, ничего не получив взамен, человек позже уже оказывается неспособным ни на что высокое и большое. Здесь речь идет не о жертвах ради чего-либо осмысленного, но просто о потерях.

И вместе с тем диалектика жизненных противоречий требует от личности и способности к риску как значительным, крупным жизненным шагам. Отсутствие чувства ответственности всегда связано со страхом перед таким риском, в результате человек хочет только удержать то, что есть и как есть, и разменивает жизнь на «мелкую монету». В зарубежной психологии существует большое число исследований, посвященных проблеме риска. Конечно, проблема риска очень обширна, но для нас существенными характеристиками личности является не авантюризм, не тяга к опасностям как таковым, а именно смелость, способность отвечать за многое, способность отвечать за радикальные преобразования, которые особенно ответственны в социальной жизни. Самый глубокий конформизм личность проявляет не тогда, когда соглашается на любые социальные условия, боясь риска, но тогда, когда боится изменить раз и навсегда данные, заданные условия собственной жизни, придерживаясь пассивной стратегии.

Как говорилось выше, среди жизненных условий есть существенные и частные, способствующие и препятствующие целям личности, приятные и неприятные события, ситуации и т.д. Иногда совершенно бессознательно личность вырабатывает основание жизненной стратегии, которое фактически превращается в постоянное условие ее жизни (принимать в расчет только приятное, легко достижимое, только полезное и т.д.). Однако тем самым воля личности, активность, устойчивость к трудностям, неожиданностям жизни атрофируются. Таким образом, между складом личности и ее жизненной стратегией, позицией и линией существуют прямые и обратные взаимосвязи.

А потери ее не только объективны, но и субъективны, личностны. Подводя итоги проблемы жизненных потерь, о которой шла речь, можно сказать, что личностные потери бывают трех видов. Потери в результате отсутствия условий для развития того или иного качества (его несформированности или последующей утраты сформированного, но не нашедшего применения качества), потери в результате неадекватного их применения (несоответствия условий жизни или неспособности личности использовать свои психические качества), незнания личностью своих особенностей, неумения их развить, направить, соединить с другими, наконец, потери в результате нерешенных жизненных противоречий.

Последний случай потерь может быть исключен, если человек узнает о своих возможностях, типологических особенностях и сумеет компенсировать, правильно использовать в жизни свои сильные и слабые стороны. Но и познание и апробирование их требует особой психологической установки: своеобразной «открытости», готовности к

нестандартному, нетрадиционному способу действия.

Способ самовыражения личности, о котором выше шла речь, иногда начинает сводиться к определенному узкому стилю, который человек, подобно покрою платья, боится менять, даже когда он уже вырос из него, когда ему стало тесно в нем. Притязания — большие или меньшие — часто также фиксируются как бы в одном регистре, не позволяя человеку развернуть все разнообразие своей личности, испробовать все ее тональности и тембры. Поэтому познание самого себя, своих личностных особенностей не должно толкать на путь самообречения, на путь самоограничения, сведения себя к данному и заданному типу.

Отношение к себе как к субъекту, как к источнику жизненных перемен, как к причине событий и поступков позволяет не ограничивать себя рамками своего типа, а выявлять новые, еще никогда не испробованные личностные особенности, стремления, силы. Если, заострив их различие, сравнить европейский и восточный типы человека, то окажется, что (согласно общепринятому мнению) западный человек растворяется в деле, в известном смысле теряя ощущение своей личности, тогда как восточный — сосредоточивается на рефлексии, замыкается во внутреннем мире, забывая о действии. Эта дилемма нашла свое отражение и в психологическом тезисе, что осознание наступает тогда, когда невозможно действие, старый его способ. Но возможно и осознание себя как деятеля, как источника действия, что и дает возможность особенно взвешенно, продумываемая разные варианты, совершать его наиболее адекватно.

Подобный тип связи сознания и деятельности является скорее идеалом, потому что прошедшая эпоха была безальтернативной, она предлагала единственный и притом предписанный вариант поведения и жизни. Между тем альтернативность есть сердцевина любой стратегии. Она предполагает наличие способности мыслить вариантами — моделями объективных ситуаций и субъективных решений, поступков. За подобным сознанием, за осознанием себя субъектом выбора, субъектом действий, преобразующих наличные условия, лежит особый способ мышления — диалог. Диалогичность мышления, известная древним философам, составлявшая способ их мышления и образ жизни (сократовские беседы, диалоги), была в значительной мере потеряна психологами как важнейшая характеристика мышления. Только недавно в некоторых работах начинает раскрываться все значение этой характеристики мышления, особенно роль диалога с самим собой. Последний воплощает в себе самую суть диалектичности мышления: за предположением следует возражение, предположение включает множество альтернатив, каждая из которых взвешивается, обдумывается и проверяется. Продумывание вариантов, составление разных композиций действий, ситуаций, шагов составляют ядро не только способности к игре в шахматы, но и способности строить жизненную стратегию. Диалог предполагает взвешивание и обдумывание не только внешней стороны дела, объективных событий, но и собственно внутренней. Человек может отдать себе отчет в своих истинных и неистинных желаниях, отбросить, все взвесив, ложные, ничтожные мотивы и низкие побуждения, оценить свои силы. Таким образом, диалог составляет решающий интеллектуальный центр саморегуляции личности. В таком диалоге вырабатываются оценки своих поступков, когда человек мысленно прикидывает и их оценки окружающими, и возможные последствия и выверяет собственные намерения.

В диалоге человек каждый раз заново открывает себя, выверяет свою правоту, осознает вину. В нем он вырабатывает отношение к происходящему. Человек не может одинаково активно действовать по внутреннему убеждению и принуждению. Поэтому, когда возникает такая вынужденная жизненная ситуация (которых множество или большинство в нашей жизни), он вырабатывает к ней свое отношение: пока я вынужден этому следовать, я потерплю, но потом буду свободен поступать как хочу, такой ценой я заработаю себе свободу в будущем. Во внутреннем диалоге проверяется и то, что исходит от субъекта, — его собственные активные шаги, поступки и начинания, и то, что предлагает или требует от него жизнь (неожиданно или постоянно). Внезапные внешние

события ломают, меняют наши глубокие и важные жизненные планы, намерения. Мы должны достаточно быстро преобразовать их в соответствии с новыми жизненными обстоятельствами, требованиями, пойти им навстречу или отказаться и т.д. Здесь также необходим внутренний диалог, глубокое размышление, взвешивающее все «за» и «против», прослеживающее все цепи взаимосвязей, которые могут возникнуть при том или ином варианте. Между тем наше мышление сплошь и рядом поверхностно, поспешно, исходит из плоских альтернатив. Либо все внешнее давит, мешает, негативно, либо, напротив, все увлекательно, интересно и значительно, за чем мы устремляемся по «первому зову», забыв свои намерения, цели, убеждения.

Между тем даже при отсутствии разнообразия во внешней жизни человек всегда благодаря диалогу и многогранности своего мышления может жить увлекательной внутренней жизнью, не всегда легкой, приятной, часто трагичной, в силу оторванности от внешнего мира, но глубокой. Как писал Ромен Роллан, «в одном человеке обитает множество разных людей». Борьба между ними, их спор и противоречия не так страшны, как стремление все сгладить и примирить в себе, заглушить в себе разные мысли и голоса, свести себя к плоскому, однолинейному, живущему однообразной жизнью человеку, для которого в жизни нет проблем. Только внутренняя диалектика, борьба побуждений, мотивов, диалог с самим собой дают человеку при всей трудности внешней жизни чувство внутренней свободы, привычку и способность поступать по внутреннему побуждению, с чем и связано осознание себя как субъекта, способного изменить течение событий. Такой диалог с собой, такая потребность в рефлексии, в осознании жизненных проблем даже ценой потери на время темпа жизни, ее продуктивности является свидетельством силы, а не слабости духа. Такая глубоко личная потребность выплеснулась сейчас в формах общественной рефлексии, которую Н. Скатов назвал так верно — «дух взыскующий». Он цитирует Достоевского, который писал: «Недаром заявили мы такую силу в самоосуждении, удивлявшем всех иностранцев. Они упрекали нас за это, называли нас безличными людьми без отечества, не замечая, что способность отрешиться на время от почвы, чтобы трезвее и беспрепятственнее взглянуть на себя, есть уже сама по себе признак величайшей особенности»⁹.

Отсутствие такой внутренней жизни порождает внутреннюю незрелость, неопределенность, неуверенность, которая часто прикрывается нарочитой внешней жесткостью, бравадой, властностью. Не разобравшись в себе, такой человек берется руководить другими людьми, решать за них, навязывать им свое мнение. У такого человека может возникнуть чувство осознания себя субъектом, подобное описанному выше, но это чувство — иллюзия, поскольку он не обладает ответственностью ни за себя, ни за других. Такой тип также был порожден эпохой застоя, когда определенная категория активных людей, нарушив или разрушив внутренний план своей активности, придала ей прямолинейные, жесткие формы и направила на других.

Внутренний диалог ведет к подлинной цельности и твердости, а не к вечным сомнениям, как это может показаться. Обобщая поступки, события, взвешивая и оценивая их в своем сознании, человек постепенно вырабатывает внутренние принципы и убеждения. Они не всегда так однолинейны и просты, как нам многие годы рисовала художественная и общественно-политическая литература. И на их основе у каждого формируется своя стратегия отстаивания своих убеждений и принципов — и от самого себя, и от «соблазнов» и давлений жизни. Один человек, желая сохранить свои принципы и честь, стремится от всего в жизни уклониться, остаться в стороне. Другой, наоборот, настойчиво проводит их в жизнь, но хочет строить в соответствии с ними жизнь других людей, а не свою собственную. Такие стратегии довольно часто встречаются у стариков, поскольку они уже не могут реализовать выработанные принципы жизни, но настойчиво рекомендуют их молодым, не замечая своей навязчивости, авторитарности.

Однако как согласовать наличие постоянных убеждений и изменчивость жизни, ее требований, изменчивость самого человека? Как согласовать верность своим принципам и

адекватность изменяющейся действительности? Эта проблема является одной из самых сложных в разработке стратегии жизни. Основной подход к ее решению, на наш взгляд, заключается в следующем. Безусловно, принципы, идеалы, убеждения требуют их отстаивания, и не только внешнего, но и внутреннего, поскольку внешние уступки часто ведут к внутренним компромиссам. Когда человек не может отстоять свои ценности, ему приходится идти на жертвы, потери, о которых выше шла речь, т.е., сохраняя одно, терять что-то другое — дорогое и значительное. Наконец, природа и убеждений, и подлинных ценностей такова, что, будучи постоянными, они отличны от всяческих канонов, жестких правил.

Поэтому, сохраняя и защищая свои ценности, а особенно выбирая путь их реализации в жизни, человек должен уметь одно — каждый раз обдумывать, взвешивать, принимать нужные решения в новых обстоятельствах. В этом смысле способность к осознанию, диалогу, размышлению, о которой все время шла речь, отвечает изменчивости, новизне жизни, не предавая убеждений и принципов человека. Жизненные принципы — это не рецепты на все случаи жизни. Именно человек, обладающий ими, должен постоянно ставить перед собой проблемы, как поступить в новых, изменившихся условиях, какое решение принять с позиций своих принципов. Сущность жизненной стратегии — решение жизненных проблем в соответствии со своими принципами.

Действие, которое выражает отношение человека к миру, к другому человеку, в котором он воплощает свои принципы и убеждения, смелый, открытый шаг человека в сложных жизненных обстоятельствах называется поступком. Таковым, например, было обращение Ф. Раскольникова к Сталину с открытым письмом в условиях всеобщего молчания. Своим поступком человек может подписать себе смертный приговор, один лишь поступок может выразить весь смысл его жизни. Одним поступком может быть изменена жизненная позиция самого человека, поскольку он, желая выразить свой протест, закрывает себе возможность дальнейшего благополучия. Можно рассматривать как поступок дарование жизни побежденному врагу и другие проявления великодушия, смелости, принципиальности. Поступок отличен от обычного поведения, в котором соединяются с перевесом в ту или иную сторону внутренние и внешние, но достаточно обыденные, текущие побуждения. Поступок отражает личность. Глубочайший анализ проблемы поступка — его единственности, его смысла, его переживания — предпринял М. М. Бахтин в работе «К философии поступка». «Каждая мысль моя с ее содержанием есть мой индивидуально-ответственный поступок, один из поступков, из которых слагается вся моя единственная жизнь как сплошное поступление, ибо вся жизнь в целом может быть рассмотрена как некоторый сложный поступок: я поступаю всю свою жизнь, каждый отдельный акт и переживание есть момент моей жизни — поступления». Такое понимание жизни как поступления совпадает с нашим понятием стратегии в подлинном ее смысле — как активной жизненной стратегии.

Поступок как выражение и реализация сущности человека, как борьба за свою сущность в любых жизненных обстоятельствах присущ только субъекту жизни. Поэтому в понимании поступка мы следуем С. Л. Рубинштейну, который видел в нем такое проявление субъекта жизни, которое меняет жизненное соотношение сил, меняет расстановку людей, возвращая побежденному нравственное превосходство над победителем, и т.д. Поступком субъект жизни выражает свое отношение к происходящему, не совпадающее со всеобщей оценкой или позицией.

Смысл поступка определяется не только субъектом, который выражает им свое отношение к человеку, к делу, к событию, но и контекстом (как отмечает Бахтин), ситуацией, в которой и благодаря которой данный поступок приобретает особую смелость, неординарность, социальное значение (а иногда вопреки намерению субъекта превращается в фарс).

Джавахарлал Неру дал глубокое философское осмысление проблемы поступка как социальной стратегии человека, анализируя такие политические поступки, как голодовка.

Он показал, что бездействие иногда приобретает смысл действия — поступка. Непротивление злу насилием и известная пассивность — суть всем известной философии жизни Льва Толстого. Неру доказал, что пассивность (голодовка как пассивное непротивление) в некоторых случаях равносильна активной политической борьбе. Иными словами, и бездействие, и неучастие может принять форму поступка, стать выражением социального протеста в определенном политическом контексте. Но самым страшным и трагическим оказывается такое соотношение, когда люди в силу социальной ситуации оказываются не в состоянии совершить поступок, будучи по природе принципиальными и активными.

Когда люди, подобные Бухарину, боровшиеся за дело Советской власти, вступили в конфронтацию с другими социальными силами, лицами и группами, представлявшими эту власть, они оказались в социально трагической, безысходной ситуации: они не могли бороться против своих, тогда как «свои» боролись с ними как с врагами. В период 50-х годов Рубинштейн решал сознательно эту задачу: как, не борясь со своими, не уступать своих позиций, сохранить верность себе и своим социальным идеалам. Он выработал свою стратегию жизни, свою философию — «отступая (т. е. не сопротивляясь), не уступать». К сожалению, его жизнь сложилась так, что эта стратегия была основной стратегией его жизни*.

Если отношение к жизни оказывается пассивным, стандартным, подражательным, то можно говорить о массовом, типичном для людей поведении, способе жизни, стандартных жизненных позициях. Эпоха застоя породила такие социально-психологические стратегии, которые выражали добровольность подчинения принуждению. Это проявилось в расцвете психологии «старательности», «угодничества», в постоянной готовности демонстрировать свою старательность и т.д. Стоящие «наверху» априори наделялись властью. Мало кому приходило в голову требовать доказательств правомерности их власти. Признание власти выражалось в необходимости беспрекословного подчинения. Специфика индивидуального сознания была такова, что оно принимало на веру все социальные правила, нормы, распоряжки. Личность должна была либо подчиняться существующему правопорядку, либо оказаться вне общества, вне закона.

Построенное на вере в справедливость и «правильность» общественной жизни сознание исключало сомнения, возражения, вопросы — оно было безальтернативным. Социальное мышление становилось ритуальным, констатирующим, «верующим». Поэтому и в личной жизни, личных судьбах исчезала способность людей к поступку. Люди не поступали так или иначе, что предполагает выбор, альтернативность, обоснованность поступка, а «вели» себя как «надо».

Наиболее распространенной среди пассивных стратегий оказалась стратегия психологического ухода. Выше, когда уход рассматривался как неспособность разрешить противоречия жизни, как стратегия перехода в новую область жизни, как бы свободную от противоречий, как бы открывающую возможность «все начать сначала», не был отмечен один принципиальный момент. Стратегия ухода от противоречий как признание поражения в данной области жизни, как признание своей неспособности разрешить сгустившиеся противоречия является тем не менее пусть иногда и иллюзорной, но стратегией надежды, т.е. уход, избежание одного почти всегда связано с новой жизненной перспективой. Это либо новая семья, новая, «хорошая» (в отличие от прежней, «плохой»)

* Когда еще в расцвете своих творческих возможностей, в разгар активной общественной деятельности он был вынужден оставить преподавание философии в Одесском университете и уйти (став директором одесской публичной библиотеки) в подвалы- книгохранилища, то он отступил, но не уступил. Он повел свое наступление несколькими годами позже, когда, ознакомившись со всем богатством мировой психологической науки в библиотеке, ставшей его вторым университетом, он вошел в советскую психологию, чтобы произвести в ней полный переворот, разрешить ее кризис и заложить основы нового здания советской психологической науки. Он оказался вынужден отступать и в пятидесятых годах, когда и его настигли гонения, как и других крупных ученых, но не уступил, не сломился ни физически (несмотря на преклонные годы), ни морально и, лишенный постов и званий, унижаемый «проработками», продолжал еще

целых десять лет, до самой последней минуты жизни, создавать труды о личности и человеке. Заложенные в этих трудах идеи способны были поддержать человека тогда, когда социальные условия достигли полной бесчеловечности, посягая на его жизнь, достоинство, внутренний мир.

жена, новая, лучшая работа. Но не всегда уход, т.е. изменение внешней жизни, спасает жизнь внутреннюю. Некоторые формы уходов оказались равносильны внутренней гибели и жизненному тупику. Таким уходом стало массовое пьянство — стратегия забвения реальной жизни и предательство жизни внутренней. И если сотни страниц пишутся о пьянстве как традиции и ритуале, то хотя бы одна должна быть написана о нем как об уходе от жизни.

Поведение людей в эпоху стагнации становилось безличным. За стандартными, типичными действиями, как за ширмой, люди стремились скрыть свои действительные цели и намерения. Мы сегодня много говорим о теневой экономике, но нельзя забывать и теневую психологию. Стратегии состояли не только в том, чтобы достичь своих личных целей, но и в том, чтобы замаскировать их, придать им форму общественно полезных и общественно одобряемых действий. И вероятно, можно вспомнить целую галерею лиц, которые в открытую пользовались благами общества, поскольку остальные безусловно признавали за ними это право. Смешение правды и реальности поступков и психологической неправды, двойственности имело для психологии людей разрушительные последствия. Именно поэтому необходима перестройка «рабского» (по выражению Гегеля) сознания как предпосылка для возрождения и развития способности, умения совершать поступки, строить сознательные стратегии.

Социологический анализ сегодняшних общественных тенденций — различных форм демократических движений, типов противоречий между старыми, бюрократическими формами и новыми, критическими и конструктивными — не может дать ответа на основной вопрос: как пойдет перестройка внутренних тенденций личности, как возродятся ее собственные жизненные силы? Сегодня мы можем лишь констатировать, что перестройка психологии, мышления, сознания одних людей происходит стремительно, тогда как другие сохраняют свой консерватизм, пассивность, продолжают действовать по стереотипу. Поэтому очевидно, что хотя в целом внутренняя перестройка зависит от общественных тенденций и условий, но эта зависимость опосредована самой личностью, ее жизненной позицией. Она будет (или не будет) осуществляться только ей самой.

В период стагнации активность некоторых людей противоречила социальным условиям, тогда как в настоящее время, напротив, обстановка содействует активности, но часть людей отвечает на нее привычной внутренней пассивностью. Это противоречие, или несоответствие, внешнего и внутреннего должно быть устранено. Внутреннее пробуждение возможно только одновременно с ликвидацией такого противоречия.

Все типы людей расположены как бы между двумя полюсами, между которыми находится центр их жизненного равновесия. На одном из полюсов (на котором и оказывались многие люди в предыдущую эпоху) происходило неадекватное, бессмысленное расходование активности, способностей, совершалась растрата душевных сил. Жизнь людей, оказавшихся на этом полюсе (не уравновешенных с социальными условиями, а в конечном счете и с самими собой), была подобна бессмысленной хищнической растрате природных богатств. Незнание человеком своих особенностей, неумение адекватно (к месту, времени и жизненным задачам) расходовать свои психические данные (или социальная невозможность их полноценного применения) приводили в одних случаях к неадекватному перенапряжению, в других — к бессмысленной растрате сил. Имела место экстенсивная эксплуатация человеком своих психических данных. Например, для достижения трудно дающегося социального успеха, положения, как говорилось, человеку приходилось поступаться не только своими принципами, но и лишать себя свободы самовыражения, а тем самым ограничивать свои способности, отказывать себе в удовлетворении естественных потребностей, в результате чего и возникали внутренние диссонансы, несоответствия.

Для типов, расположенных на другом полюсе, характерно оптимальное, т.е.

разумное, плодотворное, применение способностей и душевных сил. Соответственно этим полюсам строятся оптимальные или неоптимальные жизненные стратегии. При оптимальном соотношении человеком своих возможностей с жизненными задачами происходит не только их разумное использование, применение, но и постоянное восстановление, возрождение, умножение.

Таким образом, экстенсивный или интенсивный способы существуют не только в сфере организации экономики, промышленности и земледелия, они являются различными способами организации жизни, благодаря которым по-разному расходуются психические, личностные и в конечном счете жизненные силы человека.

Неоптимальные жизненные стратегии обнаруживают не только отсутствие гармонии, всесторонности личности (которая лишь рекламировалась в годы застоя), но ее дисгармоничность, ее несоразмерность самой себе, ее внутренний разлад. А стратегия жизни в таких случаях являлась своего рода «борьбой с недостатками», поскольку растраты в одном влекли за собой внутренние дисгармонии, которые снова нужно было уравновесить или чем-то компенсировать, и так без конца.

Именно с точки зрения интенсивного или экстенсивного расходования психических сил человека можно понять процесс развития или антиразвития личности. Психологами обычно подчеркиваются огромные возможности, потенциал психического развития, а в качестве примеров описываются особенности развития и совершенствования органов чувств (изошренность вкусовой способности дегустатора, тонкость и совершенство слуха пианиста и т.д.). Однако отсутствует описание процессов совершенствования высших жизненных и личностных способностей, не связанных с тем или иным видом профессиональной деятельности. Между тем совершенствуются не только психофизиологические способности, но изменяется глубина и сила мысли, возрастают интеллектуальные интересы, а вместе с этим усиливается, оттачивается мотивация жизненных достижений, воля, настойчивость личности в реализации принятых решений, уверенность в своей правоте. Жизненные силы такой личности возрастают, умножаются.

Практика жизни свидетельствует, что стойкие жизненные интересы, проверенные временем, становятся привычкой, умением, не требующим дополнительных усилий и затрат. На основе прочных жизненных ценностей и интересов складывается верный образ самого себя, своего «я», поэтому не возникает необходимость каждый раз заново приводить в соответствие свои возможности с целями и задачами жизни (что и требует лишних психических затрат — при экстенсивной жизненной стратегии).

Если к началу включения человека в активную социальную жизнь образ своего «я» сформирован, то социальные требования воспринимаются им объективно и адекватно (позитивно или критично в зависимости от их конкретного характера). Каждое требование не вызывает взрыва эмоций, состояний неуверенности, сомнений и т.д., что происходит с человеком, еще не разобравшимся в себе, не определившим своей позиции, а потому неадекватно — бурно, болезненно или поверхностно — реагирующим на все окружающее. Человек с несформированным образом «я» выполняемые им (на службе, в семье и т.д.) нормы, требования вначале воспринимает болезненно. Затем они переходят в рутинную привычку, которая постепенно переносится и на личную жизнь. Эти нормы, стандарты, сначала чрезмерно переживаемые, занимают сознание, вытесняя необходимую работу над собственными целями, проблемами, а затем, напротив, выполняются по привычке, без всякого внутреннего отношения, живого интереса, чувства. Такое равнодушие в жизни парализует личность в целом. Начинают совершаться только вынужденные, внутренне не выношенные, не обдуманые действия. Собственно замыслы отступают на задний план перед постоянными жизненными требованиями. Несложившийся образ самого себя заменяется социальным стандартом. Жизненные стандарты, характеризующие способ жизни, отрицают ее внутренний смысл, сохраняя одну форму.

Стандарты — это совокупность готовых приемов (действий, поступков, решений),

которые уже не изменяются в зависимости от внутреннего содержания жизни человека, его целей, даже «здорового смысла» (а ведут к их постепенной утрате). Действия, требуемые окружением от человека, выступая по отношению к нему как вынужденные, случайные, одновременно требуют от него либо постоянной готовности — стереотипов, либо чрезмерных психических затрат, но в том и другом случае оказываются либо психически не подкрепленными, либо личностно несостоятельными. Так происходит неадекватная растрата психической и личностной активности. Набор стандартов (самых различных в разных областях жизни) не дает личности удовлетворенности, не ведет к возрастанию жизненной психической активности. В свою очередь неудовлетворенность порождает различные компенсаторные стратегии, когда большое самолюбие толкает на неадекватные поступки, вызов, риск или полную пассивность, страх начать собственное серьезное дело. Противоположным полюсом по отношению к стереотипному способу жизни является творческая поисковая модель организации жизни, при которой личность не удовлетворяется готовыми рецептами и стандартами. Обычно много говорят о творчестве в труде, в деятельности, но редко задумываются, в чем состоит творчество жизни. Если все условия жизни социально даны и даже заданы, неизменны, жестки, то как возможно творчество? Тайна жизненного пути личности в том, что при видимой (и даже очевидной) данности условий ее жизни реально она создает эти условия сама, ищет их и творит. Ей не дано будущее, в которое она строит мост, не имея всех будущих опор. Данные ей условия существуют в самых разнообразных формах — требований, возможностей, ситуаций, задач, в формах позитивных и негативных, значимых и незначимых для данной личности. Многие условия скрыты, личность должна их выявить или даже создать, воссоздать. Творчество начинается с того, что личность конструирует из этих условий жизненные задачи (а не принимает их как готовые), рассматривая одно — как данное, другое — как требуемое, искомое, одно — как желательное, другое — как вынужденное. Она выявляет жизненные проблемы, которые порождаются соотношением ее целей и жизненных данных, определяет пригодные или не пригодные для их достижения средства. Она, наконец, конструктивно решает их, рассчитывая усилия, затрачиваемые на эти решения, определяет их пропорциональность, приемлемую или неприемлемую «цену». Творческая модель организации жизни, деятельности требует от личности пролонгированной активности, умения максимально варьировать свои действия, находить неожиданные решения, абстрагироваться от всего незначимого, несущественного, преходящего.

Творчество жизни — в избегании бесконечных проб и ошибок, из которых складывается стихийная, эмпирическая жизнь. А это в свою очередь дается особой способностью личности к гармонии, к своевременности, к конструктивности. Как кисть мастера интуитивно находит оптимальные пропорции красок, так личность вырабатывает и шлифует мастерство своих жизненных решений, интегрируя в них все силы ума, воли, чувства. Конструктивность жизненной стратегии не только во внешнем действии, но и в способности к накоплению и осознанию своих душевных сил, в мужестве, в умении противостоять негативным случайностям, выдерживать жизненные удары и собственные поражения.

Развитие, таким образом, это не только уровень и качество психических процессов, даже не совершенство отдельных личностных свойств, способностей, но конструктивный творческий характер способа жизни личности. Для характеристики развития личности уместно понятие личностной зрелости. Под зрелостью имеется в виду способность человека к пропорциональному жизненным задачам расходованию, продуктивному применению своих личностных возможностей и особенностей своего типа личности. Только зрелый человек затрачивает пропорциональные усилия на значимые и незначимые дела, владеет способностью к саморегуляции, которую можно назвать жизненным самообладанием. Только зрелый человек способен своей волей определять и направлять ход событий и расстановку сил в своей жизни. Он сам формирует ситуации жизни,

предлагает и задает стиль общения, влияет на окружающих его людей. Стандартные стратегии или способы организации жизни иногда оказываются более легкими для реализации, иногда более эффективными социально. Но внешнедетерминированный, следующий социальному стандарту тип людей, в первую очередь успешно выполняя обязательные дела, не способен скоординировать свою жизнь в целом со своими потребностями.

Преобладание внутренней детерминации в организации жизни есть проявление своеобразного эгоцентризма. Однако последний отнюдь не всегда совпадает с эгоизмом, не служит показателем «заикленности» человека на своей персоне, не связан с отрицанием авторитетов и т.д. Эгоцентризм означает, что происходит преломление внешней детерминации через внутренние условия, следовательно, имеет место единая внутренняя логика, исходя из которой все внешнее принимается или отвергается, преобразуется и осуществляется. Эгоцентрическая личность поэтому не подвержена излишней тревожности, различного рода страхам и переживаниям, присущим внешнедетерминированным людям. Она способна к охране своего «я», своих жизненных границ, своих интересов, своего способа жизни. Образ «я» таких людей, способность к рефлексии — к самоконтролю, к самосовершенствованию позволяет им достичь такой гибкости и динамичности в организации своей жизни, которая недоступна внешнедетерминированным, ситуативно ориентированным людям.

Однако возможен и такой тип внутренней детерминации, когда человек перестает активно относиться к внешнему миру, замыкаясь в себе. Такой тип людей относительно легко переносит тяготы жизни, так же как и относительно равнодушно встречает ее радости — в силу удаленности его внутреннего мира как от плохого, так и от хорошего. Такой тип эгоцентрика скорее работоспособен, чем активен, не предприимчив, не инициативен, но вынослив, проявляет устойчивость.

Напротив, человек с конфликтным соотношением внешнего и внутреннего обычно неустойчив, склонен к преувеличению внешних требований или внутренних возможностей, а потому мало способен к пролонгированной организации своей жизни, к последовательности жизненных шагов, к обоснованности жизненных решений. Ему не свойственна стабильность, надежность, постоянство и способность к ясным, внутренне обоснованным решениям, которые присущи эгоцентрику. Постоянный конфликт между внешним и внутренним приводит к быстрому истощению психических и нервных сил, падению работоспособности и даже жизнеспособности. Такие люди многое обещают, но малого добиваются, даже для самих себя.

Гармония внешнего и внутреннего у эгоцентрического или творческого типа личности, как и гармония всех «составляющих» внутреннего мира, всех жизненных проявлений и притязаний, достигается не за счет раз и навсегда осуществленного соединения, суммирования внешних и внутренних жизненных координат, а именно за счет их постоянного согласования посредством целенаправленной конструктивной активности личности.

Однако внешнедетерминированный тип людей, склонных к принятию готовых стереотипов, делится на существенные подтипы по характеру жизненных стратегий. Как говорилось, существуют ситуативные, функциональные типы людей, которые обладают высокой активностью, направленной на лучшее схватывание и быстрейшую реализацию той или иной ситуации, того или иного стандарта. Это гибкие люди, которых можно назвать тактиками. Фактически они не способны к построению собственной жизненной стратегии (если не считать стратегией способность плыть по течению и приспособливаться к требованию момента). Но среди внешнедетерминированных лиц резко выделяется тип консерваторов. Его характеризует отсутствие гибкости в восприятии себя и окружающих событий, нежелание признавать новое, приверженность к однообразному укладу, порядку жизни, а потому нередко — пассивность. Эти качества личности — само воплощение ее неспособности и ее отрицания стратегии жизни, своего

рода антистратегия. Однако, на наш взгляд, ошибочно считать, что консерваторы — это только какие-то «другие», «старого склада» представители административно-командной системы, не имеющие ничего общего с нынешним поколением.

Консерватизм прочно внедрился в психологию и сознание людей нашего общества, он есть даже там, где звучит самый новейший рок, который является по сути не чем иным, как консервативным копированием старых зарубежных стандартов. Наиболее стойким психологическим выражением консерватизма является «щелевое» сознание, которое порождает и своеобразную тактику жизни. Для обыденной жизни такое сознание в известном смысле удобно, поскольку четко структурирует ежедневные бытовые проблемы, действия, не «засоряя» душу лишними мыслями, сомнениями, вопросами. Узость взглядов, нежелание проникать за рамки повседневности — такова тактика настоящих противников внутренних бурь и проблем своей духовной жизни. Сознание, которым, казалось бы, человек наделен самой природой для решения сложнейших задач, функционирует минимально. Кое для кого сознание — враг, которого постепенно нужно подавлять, или обманщик, искажающий истинное положение дел, выдающий желаемое за действительное. Но наиболее ярко консерватизм «щелевого» сознания обнаруживается тогда, когда человек отрицает какое бы то ни было право быть непохожим на других, на всех, жить не как другие. Художественной и публицистической литературой описаны многие негативные социально-психологические явления, распространившиеся и расцветшие за 70 с лишним лет в нашей жизни,— зависть, равнодушие.

Консерватизм сознания закрепился и в привычке все терпеть, все принимать как данное, как должное, принимать, что «выдали» или «не дали», «выбросили» или «разрешили». Можно сказать, что такой консерватизм мало чем отличается от психологии рабства. При этой жизненной позиции невозможна никакая активная жизненная стратегия. Сегодня, когда во многих сферах общественной жизни реализуется плюрализм мнений, мышления, соответственно должны быть преодолены консерватизм индивидуального сознания, психология нетерпимости по отношению к инакомыслящим и инакоживущим. И одновременно индивидуальное сознание сможет обратиться на осмысление собственного способа жизни вместо постоянного, назойливого внимания, подглядывания и порицания чужой жизни. Осознание своих жизненных задач, осмысление возможных решений и их последствий, обобщение позитивного опыта своей жизни и прогнозирование ее будущих перспектив — эта внутренняя духовная работа человека позволит ему построить наилучшую стратегию собственной жизни, прожить свою жизнь плодотворно и интересно.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Огромный водораздел между наукой и жизнью, который был особенно глубоким для общественных наук, привел к тому, что развитие научных знаний о человеке, личности, ее психологии мало влияло на использование этих знаний широким кругом людей, мало помогало в осмыслении, а тем более в улучшении их жизни. Как известно, в западно-европейском и особенно американском обществе играл и продолжает играть такую роль психоанализ. Люди нуждаются в помощи психолога, в совете, в участии. У них возникает потребность выговориться, с чьей-то помощью понять себя. Конечно, практики психоанализа опирались на теорию, во многом не выдерживающую критики. Но за этой критикой советские психологи проглядели самое главное — практическую потребность людей в их помощи, в том, чтобы перевести сложные научные данные в формы, понятные, необходимые человеку в жизни (в силу чего и стал так популярен психоанализ и психоаналитик, выполнявший эту функцию). Сейчас это положение в нашей стране выправляется — созданы различные психологические консультации, куда можно обратиться по разным вопросам, психологи выступают в широкой печати. Однако все эти шаги еще очень незначительны.

Вопрос о том, созрело ли наше общество до обсуждения вопросов психологии и личной жизни каждого человека, является дискуссионным. Многие сочтут, что там, где люди не обеспечены продуктами питания, жильем, где не решены проблемы охраны здоровья, «не до психологии» и тонкостей душевной жизни. Но можно взглянуть на вещи иначе. Там, где особенно трудна жизнь, в тот момент, когда для многих людей померкли идеалы, когда оказалась подорвана вера в преподнесенное «сверху» благополучие, потребность разобраться в себе, построить свою жизнь разумно и счастливо может оказаться главной, а решение такой задачи может стать реальной жизненной ценностью. Именно для этого написана данная книга, именно этот вопрос она ставит, а решить его сможет каждый для себя сам.

Приведенные в разных главах данные о типологических особенностях людей изложены не так полно и последовательно, как того требовал бы научный трактат, не каждый человек найдет здесь ответы на все свои конкретные жизненные вопросы. Это может сделать психолог, который выслушает и даст совет. Эта книга написана для тех, у кого уже возникла потребность познать самого себя, привычка обдумывать свою жизнь, а потому желание самому принимать жизненные решения, обосновывать свои поступки, строить жизненные планы.

Понятие стратегии, хотя ему в тексте давалось множество разнообразных определений, и означает в конечном итоге способность к самостоятельному построению своей жизни, к принципиальному, осмысленному ее регулированию в соответствии с кардинальным направлением.

Стратегия была определена и как способность строить жизнь в соответствии со своей индивидуальностью, типом личности, и как способ разрешения противоречий между внешними и внутренними условиями реальной жизни, в которой внешние условия отнюдь не всегда соответствуют и способствуют потребностям, способностям, интересам данного человека. Она была определена и с точки зрения диалектики взаимодействия личности и общества — получения, потребления общественных благ индивидом и обратной отдачи им обществу своих сил, труда, способностей. Она определялась и в аспекте активности личности, и в аспекте ее способности к организации времени жизни (как активная, пролонгированная стратегия), и, наконец, в аспекте способности личности социально мыслить, т.е. теоретически определять свое место в мире сложных человеческих взаимоотношений, находить адекватный реалистический образ самого себя. Выяснилось, что ряд социально-психологических типов людей, сложившихся в эпоху

стагнации, не способен к построению стратегии в принципе: эти люди, их психический личностный склад оказались в известном смысле «отравленными» определенными социальными условиями, которые непосредственно повлияли на их конкретную жизнь и личность, они стали носителями и распространителями вируса стагнации, иногда сами того не ведая. Некоторые строили вынужденные, неоптимальные, обходные, отступающие жизненные стратегии, но тем самым сохранили себя как личность.

Подытоживая, можно сказать, что на формирование жизненной стратегии в немалой степени влияет жизненная позиция человека, совокупность жизненных целей и задач. Если эти задачи предельно примитивны, жизненный кругозор человека узок, нет жизненных перспектив, необходимость в стратегии сама по себе отпадает. Если позиция противоречива, неустойчива, стратегию построить трудно. Прежде чем начать обдумывать стратегический план жизни, нужно разобраться в этих противоречиях, постараться определить их суть, начать разрешать. Потребность в определении, формировании и реализации своей жизненной стратегии тесно связана с потребностью сделать свою жизнь более насыщенной внутренними событиями, более интенсивной духовно, более осознанной. Избегание проблемности в жизни, нежелание «усложнять» себе жизнь чем-то выходящим за рамки повседневного распорядка равносильны отказу от стратегии и организации своей жизни.

Если жизненная позиция служит своеобразной платформой для жизненной стратегии, из которой она возникает и формируется, то стратегия в свою очередь создает условия для дальнейшего совершенствования жизненной позиции, осознания своей роли и своего назначения в жизни и их реализации. Стратегия помогает увидеть возможности дальнейшего расширения жизненных перспектив, сохранять и выявлять последовательность в реализации жизненной линии. Стратегический план жизни — своеобразная форма активного осознания и конструктивной организации будущего. Выстраивая последовательность и определяя связь сегодняшних и завтрашних жизненных задач, человек способен видеть разные варианты их связей, избежать издержек, ошибок в принимаемых решениях. Стратегия предполагает умение принимать решения. В определении принципов решения жизненных задач и заключается суть стратегии, в которой проявляется и конструктивность, и творческая активность личности. Умение принимать решения и должно отличать стратега в повседневной жизни; качество, перспективность, оперативность принятия решения отличают стратега от тактика. Осмысливая задачи стратегического характера (как жизненно значимые), человек не стремится поскорее «отделаться», сбросить их с себя, а осуществляет их решение и с учетом предыдущего опыта и с перспективой на будущее. Сами эти задачи решаются не «одноразово», а последовательно и пролонгированно. Стратегический план не есть совокупность жизненных шагов, совершаемых по рецептам на все случаи жизни (женитьба, диссертация, ребенок), он наполнен индивидуальным личностным содержанием — тем, как личность хочет выразить себя, от чего уберечь, в чем найти.

Мы любим заглядывать в будущее с помощью гаданий, предсказаний гороскопов. Нет ни одного человека, который был бы равнодушен к тому, что ждет его впереди. Однако часто взгляды в будущее либо связываются с «волей судьбы», либо остаются «розовыми мечтами», не находя своего воплощения в упорных, активных действиях человека по построению этого будущего сегодня. Жизненные цели, мечты, надежды приобретают форму и статус социальной реальности только на основе стратегического плана жизни. Этот план не на бумаге, даже не только в голове, он, прежде всего, в душе, он-то и наполняет реальным смыслом все текущие дела, месяцы, годы, превращая их в жизнь. Стратегический план жизни — это ее замысел, «дизайн», своеобразная картина жизни. Но, рисуя ее своим воображением, своим действием, упорством, разумом и волей, мы не должны забывать о том, что картина эта — наша, что рисует ее тот, кто хочет и может многое прекрасно и неповторимо в своей жизни осуществить. Это картина того, что осуществлялось и что еще должно осуществиться, что запомнилось на всю жизнь и

что еще предстоит осознать, почувствовать, пережить.

Однако знание своих индивидуальных, типологических особенностей еще не является гарантом того, что человек может изменить свой личностный склад в желательном направлении, поскольку последний обладает определенной устойчивостью. Осознать, что личность хочет в себе изменить, и осуществить эти изменения можно в процессе решения жизненных задач, в которых всегда представлено и личностное, и общественное. Накапливая жизненный опыт решения этих задач, подводя некий баланс своих достижений и неудач, возможностей и ограничений, человек делает более-менее осознанный вывод о том, чем он удовлетворен — не удовлетворен в жизни, в себе, в своей позиции.

Понять, какую роль играет в конкретном жизненном раскладе именно тот или иной фактор — внешний или внутренний, иногда бывает очень сложно. Например, вздорный характер может быть следствием неудовлетворенности человека своей жизнью, но он может быть сам первоисточником жизненных ошибок, жизненное самочувствие может отражать неудовлетворенность общественной жизнью и вместе с тем удовлетворенность своей собственной. Одновременно и общественные условия по-разному определяют жизненную судьбу каждого человека. Поэтому только с помощью социально ориентированного мышления человек может и оценить особенности своего характера с точки зрения своей жизненной роли, и отдать себе отчет в своих притязаниях, а главное, понять механизм своей связи с обществом, осознать, может ли он использовать социальные возможности или, напротив, будучи используемым обществом, сам теряет свои личностные возможности, утрачивает свою индивидуальность.

Поставим вопрос, насколько целесообразно общество использует людей, какими критериями оно руководствуется при этом? Не вдаваясь в детали, можно определенно сказать, что ни одно общество не ориентируется на индивидуально-психологические особенности людей, не формирует идеальную с точки зрения психологических критериев личность, хотя его волнует состояние сознания людей. Общество его активно формирует, направляет, обрабатывает и т.п. В результате возникает парадокс: человек объективно несчастен, но считает себя счастливым до тех пор, пока не осознает свое истинное положение. Поэтому каждому необходимо разобраться, изменить ли свое несчастное сознание или восстановить свое реальное жизненное самочувствие.

Любое общество, ориентируясь на разные типы людей, само типизирует их в зависимости от того, служат ли они его развитию и функционированию или стабилизируют, сохраняют его статус-кво. Соответственно первый тип людей проявляет способность к творчеству в социальной сфере, второй — к адаптации, активному социальному действию, третий — к консерватизму. Большая независимость одного типа в творческом плане оборачивается его большей социальной зависимостью и более глубоким переживанием этой несвободы в силу его творческого склада, тогда как функционеры всегда имеют большую свободу, но в рамках общественного гарантированного направления, одновременно лишаясь творчества, тонкости, сложности.

Сегодня в нашем обществе произошла более значимая психологическая, чем экономическая, дифференциация людей. Ее последствия гораздо серьезнее, чем последствия невысокого уровня материального благосостояния, поскольку первые последствия касаются социальной жизнеспособности людей. Определенная часть людей стремится защитить свои социальные позиции, другая — видит новые перспективы и желает социального обновления, увлечена открывшейся возможностью социального творчества и т.д. Но часть людей, которые ежедневно в течение всей жизни отдавали обществу без остатка свои силы, здоровье, ум, надеялась на то, что на каком-то этапе, когда уже иссякнут их силы, им не нужно будет снова каждый день доказывать свою социальную состоятельность. Именно эти люди, которые убили в себе самолюбие, снизили притязания и потребности ради надежности, которую им обещало общество, сегодня вряд ли способны к новому старту.

Невольно мысль возвращается к фрейдистской концепции, которая вскрыла противоречие индивида и общества и проследила эволюцию этого противоречия в глубинах не только личного сознания, но и на уровне бессознательного. В целом идеи Фрейда сегодня представляются оптимистическими, поскольку он считал, что дефицит в одной сфере (сексуальной) может компенсироваться в другой (творческой), что противоречие, загнанное в глубь личности, можно вызвать из глубин и разрешить с помощью другого человека. Сегодня психологи обязаны сказать, что порожденные нашим обществом противоречия, которые были загнаны в глубь личности и с которыми она умудрилась прожить всю свою сознательную жизнь, делая при этом вид, что все хорошо, подвели многих людей к опасной черте. Знать, что ты напрасно терпел всю жизнь лишения, стократ тяжелее, чем потерять состояние или плод своего труда. Это тяжелейшее обесмысливание жизни подвело некоторых людей к той грани, за которой следует не психическая патология, а начинается ее психическая, личностная смерть.

Поэтому, прежде чем требовать от людей новых социальных инициатив, нужно представить себе, чем они реально сегодня являются. Думать, что человек — такое идеальное устройство, которое может каждый раз начинать с энтузиазмом все заново, перестраиваясь в своих мотивах, желаниях на новый лад, моментально привыкая к новой правде, — значит думать нереалистично. Это обязаны учитывать новые строители общества в своей социальной стратегии, в своих призывах и осуждениях. Даже экономически лечить последствия наступившей деградации или психической смерти (преступность, алкоголизм, наркомания) дороже и труднее, чем не доводить людей до этой черты.

Одной из особенностей плюрализма как нового мышления, по-видимому, должно стать не наличие множества взглядов на одно и то же явление, а видение множества его аспектов благодаря наличию взаимодополняющих оценок, мнений. Споры нет, социальная, экономическая оценка функций общества и человека всегда возьмет верх над психологической и выйдет на передний план. Но чтобы эта оценка не оказалась новой утопией, нужно, чтобы в ней учитывалась реальная взаимосвязь социальных и психологических пружин, механизмов бытия человека, приводящая их в действие. Потеря общей жизненной мотивации ведет к потере мотивации труда, при которой уже никакие материальные стимулы не оживят главную производительную силу.

Хочется надеяться, что в сегодняшнем социальном громкоголосье будет услышан голос психологов.

Увлечение молодежи психоанализом есть не более чем детская игра на фоне трагедии, состоящей в непонимании обществом роли психического, его ценности и факта его истощения. Наше общество только что подошло к осознанию социальной и личной ценности здоровья, но оно еще далеко от осознания роли психики, психологии личности как реального двигателя жизни человека. Данная книга написана для тех, кто захочет и сможет это услышать.

СПИСОК ЦИТИРУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

К главе I (6-39)

- ¹ См. *Рубинштейн С. Л.* Проблемы общей психологии. М., 1976. С. 344—345.
- ² *Телешов Н.* Записки писателя. М., 1987. С. 74.
- ³ См. там же. С. 114.
- ⁴ *Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии. М., 1946. С. 684.
- ⁵ Там же. С. 683.
- ⁶ *Рубинштейн С. Л.* Бытие и сознание. М., 1957. С. 310.
- ⁷ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 3. С. 19.
- ⁸ *Рубинштейн С. Л.* Проблемы общей психологии. С. 345.
- ⁹ *Рубинштейн С. Л.* Николай Николаевич Ланге // Народное просвещение. Одесса, 1922. № 6—10.
- ¹⁰ *Рубинштейн С. Л.* Проблемы общей психологии. С. 351 — 352.
- ¹¹ *Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии. С. 676—677.
- ¹² *Рубинштейн С. Л.* Проблемы общей психологии. С. 346.
- ¹³ *Рубинштейн С. Л.* Дневники. Частный архив. С. 54.
- ¹⁴ *Рубинштейн С. Л.* Проблемы общей психологии. С. 347.
- ¹⁵ См.: *Ананьев Б. Г.* Человек как предмет познания. Л., 1969. Исследования Б. Г. Ананьева были продолжены его учениками (см.: *Карсаевская Т. В.* Прогресс общества и проблемы биосоциального развития современного человека. М., 1978; *Логинова Н. А.* Развитие личности и ее жизненный путь // Принцип развития в психологии. М., 1978).
- ¹⁶ См.: *Стиль жизни личности.* Киев, 1982.
- ¹⁷ См.: *Томэ Г.* Теоретические и эмпирические основы психологии развития человеческой жизни // Принцип развития в психологии. М., 1978.
- ¹⁸ См.: *Активность и жизненная позиция личности.* М., 1988; *Жизненный путь личности.* Киев, 1987.
- ¹⁹ См.: *Сарджвеладзе Н. И.* Личностная позиция и репрезентация жизненного пути у молодежи // Психология личности и образ жизни. М., 1987.
- ²⁰ *Рубинштейн С. Л.* Проблемы общей психологии. С. 379.
- ²¹ См.: *Парыгин Б. Д.* Научно-технический прогресс и проблема самореализации личности // Психология личности и образ жизни.
- ²² *Рубинштейн С. Л.* Дневники. Частный архив. С. 35.
- ²³ См.: *Патаки Ф.* Социально-психологические вопросы смены поколений // Социально-психологические и нравственные аспекты изучения личности. М., 1988. С. 11.
- ²⁴ См.: *Будилова Е. А.* Социально-психологические проблемы в русской науке. М., 1983.
- ²⁵ *Goffman E.* The presentation of self in everyday life. 1978.
- ²⁶ *Chein I.* The awareness of self and the structure of the ego // Psychol. Rev. 1944.
- ²⁷ См.: *Коган Л. Н.* Цель и смысл жизни человека. М., 1984.

К главе II (40-65)

- ¹ См.: *Абульханова К. А.* О субъекте психической деятельности. М., 1973.
- ² *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 5.
- ³ См.: *Скорородова О.* Как я воспринимаю окружающий мир. М., 1949.
- ⁴ См.: *Русанова В.* Зависимость психического напряжения от некоторых характеристик личности // Актуальные вопросы психологии личности. М., 1988.
- ⁵ См.: *Яро К.* Юмор и его парадоксальная микросоциологическая функция // Psychological Development and Personality Formative Processes. Психическое развитие и

формирование личности: Сб. 5-й Пражской международной конференции. Прага, 1988.

⁶ См.: *Воловикова М. И.* Моральное развитие и активность личности // Активность и жизненная позиция личности.

⁷ См.: *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества.

⁸ См.: *Узнадзе Д. Н.* Экспериментальные основы психологии установки. Тбилиси, 1961.

⁹ См.: *Леонгард К.* Акцентуированные личности. Киев, 1981. С. 32.

¹⁰ Там же. С. 33.

¹¹ *Микишик О.* Методологические вопросы изучения личности и ее саморегуляция // Психология личности в социалистическом обществе. М., 1990.

¹² *Couch C.* Elementary forms of social activity // *Studies in Symbolic Interactionism*. L., 1986.

К главе III (66-78)

¹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 46. Ч. I. С. 114.

² См.: *Трубников Н. Н.* Время человеческого бытия. М., 1987.

³ См.: *Абульханова-Славская К. А.* Деятельность и психология личности. М., 1980. С. 20 и др.

⁴ См.: *Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии.

⁵ *Buhler Ch.* Der menschliche Lebenslauf als psychologisches Problem. Leipzig, 1933.

⁶ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 46. Ч. I. С. 116 — 117.

⁷ Там же. С. 117.

⁸ Там же.

⁹ См.: *Сэв Л.* Марксизм и теория личности. М., 1972. С. 424.

¹⁰ *Gadbois Ch.* Conditions temporelles em regulations de l'activite au travail et hors travail. P., 1988.

¹¹ *Biographie and Psychologie*. Berlin; Heidelberg, 1987.

¹² *Kastenbaum R.* The dimensions of future time perspective and experimental analysis // *Journal General Psychol*. 1961. Vol. 65.

¹³ *Buhler Ch.* Der menschliche Lebenslauf als psychologisches Problem.

¹⁴ См.: *Ковалев В. И.* Психологические особенности личностной организации времени жизни: Автореферат канд. дис. М., 1979.

¹⁵ *Frank L. K.* Time perspective // *Journal Soc. Phil*. 1939. 4.

¹⁶ См.: *Ананьев Б. Г.* О проблемах современного человекознания. М., 1977.

К главе IV (79-95)

¹ *Иванов В. П.* Человеческая деятельность — познание — искусство. Киев, 1977. С. 201.

² *Bodieu P.* Le sens en pratique. Approche sociopragsmatique des personnels. P., 1985.

³ См.: *Мышкина В. Т.* Психологическая готовность к художественно-творческой деятельности. Ч. II. М., 1987.

⁴ См.: Психология личности и образ жизни.

⁵ См.: *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества.

⁶ См.: *Рубинштейн С. Л.* Бытие и сознание.

⁷ См.: *Абульханова-Славская К. А.* Деятельность и психология личности.

⁸ См.: *Кучинский Г. М.* Психология внутреннего диалога. Минск, 1988.

⁹ См.: *Абульханова К. А.* О субъекте психической деятельности.

¹⁰ См.: *Ломов Б. Ф.* Особенности познавательных процессов в условиях общения // *Психологический журнал*. 1980. Т. I. № 5.

¹¹ См.: *Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии.

¹² *Shaw M. E., Costanzo P. R.* Theories of social psychology. N. Y., 1970. P. 255.

¹³ См.: *Бодалев А. А.* Восприятие и понимание человека человеком. М., 1982.

¹⁴ *Khol I.* Rozhodovani v Kazdodenni Zivotni a Ridici praxi. Praha, 1987.

¹⁵ См.: *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества.

¹⁶ См.: *Сыркина В. Е.* Понимание выразительности, речи школьниками // Известия АПН РСФСР. 1947. № 7.

¹⁷ *Рубинштейн С. Л.* Проблемы общей психологии. С. 370.

К главе V (96-117)

¹ *Wertheimer M.* Productive thinking. N. Y., 1945.

² *Taylor D. W.* Thinking and creativity. N.Y. 1960. 91. P. 108 — 127.

³ См.: *Йолова Х. Г.* Соотношение самооценки и некоторых компонентов умственных способностей: Автореферат канд. дис. М., 1989.

⁴ *Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии. С. 353.

⁵ *Волошинов В. Н.* Марксизм и философия языка. М., 1929. С. 101 — 102.

⁶ Там же.

⁷ См.: *Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии. С. 429 и др.

⁸ *Hant Mc. V.* Intelligence and experience. N. Y., 1961.

⁹ *Рубинштейн С. Л.* О мышлении и путях его исследования. М., 1958. С. 14.

¹⁰ См.: *Коржева Э. М., Наумова Н. Ф., Сазонов Б. В.* Социологическая интерпретация понятия «проблема» в системных исследованиях // Системные исследования. Методологические проблемы: Ежегодник. М., 1985.

К главе VI (118-150)

¹ *Hilgard E. R.* Human motives and the concept of the self // Amer. Psychologist. 1949; The study of personality. N. Y., 1954.

² *Raimy V. C.* The self-concept as a factor in counseling and personality organization: Unpublished doctor's dissertation. Ohio State Univ., 1943.

³ *Curle A.* Mystics and militants // The study of a wareness, identity and social actions. L., 1972.

⁴ *Рубинштейн С. Л.* Проблемы общей психологии. С. 347.

⁵ Там же.

⁶ См.: Социально-психологические проблемы нравственного воспитания личности. Л., 1984. С. 150.

⁷ *Arrow K. J.* Social choice and individual values. N. Y., 1963.

⁸ *Бахтин М. М.* К философии поступка // Философия и социология науки и техники: Ежегодник 1984 — 1985. М., 1986. С. 83.

⁹ *Скатов Н.* Дух взыскующий // Правда. 1989. 13 нояб.

